

АНДРЕЙ ПОСНЯКОВ

КОНДОТЬЕР

ЛИВОНСКИЙ ПРИНЦ
КОРОЛЬ
ПОТОМ И КРОВЬЮ

БФ-коллекция

Андрей Посняков

**Кондотьер: Ливонский принц.
Король. Потом и кровью**

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Посняков А. А.

Кондотьер: Ливонский принц. Король. Потом и кровью /
А. А. Посняков — «Издательство АСТ», 2021 — (БФ-коллекция)

ISBN 978-5-17-134983-7

Вторая половина шестнадцатого века. Ливонская война. Войска союзника Ивана Грозного, принца Ливонии Магнуса, осадили Ревель. Свистят ядра и пули, тащит штурмовые лестницы лихая пехота... и никто не догадывается, что сам принц – не настоящий! А наш современник, оказавшийся в прошлом по собственной воле, Леонид Арцыбашев. В Москве Леонид обнаружил в одной из антикварных лавок старинный манускрипт эпохи Ивана Грозного. Проследив за хозяином манускрипта, Леонид оказался в подземельях Москвы... откуда выбрался в подвал Тайницкой башни Кремля в шестнадцатом веке, как раз во время правления царя Ивана Васильевича. Странно одетого Арцыбашева принимают за «датского немца» – союзника Ивана, ливонского принца Магнуса. Связывающий эпохи ход между тем закрылся, но сдаваться просто так наш герой не собирается: нужно как-то выжить и выбраться обратно.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-134983-7

© Посняков А. А., 2021
© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Ливонский принц	6
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Андрей Посняков
Кондотьер: Ливонский принц.
Король. Потом и кровью (сборник)

© Андрей Посняков, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Серия «Коллекция»

Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону

Ливонский принц

Глава 1

Наши дни. Москва

Тит Ливий

Осторожно выглянув из-за угла, Леонид увидел сутулого уже в конце улицы, вернее маленького узкого переулка, напрочь лишенного солнца даже сейчас, светлым майским вечером. Яркие лучики золотили лишь крыши, иногда вспыхивая в окнах последних этажей невысоких, четырех-, пятиэтажных домов, судя по архитектуре выстроенных в самом начале двадцатого века.

Лёня вел сутулого – именно так он именовал незнакомца – еще с Якиманки, с антикварной лавки. Там его и поджидал, и вот теперь решил выследить. Сначала хотел просто поговорить – там же, в магазине, – да из беседы ничего не вышло. Незнакомец просто не захотел разговаривать, более того – быстро ушел, даже не заглянул к стеллажам, как всегда делал. Ушел... Но вернулся, как и уверял хозяин лавки Тимоха, давний Лёнин друг. И вот тут-то Леонид – Леонид Федорович Арцыбашев – не стал теряться.

Не мытьем, так катаньем! Все равно узнать! Выяснить, откуда у сутулого такие раритеты? И ладно бы просто деньги – «новгородки» Елены Глинской! Хорошие такие монетки, серебряные, и самое главное, ничуть не затертые. На аверсе – всадник с копьём. Денежки эти еще называли «копейками». В отличие от «московских» – «саблениц», где на аверсе всадник с саблей. «Новгородка» к «московской» – номиналом два к одному. Сто «новгородок» – московский счетный рубль. Шестнадцатый век, однако!

Однако не в «новгородках» было дело – в листах пергаментных. Латынь. Тит Ливий. Совершенно неизвестный исторической науке список! Еще бы, из ста сорока томов крупнейшего римского историка сохранилось лишь тридцать пять. Остальные же...

Остальные вполне могли быть в утерянной библиотеке Ивана Грозного, знаменитой либерее, в которую Лёня, честно говоря, не очень-то и верил, но вот факты, точнее говоря – факт! Неизвестный Тит Ливий – ну откуда еще? Говорят, библиотеку ту бабка Ивана Грозного, супруга Ивана Третьего, бесприданница Софья Палеолог, никому после падения Константинополя особо не нужная, с собой привезла. Верится, конечно, с трудом – на что до свадьбы жила-то? Ведь скиталась, бедствовала. Если и имелись у нее ценные – даже в то время – книги, так уж продала бы. Тем более оказывающий ей покровительство папа римский Сикст Четвертый считался большим книгоцелем.

Кто только эту библиотеку ни искал... Известный авантюрист Стеллецкий даже деньги под это дело выбил, и не у кого-нибудь, а у самого Иосифа Виссарионовича Сталина! Не нашел ни хрена. Так что не сохранилось никаких раритетов. Однако – Тит Ливий. Ну, точно он...

Ага! Вот сутулый зашел в какой-то бутик. Что-то долго не выходит. Покупает что-нибудь? Или там есть другой выход? Скажем, на ту же Якиманку. Если так, то...

Вышел! Высокая, слегка сгорбленная фигура в потертых джинсах и старой кожаной – несмотря на пусть прохладный, но все же май – куртке. И что он так горбится-то? Парень-то еще молодой, лет тридцати – Лёнькин ровесник. А прикинут как подросток: нечесаные патлы, высокие армейские ботинки-берцы, длинная, нелепо торчащая из-под куртки майка с изображением финской блэковой группы «Чилдрен оф Бодом». Леонид эту группу знал, но музыку

такую особо не слушал, предпочитал чего помягче да постарее – «Мотли Крю», «Скорпионс», «Кисс»...

Потертая куртка замаячила где-то в конце проулка, и преследователь прибавил шаг. Слава богу, кругом было довольно многолюдно – не ночь и не раннее утречко, так что Лёня ничуть не боялся, что незнакомец вдруг его узнает. А даже и узнает – и что? Ну, идет себе человек куда-то по своим делам, что такого? А что пересеклись вдруг – случайность.

Немного пойдя прямо по улице, сутулый свернул во двор. Арцыбашев насторожился – вот здесь уже вполне можно заметить слежку. Что же делать-то? А делать нечего! Вперед. Раз уж начал.

Уютный московский дворик ничуть не походил на привычный Леониду питерский каменный мешок-колодец: зеленые деревца, кусты цветущей сирени, аккуратно припаркованные авто, клумбы. В песочнице, меж деревьями, играли малыши. На лавочках рядом судачили бабушки. Еще девчонки со скакалками. Мальчишки на велосипедах. А кожаная куртка – где? А нету!

Леонид откровенно заволновался. Скорее всего, незнакомец просто зашел в какой-то подъезд. Живет здесь. Впрочем, не мог так быстро. Пока ключ-«таблетку» к дверям приложит, пока...

Ага, вот он! Кожаная куртка мелькнула в самом конце двора, за деревьями. Мелькнула – и пропала. Но не в дом вошел – точно.

Наплевав на все правила слежки, молодой человек сорвался с места и побежал, словно бы куда-то опаздывал, едва не сбив пролетевшего мимо велосипедиста. Вернее, это велосипедист его чуть не сбил. Вот ведь, блин, раскатались!

Двор оказался проходным, да Леонид в принципе и ожидал чего-то подобного. Тут же перешел с бега на шаг да, зачем-то оглянувшись, резко свернул под арку. Свернул – и затаился. Отсюда, из темноты, было хорошо видно, как сутулый склонился за мусорными бачками. Потерял что-то? Или, наоборот, нашел?

Позади вдруг послышались голоса, и молодой человек непроизвольно оглянулся. Мальчишки. Аккуратненькие, в чистых маечках, в шортиках. Шли себе, разговаривали.

– Здравствуйте!

Поздоровались, ишь ты. Вежливые.

Лёня в ответ поздоровался, посторонился, пропуская ребят. А, когда глянул на мусорные бачки, сутулого уже не было! Исчез. Растворился.

А ведь исчезать-то некуда! Кругом одни глухие стены. Тупик! Что же он, в мусорный бак забрался?

Леонид подошел к бачкам ближе, заглянул... и едва не провалился в разверстый зев канализационного люка. Чугунная крышка была отодвинута примерно на треть. Такое впечатление, что ее изнутри задвигали, что ли. Но до конца не задвинули. Что-то помешало...

Господи! Да ведь голоса, мальчишки эти аккуратные – и помешали! Именно сюда, в этот вот люк, и нырнул незнакомец. Именно там – больше просто негде – и скрылся. И крышку задвинуть до конца не успел.

Та-ак... Арцыбашев задумчиво огляделся по сторонам. О тайнах московских подземелий он, конечно, слышал. И даже более того, как человек, всерьез увлеченный стариной и собиранием антиквариата, даже собирался их обследовать, правда, пока все некогда было, все не до того. Всего-то третий месяц в Москве. Да уж, некогда... Но вот сейчас... А почему бы и нет-то? Коли уж начал следить.

Индивидуалист до мозга костей, Леонид Федорович Арцыбашев обладал той самой авантюрной жилкой, без которой истинных коллекционеров просто не бывает. И эта жилка вела его в подземелье. Немедленно! Прямо сейчас!

Одет молодой человек был вполне подходяще – джинсы-кеды. Да и двор опустел. Потому и не раздумывал больше, отодвинул крышку, да и ухнул во тьму, нащупав ногами узкую лестницу. Спустился, не обращая внимания на вонь, огляделся... и вдруг увидел тусклый свет фонарика. Не очень-то и далеко, метрах в двадцати.

Канализационный коллектор оказался довольно просторным, можно было идти не сгибаясь. Мало того, и поднятой рукой не достать потолка! Вернее, не потолка – свода. Земляные – а местами и каменные – стены, трубы, под ногами – шуршание и писк. Крысы...

Леонид быстро оглянулся – сверху, из люка, лился приметный свет. Так что, ежели что...

Луч фонарика неожиданно дернулся и пропал. Закусив губу, Арцыбашев вытащил из кармана смартфон – подсветить можно было и им, экран яркий, тем более заряжал только вчера.

Никакой подсветки однако же не потребовалось. Луч появился вновь. И отчетливо слышались шаги. Гулкие и какие-то неторопливые, что ли... осторожные. Хотя, нет – незнакомец шагал довольно уверенно. Словно знакомой дорожкой шел. Так ведь и шел...

Под ногами зачавкало, откуда-то слева вдруг пахнуло гнилью, и слышался чей-то рык! Глуховатый, но жуткий, утробный. Собака? Или... или какое-то подземное чудище? Молодой человек замедлил шаг и попятился. Рык вскоре прекратился. Однако и фонарик впереди опять исчез. Исчез и больше не появился.

Терпеливо выждав минут пять, а то и все десять, Арцыбашев пожал плечами, повернулся и направился к люку. Ну, что поделать, раз уж так... Тем более в следующий раз можно и без сутулого. Только экипироваться, как следует: фонарик прихватить, сапоги. А еще – карту. Самое главное – карту. В той же антикварной лавке и купить... нет, лучше просто снять копию, Тимоха не откажет. А сутулый... сутулый никуда не денется – рано или поздно в лавку что-нибудь да принесет. Яшмовую чернильницу, прясло... да те же монеты, в конце-то концов.

* * *

Леонид снимал однокомнатную квартирку недалеко от метро «Молодежная». Удобно! Заводить в Москве авто Арцыбашев пока не собирался – смущали бесконечные пробки и нервозная обстановка на дорогах. То ли дело у себя в провинции! Да и там-то, честно говоря, в последнее время...

Заглянув по пути в японский ресторан за пищей, Леонид перешел дорогу и, прикупив в «Пятерочке» пивка, подался к родному подъезду. Дома принял душ и, сунув в микроволновку пиццу, откупорил бутылочку пива да уселся в кресле перед телевизором, который смотрел крайне редко, предпочитая интернет и музыкальное радио. Вот и сейчас врубил...

– А теперь, по многочисленным просьбам, слушаем японских рокеров под странным для Японии названием – «Версаль»...

Японские рокеры молотили неплохо, Лёне понравилось, он даже насвистывать что-то подобное стал, слух-то имелся. Насвистывал, потягивал лениво пивко и думал. Сильно захотелось закурить, но молодой человек позыв сей героически выдержал, потому как три месяца назад – с переезда в Москву – решил завязать с куревом. Уже пятый раз за последние два года завязывал... но вот пока держался.

Выйдя на балкон, Арцыбашев поставил пустую бутылку в корзинку и, опершись на ограждение, окинул задумчивым взглядом округу. Ах, Москва, Москва, все ж видно – столица! Впрочем, здесь, у «Молодежной», не особо и видно. Так, обычные кругом домишки. Зато не сказать что шумно, да и зелень во дворах имеется. Почти как в родном Лихвинске, где Леонид Федорович имел счастье – или несчастье, это уж как посмотреть – трудиться в должности педагога дополнительного образования в некоем учреждении, громко именовавшем себя Центром детского творчества. А если коротко и понятно – бывший Дворец пионеров. И Лёня –

режиссер детской театральной студии. Он же и сценарист. А куда еще после окончания Института культуры бедному провинциалу податься? С торговлишкой откровенно не заладилось – напроць не было у Леонида никакой коммерческой жилки, а вот режиссерская была, и дети его на всех фестивалях-конкурсах первые места запросто хватали. Что, конечно, руководителя студии радовало, но, увы, особых денег не приносило. Приходилось еще подрабатывать в соседней школе, вести курс «мировой художественной культуры», ну и «бомбить» иногда. На скромную жизнь хватало, даже получалось кое-что отложить – смотаться раз в год в Ригу или Прагу, попить пивка, ну и рядом – в Иматру, Лаппеенранту – за продуктами, шмотками и «откатать» визу. Вот как-то так...

Что же касается личной жизни, то в свои двадцать девять лет Леонид Федорович еще так и не женился, все искал свою единственную, а точнее, и вовсе не искал, а путался с разными девицами, иногда и с двумя-тремя сразу. Для секса хватало с избытком, а к семейной жизни Лёня себя считал еще не готовым. К большому огорчению пенсионеров-родителей, обитавших в деревне километрах в полустах от Лихвинска. Имелся еще старший брат, человек солидный, семейный, многодетный. Отношения с ним были прекрасные, но все же – чужая семья.

А вообще, все это доставало. И неопределенная личная жизнь, и относительное безденежье, а самое главное – неудовлетворенность собой. Ну, что там детская студия? Он, Леонид Арцыбашев, и фильмы мог бы снять или какой-нибудь крутой сериал – запросто! Сам и режиссер, и автор сценария... Спонсора бы только найти, спонсора.

И когда как-то невзначай пересекся вдруг с бывшим одноклассником, а ныне преуспевающим москвичем, владельцем антикварной лавки – Тимофеем Ивановым, а попросту Тимохой, то и думать не стал. Тимоха всерьез позвал в столицу, обещал на первых порах помочь, свести, с кем надо – а знакомства у него имелись обширнейшие.

Вот и поехал Лёня. Взалкал столичной светской жизни, денег больших взалкал, а пуще того – Дела. Кино хотелось снимать, чего уж. Тем более пока, по-первости, устроился в ту же лавку – антикварный салон «Персида» – менеджером-продавцом. Хитрый Тимоха знал, кого приглашать – к старинным вещам Лёня страсть испытывал с детства. Ну, с ранней юности, с бабки, у которой много чего было... И все это Леонид сохранил, мало того – преумножил, и кое в чем разбирался – «новгородскую» деньги с «московской», как некоторые, не путал.

В лавке – в салоне – конечно, было неплохо. Но ведь не за этим Арцыбашев в Москву подался. Или... И все же билась в висках авантюрная жилка, тем более семьи-то нет, осторожничать не надо, отвечать пока не за кого.

Того странного парня, сутулого, старший продавец Леонид Федорович выделил из толпы покупателей сразу. Как-то уж слишком уверенно тот держался. И цену принесенным на комиссию вещам да монетам знал, однако на слишком большой отнюдь не настаивал. Хотя в иных местах мог бы и куда больше выручить. Через тот же Интернет. Мог бы, да. И что? Просто не хотел заморачиваться? Такое впечатление, что и монет, и прочих вещичек эпохи Ивана Грозного у сутулого имелось с избытком. Словно бы отыскал он клад, из которого по мере надобности и черпал.

Арцыбашев, видя такое дело, взалкал. Тоже клад захотелось. И жилка синяя на виске билась – проследи, посмотри, вдруг да что? Вдруг да тоже удастся...

* * *

– Диггеры? – усевшийся в кожаное солидное кресло Тимофей Иванович – Тимоха – вытянул ноги и засмеялся. – Буратино, ты сам себе враг! Ты сам себе враг, Буратино.

Невероятно активный, толстый, этакий Гаргантюа, Тимоха ни минуты не мог просидеть спокойно, постоянно вертелся, что-то насвистывал, теребил руками, закладывал ногу за ногу.

И говорил. Много, почти не остановимо, словно сорвавшийся с гор сель. Говорил, обильно перемежая речь пословицами либо вставками из старых советских фильмов.

– Они с тобой и разговаривать не будут, Лёня! Просто кинут. Вытянут за «подземные экскурсии» деньги – и тю-тю. Проведут по коллектору, а платить будешь за «подземелья московского Кремля». Разведут, как лоха!

– Но я-то не лох.

– А, горбатого могила исправит, – привстав, Тимоха плеснул себе виски из стоявшей на столе зеленоватой бутылки «Гленморанж». – Будешь?

– Ты же знаешь, я крепкое как-то не очень...

Хозяин лавки расхохотался, колыхаясь всем телом:

– Помню, помню: «Хорошо бы пива... Нет, только вино!» Кстати, какую карту ты у меня сегодня ксерил? Не кремлевские подземелья, часом?

* * *

Сутулый в лавку больше не заглядывал. С тех самых пор. Может быть, обнаружил слежку? Или имелись у него и какие-то другие дела, а полученных от продажи монет денег пока хватало. Может, и так.

Однако Леониду быстро опротивело сидеть без дела. Авантюрная натура брала свое. И вот дня через три, в субботу, раненько поутру отправился-таки молодой человек в подземелье. Один. На свой страх и риск. Прихватив с собой мощный фонарик, компас, моток веревки да газовый баллончик – от крыс да собак. Мало ли?

Ну, в одиночку – и что? Вдруг да повезет? Ну, не Тит Ливий, конечно, а те же «московки», «новгородки» и прочее. Может, и спонсоров на фильм искать не надо будет. Сам себе и режиссер, и спонсор!

Спустившись под землю через тот же – уже проверенный – люк в пустом дворе за мусоркой, молодой человек первым делом проверил мобильную связь. Сразу под люком прием был отличный, шагах в пяти – удовлетворительный, а уж дальше связь вообще пропадала. Глухо, как в танке.

Включив фонарь, новоявленный диггер сверился по компасу с картой и вполне уверенно зашагал по длинному сводчатому коридору. Воняло. Откуда-то сверху срывались тяжелые маслянистые капли. Чавкала под ногами какая-то подозрительная жижа. Бетонные перекрытия местами сменялись кирпичными, а кое-где и вообще никаких перекрытий не было – одни земляные своды.

Однако на этот раз никто в темноте не рычал, не выл и под ногами не шмыгал. Лишь пара красных глаз сверкнула откуда-то из бокового пролаза, да тут же и скрылась. Пройдя шагов триста, Леонид остановился и тщательно сверился с картой. Где-то здесь нужно было повернуть налево, в боковой туннель... Ага, он!

Сунув карту в карман, Арцыбашев уверенно зашагал во тьму. Луч фонаря кусками вырывал какие-то трубы, бетон и даже кирпичную кладку, судя по всему – древнюю. Примерно через час путник снова остановился и удовлетворенно хмыкнул. Судя по карте, он находился как раз под Тайницкими воротами Кремля. А это, кстати, указывалось на карте как возможное место сокрытия либерей! В которую Леонид Федорович, честно говоря, не очень верил, но... Но – Тит Ливий же откуда-то взялся! И ведь не подделка – в таких вещах антиквар Тимоха разбирался неплохо и целый штат экспертов мог подключить вполне. Что и сделал.

Подземный ход постепенно расширился и уже представлял собою небольшую пещеру с высокими земляными сводами и ответвлениями, уходящими куда-то во мрак. Земля под ногами диггера имела такой вид, будто ее вскапывали под огород. Так ведь и вскапывали! Копали. Искали. И даже, может быть, что-то нашли. По крайней мере Арцыбашеву очень хоте-

лось в это верить. Раз хоть кто-то – тот же сутулый! – хоть что-то нашел, так он-то чем хуже? Может быть, повезет?

Спрятав карту, Леонид задумчиво присел на песчаную осыпь и вдруг расхохотался, стукнув себя ладонью по лбу. Вот ведь дурень! Кладоискатель, блин. Компас прихватил, карту... А лопату? Кирку? Голыми руками тут ничего не возьмешь, думать нечего. Мудреное слово «диггер» так вот – «копатель» – и переводится. С английского, кажется. Английским, кстати, молодой человек не владел, зато хорошо знал немецкий, тот его диалект, на котором изъяснялись в Пруссии. Еще в школе увлекся языком, а в институте даже был на практике в Берлине. Правда, сейчас много чего подзабыл, потому что – без надобности.

Чу!!! Стены пещеры вдруг резко задрожали, словно бы собирались вот-вот рухнуть, похоронив под собой незадачливого кладоискателя без кирки и лопаты. Ощувив спиной нарастающую вибрацию, Леонид бросился в ближайший туннель. Из которого тут же донесся грозный вой и рычание!

О, боже!

Упав наземь, молодой человек выхватил из кармана баллончик с газом, приготовившись отразить нападение неведомого чудовища. Ну кто тут мог быть? Собака... точнее – собаки. Целая стая, ага.

Никто не напал. Не выскочил из темноты, лая и злобно сверкая глазами, не рванулся к жертве, плотоядно раскрыв усеянную желтыми клыками пасть. Вой смолк так же неожиданно, как и начался. Прекратилась и вибрация.

Господи... да это же...

Электричка!!! Ну да – метро же должно быть где-то рядом. Облегченно вдохнув, новоявленный диггер поднялся на ноги и нервно рассмеялся. Однако весело. Однако нужно купить лопату, вот что. Небольшую такую. Саперную.

* * *

Ничтоже сумняшеся задумал Леонид Федорович снять фильм – а лучше сериал – совсем обычный. Не розовые бабьи сопли, не про бандосов-ментов, не модную среду молодежной среды ржачную тупую камедь, а нечто куда более изысканное и, можно даже сказать, интеллигентное. Новое историческое кино! Ни больше ни меньше. Об эпохе Ивана Грозного. А что? Опричный террор, разгром Новгорода – это вам не какая-нибудь «Игра престолов», это гораздо круче будет.

Эту свою идею Арцыбашев лелеял года два, да не просто лелеял, а активно писал сценарий будущей «фильмы», подробно – с раскадровкой, «звуком» и «светом». И мало того что писал – даже отослал сразу в несколько известных (естественно, коммерческих, больше ведь никаких и нет) студий, одна из которых даже разродилась ответным письмом, в коем отнюдь не подвергли арцыбашевский опус голой критике, а наоборот, похвалили. А в конце письма задали хитрый вопрос – для кого, собственно говоря, кино? Молодежная аудитория отсеивается сразу – они ни истории, ни географии не знают и знать не хотят, а что незнаемо, то и неинтересно. Для мужиков мордобоя маловато. Да и опять же – история. Им стрелялку-бродилку какую-нибудь. Женщины... гм-гм... любовная линия слабая, в основном войны, террор да душевные терзания Ивана. Вам что, уважаемый Леонид Федорович, лавры Сергея Эйзенштейна спать не дают? Так и у того только первую серию выпустили. В общем, будьте проще, уважаемый, и народ к вам потянется. Напишите нам смешной молодежный сериал, для активной молодежи, увлекающейся гаджетами, автомобилями, тусовками... Как будто молодежь телевизор смотрит! Ну, если только какая-нибудь кондово-провинциальная, у которой на Интернет денег нет.

Так вот, ткнули лицом в грязь. Вернее – в «активную молодежь». Но Лёня надежды и веры в себя не терял, работал. И искал денежки. Спонсоров, мать ити.

Лопату молодой человек приобрел рядом с метро, в супермаркете, там же обзавелся резиновыми сапогами и непромокаемым плащом – так, на всякий случай. Дешевый – если что, испачкать не жаль.

На рабочем же своем месте, в антикварной лавке, Арцыбашев, подняв все накладные, расписки и прочее, тщательным образом проверил всех, кто сдавал на комиссию шестнадцатого века вещи. Таких, кстати, за три года (дольше Тимоха документацию не хранил) оказалось аж пять человек, все достаточно молодые, лет по двадцать пять – сорок. То есть под образ сутулого вполне подходящие. Однако только один из них окромя серебряных денежек и разного рода старинных вещей притащил на комиссию «два листа пергаментные с надписью на латыни – “Тит Ливий”. Звали сутулого Орешников Денис Петрович, и было ему от роду тридцать пять лет. Правда, вот прописки в графе не стояло. Как пояснил Тимофей, это только по желанию клиентов указывалось. Кроме вещей шестнадцатого и пятнадцатого веков господин Орешников еще выставлял на продажу марки и значки семидесятых-восемидесятых годов. В большинстве своем – «с олимпийской символикой». Странное соседство – шестнадцатый век и семидесятые. Хотя, если подумать, ничего странного. От родителей могло остаться, от старших братьев-сестер.

В ближайший же выходной, опять-таки – в субботу, Леонид отправился все туда же – в старый двор, в коллектор. Поднялся раненько, и около шести утра уже был на месте. Недолго повертелся, выждал – не нарваться бы на дворника, – да и юркнул себе в люк, не позабыв задвинуть за собой тяжелую чугунную крышку. И как оказалось, правильно сделала, что задвинул!

Спустившись, новоявленный диггер не успел сделать и нескольких шагов, как сверху вдруг послышался лязг и темноту подземелья прорвался тусклый свет раннего московского утра.

Арцыбашев немедленно прижался к стене и затаил дыхание, глядя на спускающуюся сверху патлатую фигуру в кожаной потертой куртке и узких, заправленных в высокие берцы, штанах. Господин Орешников, Денис Петрович – собственной персоной. Ага!

Надо сказать, собственной безопасностью Орешников как-то не особенно заморачивался: не оглядывался, по сторонам башкой не крутил. Спустился да зашагал себе знакомой тропой, светя фонарем под ноги. Даже насвистывал. В общем, как и в прошлый раз, вел себя вполне уверенно, словно домой явился.

Как и в прошлый раз, несостоявшийся режиссер, таясь, потопал сзади. Главным – широким и длинным – коллектором шли где-то с полчаса, пока впереди вдруг не появился свет. Желтый, явно от фонарика... и не от одного. Еще и голоса послышались. Грубые, мужские.

Сутулый явно насторожился. Резко остановился, вжался в стенку да какое-то время так и стоял, прислушиваясь. А потом вдруг быстро бросился куда-то... Леонид даже и не сообразил – куда. Вот только что был, стоял на месте, и вдруг исчез, словно бы растворился в спертom воздухе подземелья. Только берцы чавкнули в грязи. Да так громко, что те, впереди, что-то такое услышали и сразу же насторожились, замолкли. И яркий луч фонаря неожиданно уперся режиссеру в глаза.

– Вот он! Держи его, держи!

– Лови!

– На этот раз не уйдет, сука!

– Эй, это ж не он!

– Значит, сообщник. Бей чужака, парни!

Раздавшиеся вдруг гулкие вопли как-то мало походили на вежливые приветствия, и Арцыбашев, быстро прикинув, что к чему, немедленно дал деру. Проще говоря, побежал как можно быстрее, ибо гнались именно что за ним, в этом сомнений не было. Это он был здесь

чужаком, это его собирались бить... Интересно, сколько их? Судя по фонарикам, человек пять, никак не меньше. Догонят – мало не покажется! Черные дигтеры – а именно их, судя по всему, и повстречал Лёня – кротким нравом, увы, не отличались. Запросто могли и убить да бросить труп под землю, случаи бывали.

Билось сердце. Чавкала под ногами грязь. Летели по сторонам брызги. Лучи фонарей хлестали по сводам переходящих одна в другую пещер, словно старинные сабли.

– Слева, слева заходи-и-и!

– Загоняй!

– Стой, гад, хуже будет! Стой!

Что-что, а попадать в лапы дигтеров Арцыбашев явно не собирался. Однако на бегу, к ужасу своему, понял, что добраться до заветного люка явно не успевает. Преследователи знали подземелье куда лучше его, прекрасно ориентировались, нагоняли... Кто-то даже швырнул на бегу что-то тяжелое... лом? Нет, скорей – черенок от лопаты. Короткая палка угодила беглецу в спину. Довольно-таки чувствительно угодила, хорошо не в голову.

Леонид пригнулся и, углядев боковой ход, недолго думая юркнул туда, слыша, как погоня пронеслась мимо. Ага! Не заметили, сволочи. Однако это еще ничего не значит – вернуться и будут искать. И, скорее всего, найдут, если получше не спрятаться.

Лаз оказался узким и низеньким, бежать по нему уж никак было невозможно, приходилось пробираться, согнувшись, а пару раз даже встать на четвереньки... Черт! Позади снова послышались крики. Таясь, беглец поспешно выключил фонарик... и вдруг увидел наверху свет. Самый настоящий, дневной.

Рванувшись вперед, молодой человек почти сразу нащупал рукой скобы, вбитые в бетон. Колодец. Канализационный колодец! Выход, черт побери.

Он выбрался наружу в каком-то дворе, вовсе не в том, в каком влез в коллектор. Впрочем, место оказалось достаточно глухим, располагалось сразу за ржавыми металлическими гаражами, спрятавшись между которыми Арцыбашев некоторое время выждал, когда пройдут две молодые мамы с колясками. Не хотелось никого пугать и видом своим вызвать подозрения. Еще примут за бомжа, позовут парней, мужиков – а оно надо? Лучше уж привести себя в порядок – отряхнуться от грязи, причесаться... В принципе вид-то и ничего, сойдет.

Для похода под землю Леонид надел обычные старые джинсы и куртку, лишь сверху накинул плащ – тот самый, недорогой – увы, ныне утерянный. Видать, слетел на бегу. Остальная одежда не очень-то и испачкалась, вот только сапоги пришлось очищать. Да еще причесаться...

Вот теперь, пожалуй, можно и выйти.

– Здравствуйте, девушки! Погода сегодня хорошая, правда?

– Здравствуйте!

Молодые мамы переглянулись и разом улыбнулись беглецу. А чего б им не улыбаться-то? Чай, Леонид Федорович не какой-нибудь там «мурлон», а человек вполне светский, и женскому полу приятственный: этакий худощавый, среднего роста, шатен с голубыми глазами. Средняя – ни короткая, ни длинная – стрижка, аккуратная борода с усиками а-ля кардинал Ришелье. Чего б такому не улыбнуться-то?

– Да, и вправду хорошая. Так и в газетах писали, что лето теплое будет.

Ну, надо же – в газетах! Можно подумать, они газеты читают...

Еще раз улыбнувшись, молодой человек обогнал мамулек и спешно зашагал по двору к видневшейся недалеко арке, явно выведившей на какую-то людную улицу – может быть, на Пречистенку или Маросейку. Слева от арки, на детской площадке, ошивалась компания подростков, человек пять, все длинноволосые, в потертых джинсах, а вот один – терзающий гитару крепыш – в коричневых клешеных брюках.

– Вот... новый поворот... – хриловато орал крепыш. Остальные невпопад подпевали.

Проходившая мимо женщина средних лет, чем-то похожая на королеву Елизавету Английскую, сделала парням замечание, пригрозив детской комнатой милиции и еще каким-то «бюро». Странно, но угроза подействовала: парни перестали петь и живенько поднялись со скамейки.

– А ты-то, Колька, уж не куришь ли? – не унималась «Елизавета». – Слышала, вчера молодежь в ларьке «Беломор» покупала...

– Фи, тетя Зин! «Беломор»! Мы такое не курим.

– А кто портвейн вчера в песочнице пил? Я вот матери-то все расскажу, ага, ты смотри, Колька...

Портвейн в песочнице... Сворачивая в арку, Арцыбашев идилически хмыкнул. И удивленно остановился. Возникшая перед ним улица, довольно широкая и большая, вдруг с ходу показалась ему какой-то странной. Показалась, да... но вот в чем эта странность выражалась, успокоившийся наконец беглец никак не мог понять.

Стоял, присматривался. Ага! Ни одной девчонки в шортиках или в топике на тротуарах что-то не наблюдалось, несмотря на то что денек-то стоял солнечный, теплый. Нет, в коротких юбочках были, и много... и такие замечательные экземпляры попадались, что прямо ах, но в джинсовых шортиках – не было. И рекламы на домах – не было. Просто вывески: «Бакалея», «Булочная», какая-то «Березка». У всех трех тусовались приличные очереди.

– Клава-а-а! – несколько зазевавшегося Леонида едва не сбила с ног вынырнувшая откуда-то из подворотни женщина с красным лицом и с большими сетками в руках. В сетках виднелись треугольные пакетики с молоком, батоны и рулоны серой туалетной бумаги.

– Клава-а-а! – обращаясь непонятно к кому, истерично закричала женщина. – В обувном югославские сапоги выбросили! Говорят, все размеры есть... По две пары в руки дают! Айда, живо.

Едва не споткнувшись, Арцыбашев аккуратно обошел бесстыдно припаркованные прямо на тротуаре «Жигули»-шестерку. Поразило, что сие непрезентабельное авто цвета кофе с молоком находилось в отличнейшем состоянии – прямо блестело. И номера были – черные с белыми цифрами. Оп!!! Такие же и почти на всем транспорте, и движущемся, и стоящем. Да и транспорт-то был... как бы помягче выразиться-то? Ретро – да, именно так! Разномастные «Москвичи» самого разнообразного вида, «Жигули» – «копейки», «двойки», какие-то полосатые автобусы ЛиАЗы, мотоциклы с колясками – во множестве, словно какой-нибудь байк-фестиваль.

А ведь и в самом деле фестиваль, догадался Лёня. Фестиваль ретро-автомобилей!

– Слышь, чувак, куртку не продашь, а? – вылезший из «шестерки» бородатый парень в зеркальных противосолнечных очках, приталенной блескучей рубашке и узких джинсах аккуратно, почти ласково взял Леонида под локоть. – Не обижу, чувак, не думай. Вижу ж – коттоновая. Только не «фирма» – это, извини, тоже видно. Явно не пилится... хотя... Чье производство, не скажешь? Самопал? Индия? Болгария? Польша?

– Полагаю, Турция... – Леонид пожал плечами. Ну и борода... чего, спрашивается, пристал?

– Хок! – бородатый хлопнул себя ладонями по ляжкам. – Ну, ты смотри, уже и турки джины стали делать! Но, конечно, не «Монтана» и не «Ливайс». Ты куртку-то не дашь померить? Вроде бы как на меня. А деньгами, сказал, не обижу – три червонца, лады?

– Чего? – к удивлению своему, Арцыбашев вдруг обнаружил, что никак не может отвязаться от этого наглого парня, скорее всего – психа. Уж так ему хотелось старую Лёнькину куртку примерить, уже и деньги совал. Какие-то странные, красноватые купюры... Господи! С Лениным!

И мало того что совал – уже и куртку начал стаскивать.

– Эй, эй...

– Извини, я часть – мелочью... Ты, если что подобное будет, ко мне тащи, ценой не обижу. Тут, у «Березки», спросишь Блэкмора – прозвище такое... Опа! Менты!!! Сматываемся!

Стащив-таки куртку, незнакомец юркнул в ближайшую подворотню, оставив на тротуаре обескураженного Леонида. Мимо проехал желтый полицейский уазик. Подписан он был по-старому – «Милиция». Видно, надпись еще не успели сменить.

– Нет, ну среди бела дня, в центре Москвы – раздели! – Арцыбашев изумился самому себе. Он, конечно, не любил зря геройствовать, но за самого себя постоять бы смог. Однако почему-то стоял, словно замороженный... А в руках держал деньги. Те самые, с Лениным. Две красненькие бумажки номиналом по десять рублей, одна голубоватая пятерка, светло-зелененькая «трешница», пара мятых, совсем уж мелких, фантиков-рублей и разномастная мелочь.

– А ну вас всех!

Куртки вообще-то было нисколько не жаль... Но вот смартфон, ключи! И где теперь этого бородатого искать-то? Стоп, он же сам сказал – у «Березки». Сейчас что-то не видно... свалил. Может, завтра появится? А может, и не появится... Так что сейчас-то? Домой. А ключи? Запасные-то висят... дома. Только как до них добраться? Железную дверь ломать? Лучше уж через соседский балкон – запросто. Сосед уже так вот лазал. Тоже ключи потерял... Значит, домой, ага. Отдохнуть, взять деньги да срочно купить новый мобильник...

Махнув рукой, Леонид спросил у первого попавшегося прохожего дорогу к метро, да туда и отправился. И там, в павильоне, снова ощутил странность. Вместо карточек люди бросали в автоматы жетоны – как в Питере. Лёня сунулся было в окошечко кассы...

– Что еще за жетон, товарищ? – красное лицо кассирши выразило самое глубокое изумление. – А, вам проездной, наверное...

– Нет, нет. Мне только до дому доехать.

– Что у вас, уважаемый, пятачка нет?

Пятачка...

А ведь был пятачок-то, имелся. В той горсти мелочи, что вывалил бородатый за куртку... как его... Блэкмор. Музыканта так звали, в «Дип Перпл». А этот, видно, фанат.

Опустив монету, Арцыбашев спустился по эскалатору и, сев в поезд, погрузился в свои мысли. В принципе ничего такого страшного не случилось – ну, куртка, ну, смартфон... Жалко, конечно, но поправимо.

Стоявшая рядом светловолосая девушка в голубом шелковом платье читала какую-то толстую книгу. Леонид случайно заглянул через плечо.

«...госпожа Бонасье между тем, взяв в руки молоток, постучала в дверь...»

Госпожа Бонасье! «Три мушкетера». Ну, надо же, что сейчас блондинки-то читают! Главное, по старинке, в «бумаге», без ридера. Хотя вообще-то, среди продвинутой молодежи как раз сейчас мода пошла – бумажные книжки читать, настоящие.

– «Молодежная». Поезд прибыл на конечную станцию. Уважаемые товарищи, не забывайте свои вещи в вагонах электропоезда.

Арцыбашев вышел на перрон вместе со всем народом и озадаченно хлопнул глазами. Почему это «Молодежная» – и вдруг конечная?

– Девушка, а что, до «Крылатского» поезда не идут?

Так просто спросил. Ту самую блондинку. С Дюма.

Девушка обернулась – красивая.

– Так «Крылатское»-то еще не построили. Ну, разве что специально для вас.

Сказала, улыбнулась и пошла, помахивая брезентовой сумкой. И походка такая – от бедра. А на сумке – олимпийский мишка и надпись «Олимпиада-80». Поклонница старины, блин. Ишь ты – «не построили». Издевается. Впрочем, черт с ней...

Выйдя из вестибюля, молодой человек удивился еще больше. Он просто ничего не узнал! Не было ни новостроек, ни крытого рынка, ни супермаркетов. Но надпись на павильоне метро имела: «Молодежная». Да и улица... ну да, похоже. А вот и своя, Ярцевская. Черт побери, а куда магазин-то делся?! И ресторан японский – где? А дом... где его дом-то? Да и вообще – что кругом делается?! Куда все делось?

– Командированный, что ли? Эй-эй, – какая-то разбитная девица в кроткой юбке потрясла Арцыбашева за рукав. – Если квартира нужна, так я могу устроить. И не только квартиру...

Леонид поднял глаза. Крашенная блондинка. Лет тридцати или даже моложе. В принципе симпатичная, стройная. И взгляд такой... вполне откровенный. А что? У нее и зависнуть, расслабиться... Черт! А деньги? У него ж одни только эти... советские фантики. Хотя, может, среди них что и завалялось...

– Эй, эй, ты тугрики-то свои не свети, – почему-то заволновалась девчонка. – Давай отойдем лучше.

– Давай.

Сразу за павильоном, оказывается, располагался пивной ларек, и народу там хватало. Крашенная туда не пошла, повела молодого человека подальше, к кустам акации, огляделась...

– Ну, сколько у тебя есть?

– Нисколько. Вот только это...

– Ага.

Навязчивая незнакомка ловко пересчитала деньги.

– Ну, что сказать, на одну ночь хватит. Сейчас я тебя отведу, а потом быстренько в лабаз сбегая. Коньячок там, то, се... у меня продавщица знакомая. Э-эй, что стоишь-то? Пошли.

Раньше Арцыбашеву казалось, что район этот он знал хорошо. А вот фиг вам, оказывается! Никогда не думал, что здесь так много хрущевок. Кругом одни пятиэтажки обшарпанные. Новостройки тоже есть, а вот машин почему-то мало. А из тех, что припаркованы... «Жигули» первой модели... «троечка» густо-синего цвета... оранжевый «Москвич»-комби... и надо же – «запорюги»: ушастый, мыльница, снова ушастый... А состояние-то очень даже ничего!

– Ну, почти пришли, – крашенная кивнула на подъезд с сидящими на лавке бабушками. – Давай так, сначала ты зайдешь, а чуть погода – я. На третьем этаже ждать будешь. А то, сам видишь, комсомольско-пензионерский патруль. Управдом – друг человека!

Девчонка кивнула на бабок и выругалась.

– Да не бойся, не кину. Бабки-то все у тебя.

Подъезд оказался вполне обычным, разрисованным. «Леха дурак», «Катя Л плюс Миша К равно любовь», «АВВА», «Високосное лето», «Аракс»... А на площадке-то – все двери обычные! Фанерные, ни одной железной. Ну, беднота-а-а...

Крашенная не обманула, явилась почти сразу, и пары минут не прошло. Вытащила из сумочки ключи, открыла.

– Проходи. Вон, на диване располагайся, телевизор включай. А я в лабаз, мигом! Да! Тугрики-то давай.

Леонид молча вывалил в подставленные ладони «фантики» и мелочь. Девчонка радостно улыбнулась:

– Ну, жди!

Ушла, хлопнув дверью. Хм... даже не заперла.

Оставшись в одиночестве, Арцыбашев с удивлением осматривал «хрущобу». Обычная однокомнатная квартирка, явно съемная. Древняя, но вполне еще крепкая мебель, убогие обои в мелкий цветочек, в красном углу старинный – на черных ножках! – телевизор «Рекорд». На стене большой календарь с портретом молодой Аллы Пугачевой, почему-то на 1981 год, рядом

с ним – такой же календарь, но англоязычный, глянцевый, с изображением собора Василия Блаженного и надписью «Олимпиада-80». Далась, блин, им эта олимпиада! Вокруг календарей веером располагались мелкие черно-белые фотографии и картинки. Культовая шведская группа «АББА», ансамбль «Верасы», еще какие-то парни с гитарами и в клешах... ага! А вот и портрет хозяйки. На море, в купальнике. Тут она еще брюнетка. А фигурка-то – да-а-а... И на вид – лет восемнадцать. Интересно, сколько ей сейчас?

– Любуешься?

Леонид вздрогнул – слишком уж незаметно девчонка вошла. Ну да, скинула в прихожей туфли, босиком... а ножки... ах, ножки...

– Тебя как зовут, кстати?

– Леонид. Лёня... А вас?

Крашенная засмеялась:

– Лена я... Некоторые Еленой Прекрасной кличут, а иные – Элен.

– А вам самой-то как больше нравится?

– Да все равно. Слушай, ты чего выкаешь-то? Ах, да, на брудершафт не пили... Ну, так открывай.

Наскоро сделав бутерброды с вареной докторской колбасой, Лена достала из старинного буфета рюмки, придвинула к дивану журнальный столик. Лёня разлил коньяк. Выпили.

Хороший коньячок оказался, хоть и грузинский. Забористый, душистый. Такой ж, как и последовавший за ним поцелуй...

А дальше ж произошло то, что и должно было произойти, ради чего Арцыбашев сюда и явился. Погладив крашеную по бедру, молодой человек обнял ее, поласкал ладонями спинку, запустив руки под блузку... потом добрался до пуговиц... расстегнул лифчик...

Юбку и трусики Лена сняла сама – умело и быстро. Уселась сверху, расстегнула ремень...

Она оказалась страстной любовницей и много чего умела, Леонид даже не ожидал... впрочем, вполне ожидал, раз уж попался профессионалке, да еще какой! Просто идеальная фигурка, плоский живот, крутые бедра и налитая любовным соком грудь с большими чувственными сосками, быстро затвердевшими под бегающими пальцами гостя. А как сладостно было накрыть эти соски губами, поласкать языком, обнимая, глядя теплую шелковистую кожу... Девушка выгнулась, застонала...

– Лёня, ты куришь?

– Вообще-то бросил.

– Тогда я на балкон...

Накинув халатик, Лена-Элен схватила со стола красно-белую пачку «Мальборо». Покурила быстро, пришла.

– А ты не жадный. Ну, выпьем еще. Я телик включу... или лучше музыку.

Девушка кивнула на старый проигрыватель «Аккорд», стоявший прямо на полу рядом с телевизором и кучей старинных виниловых грампластинок в разноцветных конвертах.

– Поль Мориа... нравится?

– Да что хочешь.

Заскрипела игла, послышалась легкая музыка. Любовники выпили.

– Ты откуда будешь-то? – тихо поинтересовалась хозяйка.

– Из Лихвинска, – скрывать свое провинциальное происхождение Арцыбашев не считал нужным – не место рождения человека красит.

– Из Лихвинска?! – Лена неожиданно встрепенулась. – Так я там в прошлом году жила! Ну, на время олимпиады сослали, выселили... Слушай, у вас там такой клуб потрясный. И ансамбль... кажется, «Апрель» называется. Они «Ирапшн» почти один в один снимают. Уан уэй тикет! Синий-синий иней! Круто! Слушай... – девушка наконец успокоилась. – А мы ведь там встречаться могли. Ну, так, ненароком. У вас там собор-то отреставрировали?

– Давно уже.

Гость покривился. Пускаться в ностальгические воспоминания сейчас в его планы отнюдь не входило. В настоящем бы, так сказать, моменте лучше поскорей разобраться. Отчего кругом все такое старое-то?

– Слушай, у тебя комп где? Ну, или смартфон, ноут... Мне бы почту проверить.

– Умный, да? – скосив зеленые, с поволокой, глаза, расхохоталась Лена. – Словами иностранными выпендриваешься? А я тоже, между прочим, в институт поступала... да не поступила. А ты думал – москвичка, ага?

Девушка выкрикнула это неожиданно зло, истерично, и опытный в общении с женщинами Леонид быстренько плеснул ей коньяк. Целую рюмку.

– Ну, за удачу!

– За удачу... ага.

Потом снова был секс, потом выпивка, а потом... потом девушка отрубилась, уснула.

Осторожно выскользнув из-под одеяла, Арцыбашев включил телевизор.

– Избранный президентом Франции Франсуа Миттеран посетил Нормандию, – с неподдельным энтузиазмом сообщила появившаяся на экране тетка. – И вновь к новостям в Советском Союзе. Генеральный секретарь ЦК КПСС, председатель Президиума Верховного Совета СССР, маршал Советского Союза товарищ Леонид Ильич Брежнев в своем выступлении на...

– Не спится?

Приподнявшись, Лена погладила любовника по спине.

– А телик-то у тебя – черно-белый...

– Ну, извини, не накопила еще на «Радугу».

– Слышь, Лена... А сегодня какое число?

– Семнадцатое, кажется.

– Ну да, семнадцатое... А...

Арцыбашев хотел бы спросит девушку, какой сейчас год, но осекся. Вопрос сей звучал бы довольно странно... если задать его прямо, в лоб. А вот ежели попытаться в обходную...

– Смотрю, ты на юг ездила, – молодой человек кивнул на фотографию. – Когда?

– Да года два назад... Ну да, в семьдесят девятом. Мы тогда еще...

Семьдесят девятый! Два года назад – семьдесят девятый. Значит, сейчас – восемьдесят первый! То-то и календарь... и метро, дома, машины... деньги эти странные. Но... ведь быть такого не может. Потому что не может быть никогда! Однако вот, кажется, есть...

– Что с тобой? – Лена обняла гостя за плечи. – Что – знобит? Коньяк так подействовал? Так ты бы не пил много.

– Коньяк? Да нет, просто озяб немного.

– Озяб? Ну, иди... согрею...

Они расстались утром. Леонид шел, словно в тумане, стараясь не обращать внимания на старые авто, на спешащих куда-то людей, на кумачовые лозунги с приветом двадцать шестому съезду партии. Просто шел. Шел к метро. И вышел – у магазина «Березка». Постоял, вспоминая... пошел... свернул в знакомую подворотню. Вот, кажется, здесь... Нет. Там песочница была, подростки... Значит, не эта, следующая... Ага... вот и песочница, а вот и... вот и люк! Даже чуть сдвинут.

Оглядевшись вокруг, молодой человек отодвинул тяжелую крышку и нырнул в черное зеву коллектора. Слава богу, у Лены оказался фонарик. То есть не у нее – хозяйский. Завалился на кухне, на подоконнике. Теперь пригодился...

Светя по сторонам, Арцыбашев нервно отсчитывал шаги. Кажется, здесь направо. Ну да! Вон и песок, и трубы... И палка та, черенок от лопаты – вон, валяется. Похоже, все правильно. А вот и лаз!

Леонид выбрался наружу в знакомом дворе за мусорными контейнерами. Как и там, в восемьдесят первом, здесь тоже было раннее утро, и какой-то азиат-дворник деловито орудовал метлой. И все кругом было родное! Реклама какой-то турфирмы, новенькие иномарки, даже тот же дворник.

«Вернулся!» – возликовал Арцыбашев. Все-таки вернулся! Или... все, что было вчера – сон? Восемьдесят первый год, бородатый... Лена... Черт, а смартфон-то, похоже – тютю. Вместе с курткой.

* * *

Выдержал Лёня недолго. Дня два. А на третий уже стало ломать – все хотелось вновь пробраться в старое, чужое время, о котором конечно же никому не рассказывал. Убедиться, что не сон.

Конечно, боязно было. А вдруг да не удастся обратно вернуться, вдруг да навсегда – там! Все так. Однако с другой стороны – хочется-колется. И жилка авантюрная на виске так и бьется, зараза, так и бьется, прямо спать не дает!

Не спал Арцыбашев, ворочался и наконец-таки решился. Просто спустился в коллектор, отыскал – не с первого разу – знакомый лаз, выбрался, вышел... Все те же мамочки с колясками, подростки в песочнице... Восемьдесят первый год!

Со двора Леонид выходить не стал – обратно подался. Выбрался за мусоркой, дух перевел. А работал лаз-то, работал! И туда можно было спокойно попасть, и обратно – без всяких затруднений. А раз так... так, может быть, попробовать бородатого Блэкмора отыскать да пробовать вернуть смартфон. Ну, куда он в восемьдесят первом? Да и не только в смартфоне, честно говоря, дело было... Лена! Ах, Лена... Почему б и не повторить-то? Тем более – с кем еще такое случалось? Шок, эйфория и какой-то детский боязливый восторг слились в голове Леонида в одну бурную кашу. А вернее сказать, не в кашу, а в брагу – неописуемо бодрящую, бродящую, грозящую вот-вот вышибить клапан.

К основному визиту в не столь уж и далекое прошлое Арцыбашев подготовился основательно. Вспомнил, что бородатый о джинсах говорил, купил парочку на распродаже, по пятьсот рублей обошлись. Одни – синие, другие – черные. Турецкие, вестимо.

Из лаза в старом дворе выбрался, отряхнулся. Мамочкам молодым кивнул, словно старый знакомец. Так же и они ему. Здравствуйте, мол. Парни в песочнице покурить стрельнуть попытались... увы... Но ничего, не обиделись. У кого-то другого стрельнули.

Вышел Леонид на широкую улицу... а сердце-то колотилось. Вот-вот из груди выпрыгнет. Подошел к «Березке».

– Блэкмора, с бородой такого, не видели?

– Да вон он, у тачки своей.

Ага. Как же Лёня сразу не разглядел-то? Вот он, Блэкмор. Стоит, на приоткрытую дверцу оперевшись картинно, перед раскрашенными деваками красуется. Арцыбашев хмыкнул да подошел внаглую:

– Привет, борода!

Блэкмор оглянулся, узнал:

– И тебе не хворать. Здорово.

Ничуть ведь не испугался, зараза. Хотя чего ему бояться-то? Он ведь у себя. Улыбнулся вполне даже доброжелательно да насчет джинсов спросил. Не забыл, надо же.

– Стой, стой, не показывай. В машину давай. Девчонки, до вечера!

Сел Лёня в машину. Бородатый двигатель запустил – поехали. Остановились в каком-то проулке. Блэкмор огляделся по сторонам, даже очки снял:

– Вот теперь – давай.

- Там у тебя одна вещица моя осталась... случайно в куртке забыл.
- Сначала джины покажь.

Черные джинсы бородатому почему-то не понравились напрочь, даже смотреть не стал, а вот синие, обычнее, пятьсот первые, заценил, правда, буркнул, что «не крутая фирма» и, мол, шовчика снаружи нет. Дался ему этот шовчик, тоже еще шмоточник!

- Так вещица-то...
- За вот эти – пять червонцев дам, и без торга.
- А черные?

Парень осклабился:

– Слышь ты, деревня! Джинсы – синие. Только синие, понимаешь, даже, скорей, темно-голубые. Краска такая – индиго, линяющая. Черные – ни один лох не возьмет. Так что забирай обратно.

- А вещица моя?
- Эта, что ли? – Блэкмор вытащил из бардачка смартфон. – Игрушка детская?
- Типа того...
- Я б ее, честно сказать, продал, да включить не смог. Как включается-то?
- Никак, – обрадованный Арцыбашев поспешно сунул смартфон в карман. – Батарейки сели.

- Я так и думал... Ладно – чирик с тебя за хранение!
- Чего?
- Я ведь мог его и продать. Ну, или выкинул бы, – бородатый улыбнулся сквозь зубы. – Однако не выкинул. Знал, что ты придешь. Джины – самопал?

- Турция.
- Ах да, ты говорил в прошлый раз. Так еще притаранишь? – Блэкмор неожиданно стал серьезным, деловым, без всяких там ухмылочек. – Так есть товар-то?

- Ну... допустим, – задумчиво пробурчал Леонид.
- Да ты не жмись, полтинник – красная цена! Больше тебе все равно никто не даст, тем более оптом, – собеседник его вдруг покраснел, разволновался, стал размахивать руками. – Нет, ну хочешь – сам толкай. Только не советую, пипл тебя не знает, да и менты сейчас зверствуют. Так что, договорились?

- Черт с тобой, договорились. До «Молодежной» такси сколько стоит?
- Тройка хватит. А пятерку дашь – так с ветерком довезут. И без всякой очереди. Организовать?

Арцыбашев махнул рукой:

- Давай, организовывай...

Ленка ему обрадовалась, это было видно. Сразу накинулась с вопросами, мол, где столько дней пропадал. Леонид отвечал уклончиво, мол, он же командированный, вот и...

- Поняла, поняла, – засмеялась Лена. – Суп на вечер варить? Будешь? Или... может, в ресторан сходим?

- В ресторан? – Арцыбашев задумался. – Тридцати рублей хватит, наверное?
- Ты мой зайчик! Нет! Волк из «Ну, погоди!».
- Скорее уж Скрудж Мак-Дак, если мультиками считать, – рассмеявшись, Леонид схватил девчонку в охапку и, покрутив на руках, осторожно опустил на диван, быстро расстегивая халатик.

Оставшись в одних трусиках, Ленка вдруг взвизгнула и убежала на кухню – что-то у нее там жарилось или варилось. Явилась быстро, уже без трусиков. Встала в дверях, готовая ко всему, вся такая аппетитная, юная...

- Потанцуем? Я сейчас музыку...

Наклонилась к пластинкам.

Лёня не выдержал, не стал больше ждать. Вскочил, на ходу расстегивая джинсы, пригнул Ленку к полу, погладил о спинке, грудь поласкал... и между ног, чувствуя, как дыхание девушки становится громким и частым... и вот уже вырвался стон...

Он ушел утром. Без всяких проблем вернулся в свою эпоху, заглянул в лавку, да, сказавшись немного простывшим, поехал к себе. Дома включил ноутбук, задумался... стал кое-что смотреть, выяснять, довольно мыча и временами насвистывая Моцарта. Всем знакомый отрывочек из сороковой симфонии.

Итак. Средняя зарплата в начале восьмидесятых – сто – сто двадцать рублей, много – сто тридцать. В ресторане посидеть... скромненько – червонец, со вкусом – двадцать пять. Как вот вчера... ох, и лихо же вышло! А Ленка-то, Ленка... вот оторва-то, ах...

Джинсы Блэкмор берет по полтиннику... здесь – синие, только синие – можно купить по пятьсот. А на оптовой базе, глядишь, и куда дешевле выйдет. За пять штанов в восемьдесят первом году можно месяц жить, не бедствуя и ни о чем не беспокоясь. А за десять, двадцать? Борода – звали его, кстати, Санек – уверял, что и полсотни в месяц продать – труда не составит. Больше – стремно уже. Хорошо, полсотни. Это значит, это значит – две с половиной тысячи. Для начала восьмидесятых – не хило! Но с другой стороны, на что ему, Леониду Арцыбашеву, советские деньги? Что здесь на них купишь-то? Здесь – ничего. А там? Что-то такое, чтобы и здесь ценилось, что можно было б продать за хорошие бабки. И что? Антиквариат – вот что! Вещицы старинные, иконы...

* * *

– Антиквариат? Иконы? – ошалело переспросил Блэкмор. – Ну, ты, чувак, даешь! Хорошо еще, про валюту не спросил. Под расстрельную статью хочешь?

Арцыбашев успокаивающе похлопал «жучка» по плечу:

– Да ладно тебе, Санек! Чего так разволновался-то? Дело верное. Тебя, сам знаешь, не обижу.

– Да не во мне одно дело, – прикидывая что-то в уме, вздохнул бородач. – В комиссиях, конечно, можно кое-что найти. Но там только по паспорту, а тебе, я так понимаю, светиться резона нет. Значит, людишек подключать надо. Допустим, есть у меня шустряки... Но им платить придется.

Так вот, сидя в новенькой блэкморовской «шестерке», и рассуждали, думали. В конце концов пришли к обоюдовыгодному консенсусу, договорились, хлопнули по рукам, вечером обмыли сделку в «Метрополе».

В ресторан Ленка надела зеленое платье, дорогое, специально для подобного случая сшитое в почти закрытом ателье, из модной заграничной ткани. Естественно, на арцыбашевские деньги. Зажигала так, что дым коромыслом стоял, а уж потом, дома...

Леонид уже и голову ломать перестал – как так, в нарушение всех законов физики, могло получиться, что он преспокойно сигает себе в начало восьмидесятых и обратно. Это пусть ученые академики думают, а ему самому думать нечего, коль уж так поперло! Иконы появились и антиквариат, даже камни драгоценные проскочили – пошло дело! И все это – в обмен на грошовые турецкие джинсы. Санек-Блэкмор, подумав, нанял двух швей, кои быстренько превращали дешевый ширпотреб в истинную – не докопаешься! – фирму. Делали лишний – снаружи – шовчик, лейблы фирменные пришивали – «Монтана», «Ливайс», «Ли»... Оттого и шли джинсы уже по полторы сотни, из которых семьдесят рублей были – Лёнькины. Хорошее закрутилось дело, денежное! А уж Ленка-то как довольна была. Еще бы – совершенно случайно оторвала такого крутого парня. Не жизнь складывалась, а малина. Но вот однажды...

Стоял уже июнь, и в тот день все не заладилось еще как-то с утра. Во-первых, на оптовой базе, ссылаясь на кризис и падающий коромыслом рубль, подняли цену с пятисот до восьми-

сот, что являло Арцыбашеву прямой убыток. А во-вторых, еще и товар какой-то подсунули лежалый, синий, но не такой синий, как обычно... Блэкмор в машине кривился, но все ж, как обещал, по полтиннику взял. В-третьих, Ленка на юг запросилась. Заканючила – хочу, мол, в Сочи хотя б на пару недель. В Сочи... отдохнуть, конечно, можно, но чуть позже, в августе, а еще лучше – в сентябре. Пока дело налаженное идет – пахать, работать надо.

Именно так Леонид сожительнице и объяснил. Именно такими словами. И нарвался... ну, не на скандал, конечно, упаси боже, но... Надулась Ленка, да весь вечер хмурилась. Утром так, хмурой, и попрощалась. Вот ведь шалава! И что ей неймется-то? На юг, видите ли, захотелось.

Утро тоже выдалось хмурое, пасмурное, вот-вот – и дождик. Как раз и закапал, едва Леонид успел добежать до «Молодежной». А вот в центре города дождя не было, хотя облака тучи висели, однако и голубое небо, и солнышко уже начинали проглядывать кое-где.

Арцыбашев подходил к подворотне, когда...

– Товарищ!

Молодой человек обернулся:

– Вы мне?

Мент! Младший лейтенант милиции! Быстро же они... да-а-а...

– Участковый инспектор младший лейтенант Бобриков, – козырнув, представился милиционер. – Попрошу ваши документы предъявить. Что? Ах, с собой нет. Ну, вы и не обязаны их носить. А личность вашу мы установим, пройдемте вот, в отделение...

– А что я такого нару...

– Там все и узнаете. Да не переживайте, здесь недалеко.

Времени на раздумье не оставалось, и Арцыбашев это хорошо понимал. Понимал и действовал – решительно и быстро. Просто улыбнулся, зевнул... и опрометью бросился в подворотню. Сзади послышался топот и милицейский свисток.

Слава богу, у трудящихся нынче выдался выходной, и наперерез бегущему, слышав свисток, ринулась лишь одна дворничиха, судя по необъятным размерам – явно не чемпион мира по бегу.

– Вон он, вон... Держи вора-а-а!

Леонид все же успел. Нырнул в люк, рассекретив временной лаз, да уж деваться было некуда – близкое знакомство с соответствующими органами советской власти в планы Арцыбашева никак не входило. А потому нужно было бежать, скрываться... что он сейчас и делал.

Заскрипели под ногами скобы... обвалился песок...

– Гражданин, предлагаю сдаться! – грозно послышалось сверху.

Ага! Держи карман шире. Интересно, продолжит ли милиционер погоню? Вряд ли. Должен же понимать – в темноте-то он вряд ли кого найдет. Да и запах...

И все же следовало убираться отсюда как можно быстрее. Выбравшись из узкого коллектора в основную пещеру, молодой человек несколько перевел дух и прислушался. Никто за ним не гнался – ни шагов, ни криков, ни свистка слышно не было.

«Интересно, а что, если и милиционер этот вдруг в начале двадцать первого века оказался?» – подумал вдруг Леонид. То-то б потеха вышла.

Ухмыльнувшись, он направился к родному люку... и уже через пару десятков шагов споткнулся о что-то мягкое, так, что едва не упал. Однако равновесие все же удалось удержать, а вот фонарик выронил, пришлось долго искать – опустившись на корточки, шарить вокруг руками.

Ага, вот он, фонарик... А что, интересно, тут...

Посветив себе под ноги, путешественник во времени вдруг застыл в изумлении и страхе. Прямо перед ним, устремив невидящие глаза к темным сводам пещеры, лежало мертвое человеческое тело, проще говоря – труп! Мало того – труп знакомый. Тот самый волосатый парень,

сутулый, Денис – в кожаной потертой куртке и майке с изображением финской группы «Чилдрен оф Бодом». Около буквы «О» – как раз под сердцем – торчала длинная черная стрела.

– Господи... – с подозрением оглядываясь вокруг, Арцыбашев размашисто перекрестился. Прочел бы и какую-нибудь молитву, ежели б знал.

А может, и не успел бы прочесть – из бокового хода вдруг послышался шум, и на свет фонаря вышло... настоящее привидение! Бледное, ростом с Леонида... и на него, кстати, похожее! Такое же вытянутое лицо, шевелюра, усики, борода... Только одежда странная – какой-то длинный, до пят, балахон. Псих, что ли?

– Помогите! – шурясь от света, воскликнуло привидение по-немецки. – Помогите же! Кто здесь?

– Вот он! – в глубине уходящей куда-то к Китай-городу и Кремлю пещеры вдруг послышались крики. Зашарили по стенам лучи многочисленных фонарей...

Выкрикивая угрозы, неизвестные быстро приближались – видать, знали тут все.

Диггеры! Черные диггеры. Снова объявились, б-блин...

– Бежим! – Леонид схватил странного незнакомца за руку. – Живее.

Тот никуда бежать не возжелал, уперся, и Арцыбашев, плюнув, решил спастись один – против такого количества готовых на все парней геройствовать было нечего.

– Этого держите, а мы – того!

За спиной слышался гулкий топот погони и азартные, не всегда цензурные, выкрики. Прибавив ходу, Арцыбашев нырнул в первый же попавшийся туннель и сразу выключил фонарик, пробираясь дальше наощупь... и на свет! Да-да, впереди забрезжила узенькая полоска. Люк!

Вот и скобы... Господи-и-и-и... Неужели убежал-таки, вырвался! Как тот колобок – и от бабушки ушел, и от дедушки ушел...

Проворно поднявшись по скобам, беглец, к большому своему удивлению, никакого канализационного люка не обнаружил... а обнаружил небольшой подвал или, скорее, погреб. Кругом стояли какие-то бочки, на стенах висели сушеные травы и веники. А сквозь приоткрытую дверь ярко сверкнуло солнце!

Ну, слава богу...

Шмыгнув носом, Арцыбашев вышел наружу... и обомлел. Судя по высившимся за деревьями и кустами таким знакомым башням и храмам, он оказался внутри Кремля, ближе к набережной, недалеко от Тайницкой башни. Ну, да! Вон – купола Архангельского собора, а вон – Успенский...

– Ух, ты ж-ж-ж!!!

Из кустов, прямо на Леонида, неожиданно выскочил здоровущий парняга в сверкающем – похоже, что парчовом – кафтане и с серебристым топориком. Рында! Насколько помнил Арцыбашев, царские телохранители в шестнадцатом-семнадцатом веках выглядели именно так. Однако интересное кино...

– Королевич! Батюшка! – бросив топорик, парняга неожиданно повалился на колени. – Арцымагнус Крестьянович! Вон ты где... А мы-то, дурни, повсюду ищем. Государь наш, пресветлый царь Иоанн Васильевич, тебя на трапезу свою жалует!

Глава 2

Москва

Королевич

Поднявшись с колен, рында отвесил поясной поклон и, подобрав топорик, вытянулся:

– Дозволь в покои проводить, господине! Государь ты платьем красным пожаловал, дабы одежду немецкую не нашивать на пиру да помолвке.

В покои... Леонид ошалело помотал головой. Первым его желанием было нырнуть обратно в подвал. Но в подземелье поджидали озлобленные диггеры... да и тут уже набежало людишек. Откуда и взялись-то? Какие-то молодые люди в черных кафтанах и с саблями, старик с сивой реденькой бородой, девчонки в сарафанах и забавных головных повязках – убрусах? Повойниках? Шестнадцатый век в чистом виде в исполнении труппы погорелого театра. Девчонки смотрели на Арцыбашева с доброжелательным любопытством, а парни – строго. Старик же вообще зыркал глазами так, будто Леонид занял у него тысяч сто и до сих пор не отдал.

– Вот, господин королевич, – рында указал рукой на молодых людей. – Личная твоя охрана. Все как один – кромешники.

Кромешники... Господи, так ведь опричников именовали! А что, рожи вполне подходящие... такие и саблей махнут, не моргнут глазом.

– Ну, в покои так в покои, – придя в себя, Леонид решительно махнул рукою. – Посмотрим, что там царь-батюшка за шмотки прислал.

Опричники удивленно переглянулись, рында же радостно засмеялся и одобрительно кивнул:

– Ай, молодец, Арцымагнус Крестьянович, ай, молодец! Третий день в Москве, а уже и по-нашему, по-русски говорить начал. То царю-батюшке по нраву будет.

Парни тоже заулыбались. Девчонки хмыкнули. А старик угрюмо вздохнул.

Пошли. Первым – рында, за ним Арцыбашев, следом – конвоем – опричники. Девки и старик, любопытствуя, шествовали на некотором отдалении. Выйдя из-за кустов, вся процессия очутилась на широкой дорожке, ведущей от Тайницких ворот в глубь Кремля... в царские палаты!

Леонид только глянул вокруг, как сразу дух захватило и дыхание сперло так, что закашлялся. По правую руку его сиял золотым куполом Архангельский собор, слева же сверкали купола собора Успенского. На папертях у церквей толпился народ в длинных цветных кафтанах и отороченных мехом – несмотря на июнь – шапках. Завидев идущих, толпа поспешно расступилась; многие улыбались, кланялись, даже кидали вверх шапки и что-то кричали, опять же вполне доброжелательно и радостно. Видать, тот, за кого приняли сейчас – а ведь приняли же, обознались! – Арцыбашева, был здесь достаточно популярен.

Как его обозвали-то? Арцымагнус, блин, Крестьянович... Улыбаясь толпе, Леонид хмыкнул. По-русски, вишь, говорить наловчился. Та-ак... А не с тем ли немцем его спутали, который в подвале... в подземелье остался? Да так и есть. А что, ежели тот вскорости выберется? Это что же, выходит, он, Леонид Федорович, самозванец? Пусть поневоле, но все-таки.

Арцыбашев посмурнел лицом. Что во времена Ивана Грозного делали с самозванцами, он себе представлял прекрасно: «первым делом – на кол посадить, а уж опосля...» Черт, как-то надо спастись, что-то думать. Хотя что тут и думать-то? В подвал пробираться, улучив момент. Не сейчас, позже...

Странно, но то, что он сейчас очутился вдруг в шестнадцатом веке, молодого человека ничуть не смущало. В животе, правда, холодело – времечко-то лихое! Да и царь Иван Васильевич – тот еще деспот. Все так...

Однако если можно было попасть в тысяча девятьсот восемьдесят первый год, то почему нельзя в шестнадцатом веке оказаться? Выбраться отсюда поскорей – всего-то и дел... Да, еще бы хорошо убедиться, что все это не инсценировка, не историческая реконструкция.

Не, не реконструкция. Вон, народ какой... истовый. Так не сыграешь. Бежать! Бежать отсюда скорей. При первой же возможности.

Обойдя Успенский собор, рында, а следом за ним и Лёня с опричниками, зашагали в сторону Никольской башни, возле которой виднелись какие-то узорчатые хоромы, сложенные

из крепких бревен. У резного крыльца стояли двое часовых в пластинчатых, с кольчужными рукавами и подолом, бронях и с алебардами-бердышами на плечах. Насколько помнил Арцыбашев, брони такие назывались бахтерцами.

При виде «королевича» воины поспешно посторонились. Рында с опричниками на крыльцо не пошли – встали рядом с караульными и поклонились.

– Тута тебя ждать и будут, – доходчиво пояснил рында. – А я, господине, на службу пошел.

Поднявшись на крыльцо, Арцыбашев в задумчивости замедлил шаг. Куда теперь идти-то? Где выделенные ему покои? Спросить у опричников – мол, подзабыл? Не-ет, с этим мордами лучше лишний раз не общаться, лучше у кого другого спросить. Должна же здесь быть дворня, слуги...

– О, майн герр! – едва не сбив Леонида с ног, на крыльцо выскочил лохматый мальчишка, одетый вполне по-европейски – в узкие штаны-чулки с небольшими буфами, желтую кожаную жилетку и серовато-белую, похоже давно не стиранную, сорочку с заштопанными рукавами. Все серенькое, невзрачненькое, грязноватое...

– О, майн герр, ваше высочество... – парень говорил по-немецки. – А я вас везде ищу! Я почистил ваше платье, ваше высочество, и до блеска надраил башмаки, и накрахмалил брыжи, и... но тут явились московские варвары, принесли свою варварскую одежду... очень дорогую, майн герр, но весьма неудобную.

– Веди в комнаты, – вспомнив немецкий, распорядился беглец. – Показывай одежду.

– Да-да, майн герр, да-да! – парнишка радостно улыбался, узкое лицо его сияло, казалось, самой искренней радостью... Впрочем, под левым глазом растекался вчерашний синяк.

– Забыл сказать, только что заходил герр Андреас Стчелкалов, канцлер, напомнил, чтобы вы были обязательно в их одежде, мол, так принято... и будет приятно кесарю.

Мальчишка трещал по-немецки без умолку, словно сорока, однако, к своему изумлению, Арцыбашев почти все понимал. А что не понимал, то угадывал.

– Вот, майн герр! Я даже не знаю, как все это надевать! Ой... а на вас-то что за кафтан? Вроде вы не в этом выходили... Ого! Вы вылечили свой глаз, господин?! Так что совсем незаметно... О, эти русские – настоящие колдуны! Я тут услышал...

– Меньше болтай! – сурово осадил Лёня. – Давай, помогай одеваться.

– Яволь, майн герр! – парнишка поспешно вытянулся, в больших светло-серых глазах его явно промелькнул страх.

Посередине просторной, со слюдяным окном и изразцовой печью, горницы, куда следом за юным слугой вошел Арцыбашев, стоял огромный, обитый железными полосами сундук с распахнутой крышкой. В сундуке же...

В сундуке же чего только не было! Полотняные и шерстяные штаны, вышитая по подолу и вороту рубаха, длинная, голубого шелка, курточка, называемая зипун, тяжелый парчовый кафтан, щедро усыпанный жемчугом, еще что-то типа широкого распашного плаща с рукавами – ферязь, затканная золотом. Еще – сапоги, кушаки, пояса, шапки...

И в довершение ко всему этому великолепию совершенно роскошная подбитая соболями шуба. Точно такая же, какую грозный царь жаловал «хороняке и смертному прыщу» Якину в знаменитом фильме Гайдая «Иван Васильевич меняет профессию». Да-да, точно такая же.

– О, майн герр! – сверкнув глазами, восхищенно присвистнул слуга. – Это сколько же все это стоит?! Думаю, никак не меньше двух сотен талеров! Даже – три сотни! Мое жалованье за двадцать пять лет! Ах, как вас ценит император Руси, как все здесь вас уважают, майн герр... и не только здесь, но и по всей Ливонии... А когда вы станете королем...

– Что-что? – перебирая подарки, хмуро переспросил Арцыбашев.

Мальчишка потупился:

– Просто осмелюсь напомнить, ваше высочество, вы сами вчера говорили, что, мол, будете платить мне по-королевски. Целых два талера в месяц, майн герр!

– Обещал – сделаю, – истинно по-королевски ухмыльнулся беглец. Мало того что беглец, а теперь еще и самозванец!

– О, майн герр... Ваше высочество...

Рухнув на колени, парнишка принялся целовать Арцыбашеву руку. Из глаз его катились крупные, как град, слезы.

– О, господин мой... Ваше высочество... Ваше величество... не знаю, как и благодарить вас, как...

– Не реви, утомил уже! – по-русски возмутился Лёня. – И поднимись наконец с колен... Я кому сказал? Живо! Руку, блин, всю обсопливил. Напомни, как я тебя обычно звал-то?

– Как вам было угодно, ваше высочество. Балбес, свинья, ротозей, разиня и, это... изверг рода человеческого, – быстро перечислил слуга.

Арцыбашев покачал головой:

– Ныне буду звать тебя по-королевски – по имени. Напомни, как?

– Э-э... Петер, ваше высочество.

– Вот что, Петер, помогать мне не надо – переоденусь и сам. Где остальные слуги?

– Остальные? – мальчишка забавно наморщил нос. – Осмелюсь доложить, у вас один слуга – я. Остальные – стражники, воины. Ландскнехты, майн герр.

– Ах вот как, значит. Ландскнехты...

Леонид одевался по принципу матрешки. Джинсы с кедами оставил свои, а вот вместо футболки натянул рубашку, поверх нее – зипун, затем кафтан, на него ферязь. Кроме парчового кафтана, вся остальная одежда оказалась на удивление легкой и довольно свободной, по крайней мере никаких неудобств молодой человек не чувствовал. А вот шубу и меховую шапку решил не надевать – лето все-таки.

– Господи-и-ин... – ахнул Петер. – Вы – истинный король! Да что там король... Император! Русский кесарь не пожалеет, что связался с вами, а не со старым проходимцем Кеттлером. Ой, я хотел сказать...

В дверь постучали, и слуга поспешно кинулся открывать.

– Здравствуйте, герр Магнус. Как спали?

Вошедший – чем-то озабоченный мужчина лет сорока пяти – был одет довольно строго, а по меркам шестнадцатого века, даже по-деловому: в узкий и длинный кафтан добротного темно-зеленого сукна почти безо всяких украшений, кроме шитого золотом пояса. На поясе были привешены яшмовая чернильница, гусиное перо и серебряная ложка. Темная, с едва заметной проседью борода, аккуратная стрижка. Не лишнее притягательности лицо визитера отличалось живостью, серые, глубоко посаженные глаза светились недюжинным умом.

– Канцлер... – повернувшись, запоздало сообщил Петер.

– Идемте, – русский вельможа говорил по-немецки с сильным акцентом, но все-таки говорил. – Русский наряд, герр Магнус, вам весьма к лицу.

* * *

Царь Иван Васильевич встретил Арцыбашева как родного. То есть, конечно, не встретил – как и положено великому государю, он явился к пиршественному столу чуть позже, когда многочисленные гости – бояре, думные дьяки и прочие – уже успели почувствовать недюжинный аппетит.

Когда вошел царь, все поспешно встали и поклонились, а какой-то патлатый боярин даже бросился на колени, и государь походя отпихнул его сапогом.

Высокий, чуть сутуловатый, с красивым, несколько вытянутым лицом и горящим взором, Иван Грозный внешне производил впечатление вполне вменяемого человека, на кровожадного тирана ничуть не похожего. Разве что немного устало выглядел, бледновато. Да и в глазах – этикие желтоватые склеры.

Леонид сидел рядом с царем, по левую руку, как брат! С чего б такой почет неизвестному королевичу? Небось, задумал царь-батюшка устроить какой-нибудь династический брак. Какую-нибудь княжну за Магнуса выдать, что ли... Если симпатичная, то...

Уже после третьего тоста Арцыбашев почувствовал, что захмелел, хоть и пили-то не водку, а что-то медовое, градусов под тридцать – слабенькое. Правда, щедро мешали с импортным вином – мальвазеей с романеею. Да и не стопочки были – кубки! Пару таких опростать – под стол можно свалиться запросто. Некоторые так и делали, чем сильно потешали царя, время от времени возвращавшегося к беседе с королевичем посредством маячившего за спиной переводчика-толмача.

– А вот скажи, королевич, в ваших странах, небось, такого богатства нет? – усмехаясь, Иван Васильевич кивнул на ломившийся от разнообразных яств стол. – А?

– Щучьих голов с чесноком точно нет, – хмыкнул Лёня. – Зато икры баклажанной заморской – хоть отбавляй. И рыба...

– Ну, рыбы-то я тебе с собой дам. Две телеги, – государь окинул не в меру разгальдевших сотрапезников строгим взглядом и, подняв золотой кубок, провозгласил тост «за русскую Ливонию и ее славного короля»!

Все выпили весьма охотно... попробовали бы с неохотою, ага!

– Небось, говорят в немецких странах, мол, тиран я, – закусив куском пирога, продолжил беседу Иван. – Врут! Ты, Магнус, им не верь... Скажешь, Новгород? И что? Там предательство одно, крамола, с давних пор на Литву смотрят да о вольностях прежних мечтают. А не будет им вольностей. Я сказал!

Царь грохнул кубком по столу с такой силой, что подпрыгнули все стоявшие рядом блюда.

– О Старицких – тоже мое дело. Отравить меня удумали... слышь, Магнус – жену мою, Марию Темрюковну, отравили! Так что же мне с ними – любезничать? Лизавета, вон, аглицкая, письма шлет, мол, не слишком ли палку перегибаю. А сама во всем торговых мужиков слушает для-ради прибытков их гнусных. Тако рази государыня? Мхх... Ох, Магнус, душа моя! Я уж, конечно, грозный, но для кого? Для врагов своих, для предателей, для отравителей гнусных. А для друзей... ничего мне для друзей не жалко! Евфимию, племянницу мою, за тебя отдам. Прямо сегодня же и отдам, не думай. И войско дам – воюй за свою корону. Токмо меня, прошу, не обманывай.

Все сказанное царем за обеденным столом вовсе не было пьяным бредом, и вскоре «королевич» уже стоял под сенью Успенского собора близ моленного места самого царя Ивана и любовался великолепными фресками, время от времени украдкой бросая взгляд на стоявшую чуть позади невесту. Точнее, не невесту... как называется, когда помолвлены-то? А черт его знает. Тут совсем ничего не понять, даже не разобрать – красивая ли невеста или так себе. Шуба, парча, белила толстым слоем – личико-то у девы наштукатурено будьте-нате! Еще и щеки намалеваны красным, и губы. Этакая вот мода.

Помолвились быстро. Сам митрополит махал кадилом. Потом еще Магнус-Арцыбашев вассальную клятву царю принес... а затем... Затем на его голову торжественно водрузили корону! Небольшую, но самую настоящую – золотую, усыпанную драгоценными камнями. Водрузили и тут же принялись чествовать:

– Слава ливонскому королю!

– Властителю Ливонии слава!

– Царю православному Иоанну Васильевичу – ур-рараа!!!

Прямо в церкви и кричали, ничуть не смущаясь.

Устал за этот день Леонид, как собака! Вернувшись в хоромы, повалился на ложе, чуть ли не замертво. Петер, слуга, тут же кинулся к своему господину, проворно стянул сапоги.

– Слышь, Петька, – пьяно пробормотал Арцыбашев. – Ты это... ты, если кого увидишь... ну, тоже немца... так меня немедля буди.

* * *

Второй день пребывания путешественника во времени при дворе Ивана Грозного выдался столь же напряженным, как и первый, правда, не таким взбалмошным. Пир был только вечером, остальное же время...

С утра самого в покои королевича – или теперь уж короля? – зашел «канцлер Стчелкалов», или, говоря по-русски, Андрей Яковлевич Щелкалов, глава Разрядного приказа и думный дьяк. Кстати, родной брат его, Василий, как Леонид узнал от того же Петера, возглавлял Разбойный приказ, главную сыскную контору по уголовным делам.

Андрей Яковлевич в покоях не разговаривал, пригласил его величество короля Арцымагнуса Крестьяновича в собственный кабинет, располагавшийся здесь же, в Кремле, в так называемой Посольской избе – хороминах преизрядных! Беседа вышла чисто деловой и вполне конкретной. В обмен на вассальную клятву царь давал новоявленному королю не только племянницу, но и деньги, и, самое главное, войско. И даже жаловал несколько небольших прибалтийских городков, уже захваченных русскими войсками во время длящейся Ливонской войны.

– А возьмешь Ревель – он тебе и будет, – через толмача тыкал дьяк.

Толмач, впрочем, переводил как надо – вежливо.

– Столицей своей сделаешь. Ревель – это тебе не твой Эзель-остров, город богатый... Да что я тебе говорю!

– Понятно, понятно, – как смог, подыграл Леонид. – Насущные потребности государства российского требуют выхода к балтийским портам, к морю! Дабы торговлю заморскую развивать и...

«Канцлер» неожиданно расхохотался. Весело, почти что взახлеб. А похохотав, шутливо погрозил пальцем:

– Наш государь, Иоанн Василевич, не какая-нибудь там пошлая аглицкая девка! Не со вчерашнего дня государь. И до подлых мужиков торговых, до прибытков их, несть ему никакого дела, ты про то, Магнус, и думать не моги.

– Зачем же тогда война?

– Из чести! Отчины дедовы отвоевать, дабы неразумных людишек ливонских опекати отчески. Твое-то королевство нам как раз в подмогу выйдет.

Вот оказывается, за что война-то – «из чести»! А в учебниках-то вдалбливали – «выход к Балтийскому морю».

– К морю у нас и до войны выход был, – цинично прищурился дьяк. – Ивангород. Да и Нева-река, чай, наша. А посейчас – и Нарва. Да! Есть у нас один человечек морской, земляк твой, из датских немцев. Зовут Карстен. Карстен Роде. Кораблишки у него, людишки, пушчонки. Много зла уж он свеем да литовцам содеял, и тебе помогать будет. Если еще жив. Ну, вот... почитай, сладились. Вот тут подпиши...

Глянув на пододвинутую собеседником грамоту, Арцыбашев едва удержался от смеха. Ну, надо же – все как в том фильме. И как подписывать? И. о. короля?

Подумав, подписался: «Магнус». Дьяк улыбнулся, печать приложил.

– Я б хотел Кремль осмотреть, – хитро сменил тему Лёня. – И Москву. Чтоб никто мне не мешал в этом.

– Посмотришь, – Щелкалов, убрав печать в стол, покивал. – Только помни, ваше величество – времени у тебя немного осталось. Скоро на Ревель поход, и ты там главным будешь.

Леонид лишь хмыкнул – надеялся, что до этого уж никак не дойдет. Ишь ты, Ревель – Таллин, значит – взять. А Америку для Ивана Васильевича завоевать не надобно?

* * *

В осмотре Москвы «короля Ливонии» сопровождали все те же неразговорчивые опричники и собственный слуга Петер. В роли гида подвизался «молодший дьяк Федор» – расторопный и кривой на один глаза парень, присланный из Посольского приказа Щелкаловым.

В московские, шестнадцатого века, красоты Арцыбашев особо не всматривался, честно говоря, дел до них не было никаких. Просто еще раз убедился – никакая это не реконструкция, самая что ни на есть настоящая эпоха Ивана Грозного, без дураков! Столько изб, столько хором боярских на старинный манер настроить – никакому олигарху не под силу, даже Абрамовичу или Прохорову. Еще и массовку в соответствующие одежды одеть...

На Красной площади блестел недавно выстроенный храм. Тот самый, известный всем пряничный собор Василия Блаженного, возведенный в честь взятия Казани. На паперти, перед собором, стегали кнутом привязанную к врытому в землю столбу бабу. Довольно молодую, но ничуть не сексуальную, со складками на боках и бессильно обвислой грудью. Ну да, в те времена бабы лет с тринадцати рожали, этой на вид тридцатник, значит, как минимум десять родов – с чего ей красивой да стройной-то быть?

Палач – молодой, с черной бородой парень – старался: плоть брызгала кровью, несчастная женщина вопила и извивалась. Собравшиеся вокруг зеваки посмеивались и плевались, стараясь попасть слюной в наказуемую, по возможности не задев палача. Не всегда получалось, впрочем, увлеченный своим делом экзекутор не обращал на это никакого внимания. Невдалеке, в десятке шагов, на аккуратно вкопанных кольях торчали полустгнившие человеческие головы с выклеванными птицами глазами.

Средневековый антураж, что уж. И все же, проезжая мимо в роскошном открытом возке, Леонид поспешно отвернулся. Выбраться бы отсюда скорей!

– В Кремль заворачивайте. Хочу Кремль посмотреть.

Увы, в Кремле от навязчивых провожатых тоже не удалось оторваться. Опричники не отставали от «королевича» ни на шаг, а прогнать их Арцыбашев все-таки не решался. Ладно. Поглядим ближе к вечеру... Или даже ночью.

– Вы Андрею Яковлевичу передайте, я и ночью могу пройтись, погулять.

– То можно! Токмо близко к воротам, ваше-ство, не подходи. Стража ночью слепа – пришибить могут.

– А мне и не надо к воротам, ага.

Леонид едва дождался ночи! На вечернем пиру и кусок в горло не лез, да и пить «ливонец» старался поменьше, сославшись на головную боль. Государь на этот раз оказался неразговорчивым, хмурым, да и вообще как-то быстро ушел, а следом разошлись и бояре.

Вот только от Петера не удалось избавиться. Узнав о том, что хозяин собирался отправиться на вечернюю прогулку один, мальчишка упал на колени и горько заплакал. Натурально! Всерьез.

– А ну как вы заплутаете, майн герр? Или случится чего? Где, скажут, слуга верный был! С меня ж тут с живого кожу сдерут... или на кол посадят!

Пришлось взять парня с собой. Да и ладно – пара лишних глаз не помешает. В случае чего на стреме постоять сможет.

К Тайницким воротам король и его юный слуга не подходили. Не доходя до них, свернули налево, в кусты. Ночь выдалась теплая, звездная. Яркий свет луны позволил Арцыбашеву быстро отыскать нужный амбар... на воротах которого, увы, висел устрашающих размеров замок.

– Опять вы в винный погреб, майн герр, – за спиной тихонько вздохнул Петер. – Тогда б уж спросили ключ. Ключник здешний, конечно, старик вредный... но от местной серебряной монетки не откажется.

– Ключник, говоришь... – пощипав бородку, Леонид задумчиво посмотрел на луну. – А если без ключника? Ничего нельзя сделать?

– Можно попробовать просто вытащить замковые петли, майн герр, – с готовностью предложил слуга. – А потом аккуратно поставить на место. Мы в Ревеле как-то такое проделывали...

– Ну, надо же, – подходя вплотную к амбару, хмыкнул «король». – Проделывали они... Ты сколько уже у меня служишь, друг мой?

Мальчишка горделиво расправил плечи:

– Уже целых полгода, майн герр! С тех пор, как вы изволили спасти меня от виселицы за... гм-гм... облыжно приписываемую мне кражу.

Последнюю часть фразы Арцыбашев так и не перевел – некогда было. Потрогал замок, потянул... Петли вместе с замком и пробойником поддались настолько легко, что освободившийся засов тут же рухнул наземь, чуть ли не на ногу «высочайшей особе». Молодой человек едва успел отпрыгнуть в сторону.

Слуга поднял пробойник, понюхал, а затем и лизнул...

– Однако конопляным маслом смазаны, майн герр! – доложил он свистящим шепотом. – Видать, и без вас есть любители попить вина бесплатно. Самого государя не боятся, дьяволы. Вот и считай после этого, что там, где боятся – там порядок. А вот ничего подобного!

– Я смотрю, ты философ.

Оба зашли внутрь, точнее сказать протиснулись – отрывать двери амбара нараспашку Арцыбашев не рисковал. Хоть он и король, а все равно как-то стремно. Внутри оказалось темно, хоть глаз выколи. Велев Петеру дожидаться у входа, Леонид включил прихваченный с собою фонарик – тот еще, из восьмидесят первого года – и медленно прошелся меж бочками, ища хоть какой-нибудь подкоп или провал. Ну, как-то же он здесь очутился, пролез... Увы, все оказалось засыпано. А может, плохо смотрел. Или просто...

– Кто-то идет, господин, – подбежав, хрипло доложил Петер. – Я слышал шаги...

В этот момент дверь отворилась, и призрачный луч серебристого лунного света озарил внутренности погреба. Господин и слуга, не сговариваясь, нырнули за бочки, где и затаились, каждую секунду ожидая окрика.

Однако никто почему-то не кричал, не поднимал тревогу. И видно было, как проскользнула в амбар чья-то шустрая тень. Скользнула и аккуратно потянула за собою ворота.

«Местные алкоголики отжигают», – усмехнулся про себя король. И оторванный замок их почему-то ничуть не смутил. Наверное, тут такое частенько творилось.

– Козьма! – в темноте негромко прозвучал голос. С небольшой хрипотцой, но тоненький. Девичий или детский. – Козьма, ты здесь?

Неведомый Козьма не откликнулся по вполне понятным причинам – его здесь и не было. Арцыбашев и Петер, ясное дело, тоже молчали, гадая – кого это сюда еще принесло за халявным вином да медовухой? Неужто в царстве московском все с юных лет алкоголики.

– Верно ушел... – тихо и, как показалось Леониду, с явным облегчением, промолвили в темноте. – Ужрался, псинище, даже замок не навесил. Ужо завтрава попеняю.

Послышались какое-то звуки, будто кто-то колотил камнем об железо... Так ведь и колотил!

«Огниво!» – глядя на вспыхнувшую свечу, догадался «его величество».

Закутанная в длинный плащ фигура – явно мальчишеская, детская – поставив горящую свечку наземь, наклонилась за бочки, достала оттуда какие-то предметы, в полутьме похожие на мячики... или, скорей, на бильярдные шары, только раз в пять больше. Аккуратно их разло-

жила, расставила... Потом еще что-то вытащила... упала на колени! Забормотала злым, срывающимся в стоны, шепотом, раскачиваясь из стороны в сторону, словно читала молитвы:

– Макошь, мать-сыра земля!!! Благослови, мати! И ты, мати Лада, и ты, Хорс пресветлый, и Перун бо, и Сварожичи... – с удивлением услышал Арцыбашев.

Молитвы-то были языческие! Перун, Макошь, Хорс – это все языческие древнеславянские божества. Самые главные. А по российской терминологии шестнадцатого века – бесы! И зачем это пацан их вызывал? Тем более так истово...

– Смерть душегубцу кровожадному, смерть! Пусть горит в геенне вечной. За смерть батюшки мово, матушки... за всех. Смерть царю препоганому, смерть!

Ох, ничего себе! Не за Ивана ли Васильевича столь искренне молятся? Только отнюдь не во здравие, а на смерть! Однако-о-о-о...

– Кровью человечьей заклинаю тебя, Макошь-мать, и ты, Перун, не побрезгуй. Знай...

Резко распахнулись двери.

– А ну-ка, кто тут?

Фигурка юркнула, затаилась.

– А ну, Ермолай, ташшы-ко факел... Шас погядим...

– Не надо факела, – отряхиваясь, поднялся из-за бочки Лёня. – То я, король ливонский со слугой. Выпить захотелось... и вот...

Проходя мимо упавшей свечки, молодой человек скосил глаза на шары и вздрогнул. Не шары то были – черепа. Не очень большие. Детские.

– Дак ты б, Арцымагнус Крестьянович, просто б слугу послал... – здоровенный парняга в длинном красном кафтане с позументами – не иначе стрелец – даже в призрачном лунном свете выглядел явно смущенным. Видать, не того поймал.

– Посылал, да не дождался, – зевнув, Леонид махнул рукой. – Пришлось самому следом идти. Ничего, засовчик слуга мой обратно на место поставит. Эй, Петер...

Ворота амбара открывались наружу, так что специально промасленный пробой можно было запросто выбить изнутри даже ребенку. Тем более не такой уж там, внутри, был и ребенок. Ростом с Петера, верно и по возрасту такой же.

Ишь ты, что умыслил! Наговоры на царя-батюшку класть. Впрочем, вмешиваться в здешние дела Арцыбашев вовсе не собирался.

Проводив «королевича» до самых хором, стрелец простился вполне почтительно, даже пожелал спокойной ночи. Но «по команде», гад, доложил! И утром Леониду – королю!!! – пришлось оправдываться перед Щелкаловым. Впрочем, не столько оправдываться, сколько нагло просить выпивки. Каковая, впрочем, и была обещана.

Глава Разрядного приказа не обманул. Бочонок медовухи и серебряный кувшин с мальвазеею дворцовые служки доставили уже к полдню. К выпивке прилагалась закуска – сладкие коврижки, орехи и коржики.

Арцыбашев, как раз собиравшийся к царю на вечернюю трапезу, ко всему этому отнесся с прохладцей. Почти целый день молодой человек пребывал в глубокой задумчивости, размышляя, правильно ли он поступил, выручив из беды неизвестного мальчишку. Ежели б того накрыли с черепами – бедолаге явно не поздоровилось бы! Как и самому Леониду в подобной компании. Вином бы тогда не оправдался, вряд ли. А так... вроде все гладко прошло.

Кто ж такой тот мальчишка, что делал наговоры на самого царя? Откуда взялся он здесь, в Кремле, у самого царского трона? Наверное, сын одной из многочисленных жертв грозного тирана. Хм... если так, тогда почему не казнен вместе с родителями? На худой конец – не сослан? Шляется по Кремлю с черепами, по ночам по подвалам шастает... По подвалам! А этот парень явно должен бы знать... ну, хотя бы вот тот амбар, через который Арцыбашев попал в эту жуткую эпоху. Эх, отыскать бы мальчика... Только вот как бы?

С той самой ночи все подвалы да амбары в Кремле позакрывали на замки, а к некоторым еще и приставили стражей. К «тому» амбару – тоже. Здоровенный такой парняга стоял, в черном опричном кафтане, с бердышом, при сабле. Не пройдешь, не проникнешь... вот незадача-то.

Весь день Леонид так и промаялся в пустых раздумьях. Исподволь расспрашивал собственного слугу да все пытался вспомнить, что же он знал о принце Магнусе. А мало чего знал! Датчанин. Младший брат нынешнего датского короля Фредерика. Судя по одному слуге – явно не богат, скорее беден, если по королевским меркам брать.

Моргая светло-серыми глазами, юный слуга Петер на расспросе показал, что король Фредерик лет десять назад купил у Эзельского епископа Йозана фон Мюнхгаузена весь его остров, да и не только остров – все епископство. Остров Эзель – Сааремаа, Пильтен, еще несколько замков и – с каких-то хренов – право на Ригу и Ревель.

– Это ж откуда у эзельского епископа такие права-то? – изумился молодой человек. – Надо же – Рига!

Петер пожал плечами:

– Не знаю, откуда права, а только и они проданы были. За тридцать тысяч талеров, так как-то. Только ратманы Ревеля и Риги с теми правами не согласились.

– Поня-атно! – хохотнул Леонид. – Что они, дураки, соглашаться? А Пильтен – это что?

– Епархия, майн герр, – слуга удивленно моргнул. – Пильтен, Донедаген, Эрвален и все такое прочее. Если и есть в мире какая-то жуткая дыра – то это именно там. Да что вы, ваше величество, забыли, как в тамошней грязище застряли?

Новоявленный король Ливонии рассеянно махнул рукой и задумался. Как-то ему здесь вдруг показалось неуютно – парень тот, со стрелой в груди, некстати вдруг вспомнился. Дьяк еще этот, Андрей Щелкалов – в Ливонию грозитя отправить. Хотя не он грозитя – самого царя воля! Ишь ты, войско дает. Так, собственно говоря, принц Магнус в Москву за тем и приехал. За войском русским да за ливонской короною... жаловать коей Иван Васильевич, при всем к нему уважении, уж никаких прав не имел. Впрочем, в Ливонии сейчас такое творилось, что сам черт ногу сломит. Немцы, шведы. Поляки, русские... Датчане, вот. Хотя Дания-то уж слишком в ливонские дела не лезла. Хватало всяких прочих шведов.

Не-ет, в Ливонию никак нельзя! Ухайдакают еще шальной стрелой или пулей... Или с лошади упадешь да свернешь себе шею – запросто. К тому же выход-то в родную эпоху – здесь, в Кремле. А не в Ревеле, не в Риге, не на Сааремаа.

Черт, черт, черт! Как бы от этого похода-то откосить? Может, больным сказать?

Ничего придумать Арцыбашев пока не успел – не дали. Снова явился дьяк Андрей Яковлевич, канцлер, приставленный к знатному иностранцу, надо думать, самим царем. Явился, поклонился и, щелкнув пальцами, пригласил «господина короля» на «служилых людей ристалище», сиречь на военный смотр.

Отказываться было как-то неудобно, пришлось собраться, пойти... Единственное, что все же сделал «принц» – это заявил, что чувствует себя как-то не очень – мутит после вчерашней пьянки, потому вархом... ни-ни!

– Ничо, – ухмыльнулся дьяк. – Лошадь тебе смирененькую подберем. А по пути заедем – рассолу попьешь.

– А далеко ехать-то?

– Да рядом, на площади Красной.

– Так не лучше ль пешком?

От таких слов Щелкалов изменился в лице и даже закашлялся, пояснив, что это, мол, в разных нищих полночных странах (европейских, ага) владетельное лицо может пешком ходить, как последний шпынь ненадобный, а в русском царстве не так. Тут даже захудалые дети боярские со двора на двор пешком не пойдут, потому как – чести урон.

– Так что ты, королевич, все эти ливонские замашки брось! И к обычаям нашим привыкай потихоньку.

Слава богу, конек – или кобыла, в таких тонкостях Арцыбашев совершенно не разбирался – оказался смирным. Взгромоздившись в седло, хитрый «королевич» сразу же отдал поводья слуге – веди, мол – и, поправив щедро украшенную жемчугом шапку (тоже царский подарок, как и усыпанная драгоценными камнями сабля), с любопытством посматривал по сторонам.

В разноцветных куполах собора Василия Блаженного радостно играло солнце. Все так же уныло – но уже и привычно – торчали на воткнутих в землю копьях отрубленные головы царских врагов. У самых соборных врат гарцевали на вороных конях молодцы в черных кафтанах – опричники. Никакой особой звероватости в их облике «ливонский принц» не заметил, привешенных к седлам метелок и отрубленных собачьих голов тоже не имелось (вот ведь, выдумают же историки всякую чушь, мать их за ногу!). Да и вообще, опричников было мало – человек пять.

Рядом, на паперти, растянулось стройными рядами войско – конное и пешее. Стрельцы, надо думать. Всадники особого впечатления на Арцыбашева не произвели: какие-то занюханые, в допотопных стеганых кафтанчиках-тегилеях, с саадаками (лук и стрелы) через плечо. Лук и стрелы... Для конца шестнадцатого века – вчерашний день, татарщина какая-то.

А вот стрельцы смотрелись куда как солиднее! Настоящие гренадеры! Молодец к молодцу. В одинаковых красных кафтанах, при бердышах и саблях, с устрашающих размеров ружьями – пищалями – на плечах. Насколько Леонид помнил, замки у пищалей должны быть фитильные. Хотя в это время уже появились и более совершенные – колесцовые и ударно-кремневые, однако фитильные были значительно дешевле, потому и использовались довольно долго в массовых армиях, в пехоте.

Завидев важных гостей, из среды всадников отделился чернобородый мужчина в роскошном доспехе-колонтаре с золоченым зеркалом и в сверкающем на солнце шишаке – каске с назатыльником, козырьком с опускающейся стрелкой и наушами. На круп мощного гнедого коня красивыми складками ниспадал плащ темно-красного цвета. К седлу был привешен шестопер, к поясу всадника – богато украшенная сабля.

– Князь Юрий Токмаков, воевода, – негромко пояснил дьяк. – Коли государь его с тобой пошлет – зело добре! Князь – воевода справный.

На вид «справный воевода», несмотря на всю свою солидность и бороду, оказался ровесником Леонида. Воин держал себя спокойно и даже как-то буднично. Придерживая саблю, спешился, поклонился с достоинством и, обращаясь к дьяку, спросил:

– Велишь начинать, Ондрей Яковлевич?

– Начинайте, – сухо отозвался Щелкалов. – Ты, князь, можешь королевичу прямо, все что хошь, говорить. Он уже и без толмача почти все понимает. Выучил!

– О как! – в светлых, слегка навывкате, глазах воеводы проскользнуло что-то похожее на уважение. – Ну, поглядим... Что ж, двинули.

– Так я вас оставляю, – усмехнулся дьяк. – А вон и толмачи, господин король. Знакомцы твои, Таубе и Крузе.

Щелкалов кивнул на двух парней в черных опричных кафтанах и на вороных конях, быстренько подскочивших к знатному гостю.

Поклонясь, парни, перебивая друг друга, быстро затараторили по-немецки. Лица их почему-то показались Арцыбашеву весьма пройдошистыми, похожими на те, что обычно показывают по российскому телевидению в разного рода «говорливых» передачах. Доверять таким особо не следовало. Не очень вслушиваясь в их речь, «королевич» махнул рукой.

Взметнулись к небу золоченые стяги с изображением святых. Дернулись, взлетели на дыбы взявшие с места в карьер кони. Поднимая тучи пыли, конная рать мчалась вперед. За ней

со всею солидностью тронулась пехота – стрельцы. Леонид невольно улыбнулся – вся картина была точно такой, как показано в гайдаевском фильме, разве что песню про Марусю стрельцы не горланили, шагали молча. Шестнадцатый век, черт! Леонид приосанился. И все это войско – его! И всадники, и стрельцы, и вот эти пушки. Силища-то какая, Господи. И сам он – вправдашний король! Пусть даже и не совсем легитимный. Свое королевство имеет. В Прибалтике! Может быть, даже с Ригой и Таллином! Да уж, это не джинсами в восемьдесят первом году спекулировать.

Не джинсы, да... Гораздо, гораздо опаснее! Убить могут. Или царь на что-нибудь осерчает – и голова с плеч. Или какой-нибудь заговор – верные слуги яду в вино подсыпят. Тот же Петер и...

Неприятенно покосившись на мальчишку, все так же ведущего коня под уздцы, Арцыбашев помотал головой, словно силясь отогнать лезущие в нее неприятные мысли. В конце концов, в данный конкретный момент ничего такого страшного «королевичу» не грозило. Наоборот, интересно было. Весьма.

Войско во главе с королем и воеводою шло по московским улицам с барабанным боем и дудками. На деревьях сидели любопытные ребятишки. Жались к заборам взрослые, в основном мужики да парни, женщин в то время держали в теремах... откуда они и выглядывали.

Все что-то радостно орали, размахивали руками и бросали вверх шапки. Князь Юрий – а следом за ним и «король» – милостиво кивали толпе. Немцы – Таубе и Крузе – вежливо держались чуть позади королевской свиты. Да-да, теперь уже имелась у Лёни и свита – представленные Щелкаловым неразговорчивые парни в сверкающих пластинчато-кольчатых бронях-бахтерцах.

Тянувшиеся по сторонам высокие заборы, за которыми виднелись добротные хоромины с теремами, постепенно сменились убогими избенками с покосившимися плетнями и крытыми соломой крышами. Тут уже никто шапок не бросал, разве что совсем уж малые дети испуганно тарасили глазенки. Взрослые были в полях, понятно.

Выйдя на раздольный заливной луг, войско рассыпалось цепью и замерло. Воевода и король спешили, сошла с коней и свита, и немцы – те, правда, держались поодаль и глаза королевичу не мозолили.

– Вот, господине король, мишени, – воевода указал рукой на березовую рощицу. – Стрельцы отсель, от малинника, бить будут. А лучники – оттуль.

Арцыбашев понимающе покивал. Ежу понятно – пищали-то с дальней дистанции лупить будут.

Запела труба. Вновь взметнулись стяги. Ринулись, поскакали вдоль реки всадники в тегиляях, на полном скаку пуская стрелы. И надо сказать – весьма метко! Из двух десятков крашенных щитов, выставленных на лесной опушке, процентов девяносто были поражены точно по центру.

– Молодцы! – одобрительно кивнул Леонид. Вообще это зрелище его забавляло.

– Молодцы, – воевода прищурил глаза. – Однако, в бою от такой меткости толку немного. Хорошо, если удачно стрела попадет, а так... не-ет, доспех немецкий не прошибет, и думать нечего. Супротив татар токмо. А ну-тко, пищальников поглядим... Эти-то у нас добрые пищали, тяжелые – с мушкетами вашими схожи. А ну...

Красный сигнальный флажок – еловец – поднявшись на длинном копье в небо, затрепетал на ветру.

– Заря-жай! – подойдя к стрельцам, распорядился князь Юрий.

Воткнув в землю бердыши, стрельцы разом положили на них свои тяжелые ружья с тлеющими фитилями...

Арцыбашев с самым искренним любопытством глазел на ближайшего воина. Вот тот положил пищаль стволом на поставку – бердыш, и, аккуратно придерживая оружие левой

рукой, правой ловко сорвал с берендейки мерку с зарядом пороха. Пропихнул шомполом в ствол, затем туда же отправил пулю и пыж да сверху прибил заряд все тем же шомполом, после чего – опять же, с непостижимой ловкостью – насыпал на ружейную полку затравочный порох из серебристой пороховницы-натрусницы, закрыл полку специальной крышкой, надув щеки, дунул – сдул лишний порох, вставил тлеющий фитиль в курок – так, чтоб его кончик мог коснуться пороха на затравочной полке... Ну, все. Теперь и стрелять можно!

– Огонь! – махнул рукой воевода.

Все пищали жажнули разом, подняв такой грохот, что Лёня чуть не оглох. Конечно, о прицельной стрельбе в те времена речи не шло, пищаль не винтовка, но... Все мишени оказались измочалены в щепки! Мало того, и березовая рощица поредела вдвое – срубленные тяжелыми пулями деревца с треском повалились наземь.

– Вот это мощь! – икоса глянув на королевича, князь горделиво расправил плечи. – Не хуже ваших мушкетов.

– Не хуже, – согласно покивал Леонид. – Этак и Ревель к осени возьмем, а?

Воевода улыбнулся:

– Возьмем, господине! Возьмем.

Войско возвратилось в Москву лишь ближе к вечеру. Царя в Кремле не было – уехал в Александровскую слободу молиться – и на обед ливонского короля пригласила будущая невеста – княжна Евфимия Старицкая. Как скупое пояснил дьяк Андрей Яковлевич, устраивал-то пир конюший боярин Борис Годунов, а княжна уж была при нем – присматривал по указанию государя за сиротинушкой. То есть опять же, присматривал не сам Борис, а его тесть, всеми уважаемый на Москве человек – Григорий Лукьянович Скуратов-Бельский по прозвищу Малюта. Тот самый. Палач царский... Который едва ль младенцев живьем не жрал! Вот уж с кем с кем, а с этим-то типом Арцыбашеву знакомиться никак не хотелось... и слава богу, того в столице не было, то ли в Александровской слободе ошивался, стервец, выискивая крамолу, то ли воевал где-то в Ливонии во исполнение воли государя.

– Герцог Вольдемар Старицкий, насколько я знаю, год назад был казнен по приказу кесаря по обвинению в заговоре, – охотно пояснил Петер, собиравший по Кремлю все сплетни. – Говорят, он подбил царского повара отравить государя, о чем стало тот час же известно двум важным вельможам – Василию Грязному и Григорию Скуратову. Повар во всем сознался под пыткой, а герцог Старицкий, как я уже сказал, был казнен. С супругой и старшей дочерью. Самому герцогу дали яд, о женщинах же все говорят разное. Здесь, при дворе, мой государь, есть один немец, опричник. Зовут его Генрих, Генрих Штаден, так вот он как-то вскользь говорил, будто герцогиню и дочь ее велели раздеть донага и расстреляли из аркебуз! А кто-то говорит, будто не из аркебуз, а из луков. Иные же полагают, что не расстреляли, а...

– Ну, ладно, ладно, хватит, – поморщившись, Леонид перебил не в меру словоохотливого слугу.

О князе Владимире Старицком он и сам знал кое-что. Как и то, что вина его состояла лишь в том, что он являлся возможным кандидатом на престол... Как теперь и он сам, королевич! Ведь, ежели женится на княжне Евфимии Старицкой, то тогда по всем законам феодального права... Эх! Не срубили бы голову... Вот о чем думать надо, а не о короне российской!

– После смерти герцога остались две дочери, майн герр, – продолжал Петер. – Старшая – Евфимия, с которой мы... то есть вы... сегодня обедаем, и младшая, Мария, ей сейчас лет десять или пятнадцать, или что-то около того. Говорят, весьма разбитная и вольных нравов девица. Ведет себя как мальчик – из лука белок бьет, по деревьям лазает, в бояр камнями кидается. Ей все разрешают – сирота. И по женской линии ближайшая родственница государя. Как и старшая ее сестра, герцогиня Евфимия.

– Ну, надеюсь, моя невеста Евфимия все же не такая оторва, – Арцыбашев хмыкнул в рукав. – А впрочем, нынче вечером поглядим. Да! Петер, мальчик мой, ты за амбаром-то посматриваешь?

– Посматриваю, майн герр. Все по-прежнему – два новых замка и стражник.

– Это плохо, – кисло улыбнулся Леонид. – Ты разузнай-ка, нет ли к тому амбару каких ходов подземных.

Хоромы конюшего боярина – между прочим, будущего царя! – Бориса Годунова, в отличие от обиталищ многих московских бояр, вовсе не показались Арцыбашеву какими-то вычурными или особо богатыми.

Вернее, богатство-то, конечно, имелось – только умный вельможа не выставлял его напоказ. Несколько соединенных крытыми переходами просторных горниц на высоких срубных клетях, да, как полагается, терема. Ну, конечно, высокий забор, псы цепные. На просторном, с дивным яблоневым садом, дворе вольготно располагались избы поменьше – для дворовых крестьян – и многочисленные хозяйственные постройки – хлевы, конюшни, птичники, сараи с амбарами.

Горница, насколько помнил Арцыбашев, всегда рубилась-строилась на срубе-подклети, в горнице имелась печь, обычно покрытая изразцами и служившая не для приготовления пищи, а исключительно для тепла. Самая высокая постройка в хоромах – хозяйская крепость, этакий деревянный донжон! – называлась повалушей, от повалов – выпусков бревен верхнего этажа. Иногда еще повалушу именовали светлицей. Двух- и трехэтажные срубы соединялись меж собой сенями – пожалуй, самыми светлыми помещениями в хоромах, с большими слюдяными – или даже стеклянными! – окнами, безо всяких печей. Как раз в сенях-то летом и устраивались пиры. Вот как сейчас.

Хозяин, конюший боярин и царский спальник Борис Годунов – красивый осанистый мужчина с темной бородой и приветливым взглядом – одетый в парчовый – больно глазам! – кафтан и накинутую поверх него шелковую светло-голубую ферязь с длинными, откинутыми назад рукавами, лично встречал именитого гостя. Правда, не во дворе, у ворот – так царя только встречают! – а на крыльце, но и с того ливонскому королевичу было много чести, о чем поспешно растолковал толмач – один их тех пройдошистых немцев, Краузе.

Рядом с боярином стояла его молодая супруга, дочь кровавого палача Малюты. Милое девичье лицо, волосы по обычаю спрятаны под щедро усыпанным жемчугами убрусом. Наверное, красивая – сейчас, под слоем белил да румян, не определишь.

Щурясь от солнца, королевич поднялся на крыльцо, расцеловался с хозяином и хозяйкой.

– Прошу, прошу, дорогой гостюшка, – Годунов добродушно указал рукой на сени. – Ужо пообедаем. Что Господь послал – то и есть...

Господь послал боярину немало. От обилия драгоценной посуды и пищи у Арцыбашева разбегались глаза. Единственное, что он для себя отметил – был огромный осетр, жаренный с яблоками и приправами. Ну, и конечно, вино, и даже водка – золотую чарку гостю понесли сразу.

– Ах, хороша, – забывшись, по-русски прокомментировал Лёня. – Сразу видно – не паленая какая-нибудь. Ключница водку делала?

– Она, – Годунов улыбнулся гостю, словно лучшему другу. – А Щелкалов, Андрей Яковлевич, думный государев дьяк, однако же не солгал. Ты, Арцымагнус Крестьянович, зело нашу речь ведаешь. И когда только успел?

– У себя еще выучил, дома, – поспешно оправдался фальшивый ливонец. – В Таллине... тьфу... на Сааремаа... в Ливонии, в общем.

– Молодец, – Борис одобрительно улыбнулся и усадил гостя по правую от себя руку. – А тут вот, рядом, посейчас и суженая твоя сядет, Евфимия Владимировна.

Какая-то еле уловимая гримаса вдруг исказила на миг холеное лицо царедворца. Что думал он в этот момент? Виделся ли ему казненный по обычному доносу князь? Или расстреливаемые опричниками женщины? Бог весть. Может, и виделось. А может, и нет. Судя по дальнейшей феерической карьере, нервы у Бориса Федоровича были очень даже крепкие.

Княжна задержалась недолго. Вошла, точнее сказать вплыла павой, поклонилась в пояс. Сначала – боярину, потом – будущему мужу. Села, царственным жестом поправив спадающую с убруса прозрачную вуаль.

Арцыбашев с любопытством скосил глаза, силясь рассмотреть то, чего не увидел в церкви. А девчонка-то красивая! Очень. Худощавое, слегка вытянутое лицо, карие глаза с поволокою, густые ресницы, сурьменные брови. Даже белила с румянами, по обычаю наложенные весьма щедро, не смазывали то благоприятное впечатление, которое красавица произвела на важного гостя.

Годунов поспешно произнес здравицу в честь царя-батюшки. Все выпили стоя по довольно большой чаше. На этот раз не водки, а очень даже приличного вина, тоже весьма хмельного. Выпив, уселись закусывать. Леонид потянулся к пирогам, к пахучей ухе, рыбьему холодцу, осетринке...

– Пост-от ныне, пятница, – зачем-то извинялся боярин. – Потому уж не обессудь – бело-рыбица...

Запивая, королевич только диву давался. Если у них в пост так едят, то что же в скоромное время делается? Одно сплошное обжорство. Впрочем, Годунов не кто-нибудь, а приближенный вельможа царя!

После третьего тоста хозяин принялся расспрашивать про Ливонию, про датского короля Фредерика, вообще про европейскую жизнь. Боярыня Марья Григорьевна тоже слушала с неподдельным интересом, а уж Арцыбашев, после пятого-то кубка, плел, что только не лезло на язык!

– В Копенгагене, врать не стану, я только проездом был. Вернее, пролетом – в аэропорту. Аэропорт там огромный, и, главное, кругом, кругом все – вполне себе заблудиться можно. А вот Стокгольм... Стокгольм иное дело. Старый город... как его, блин... Риддерхольм! Дьюрсгаден, кораблик Ваза, Скансен. Ну, и музей «АббА», конечно – это уж здорово! Говорите, Рига? А что Рига? Тоже ничего. Я как-то снял отель с видом на Домский собор... вполне себе дешево снял, за тринадцать евро... хотя это, честно-то говоря, не отель был – хостел. Но все равно! А внизу, представляете – ресторан «Лидо». Дешево все, и пиво замечательное. Помнится, сидим мы с друзьями на террасе... Ой, о чем это я? Вы, уважаемый Борис Федорович, зачем мне столько много подливаете? Я ведь, можно сказать, малопьющий. По праздникам только, да по выходным... ну, и на неделе так... иногда... Да-да! За царевича Федора Иоанновича! Со всем нашим удовольствием. Прекрасный тост!

Стоявшие невдалеке, у стены, музыканты грянули в гусли что-то лирическое, мотивом похожее на знаменитую песню «АббА» – «Танцующая королева».

– Дэнсинг куин... – пьяно подпевал Арцыбашев, – дэнсинг куин...

– А мне чего-нибудь дайте!

Леонид едва не подавился пряником. Голос вдруг показался ему знакомым. Детский. Тоненький. С хрипотцой. Неужто тот самый мальчишка? Который в амбаре...

Нет, не мальчишка. Девчонка! А голосок-то похож, да... И что с того-то?

– А это вот младшенькая княжна – Маша, – Годунов с улыбкой указал рукой на возникшую на пороге девочку.

На вид девчонке было лет тринадцать. Тоненькая, в длинном *европейском* платье с крахмальным воротником и рукавами-буфами. Синеглазая, с темными, рассыпанными по плечам локонами, она чем-то напомнила Арцыбашеву Алису из старого детского фильма «Гостя из

будущего». Тот же тип лица, глаза... да все! Между прочим, когда-то в детстве киношная Алиса Лёне нравилась. Очень.

– Садись, садись, Машенька, – ласково промолвила боярыня. – Что запоздала-то так? И платье это...

– Что, некрасивое? – ах, с каким вызовом блеснули глаза! Просто-таки окатили презрительной синью.

– Да нет, красно... Да ты садись, садись, кушай. Кваску-от испей.

– А вина можно? Того, сладенького... мальвазеицы.

Годунов усмехнулся в бороду и покладисто махнул слугам:

– Немножко-то можно. Плесните ей. Токмо ты, Машенька, не сразу за сладкие заедки хватайся. Сначала ущицы, вот, похлебай.

– Сама знаю!

Девчонка вела себя довольно вольготно, и даже, можно сказать, с вызовом. Наверное, таким образом выражала свой подростковый протест. Гормоны играли.

– Ты на нее вниманья-то не обращай, Арцымагнус Крестьянович, – наклонившись, прошептал боярин Борис. – Такая уж она у нас. Сирота – воспитывать особенно некому.

Зато старшая Машина сестра, Евфимия, выглядела вполне воспитанной, пожалуй, даже слишком. За весь вечер и слова не произнесла, как ни пытался Арцыбашев ее разговорить. Лишь улыбалась мягко, а в глазах стояла тоска. Что, в общем-то, и понятно. Когда сначала родителей казнят, а потом доброхотов из себя строят, это, знаете ли... Лишний штрих к портрету царя-тирана.

А чета Годуновых, похоже, относилась к девчонкам с сочувствием. Привечали. В гости, вот, позвали. А еще прощали младшей княжне, Маше, все непозволительные и дерзкие по сим временам чудачества. Ишь, мальвазеицы ей! И платье поганское надела. Словно дразнила кого. Так, может быть, и дразнила? Презрение свое выказывала, где-то в глубине души затаив нешуточную обиду и боль.

За упокой души князя Владимира Старицкого у Леонида хватило ума не пить. То есть не предлагать за это выпить... хотя, по первому хмелю, и проскользнула такая мысль. Весьма и весьма чреватая! Годунов, вне всяких сомнений, донес бы об этом царю. Донес, донес бы... И что тогда? Вместо войска и ливонской короны – пыточный подвал? Подвал, да... подвал...

– Как-то намерен случайно забрел в один амбар в Кремле, у Тайницкой башни...

Зачем он ввернул эту фразу, Арцыбашев и сам не знал. То ли к рассказу Марьи Годуновой о всяких там домашних заготовках, соленьях-вареньях, то ли... то ли к Маше. Боярин Борис обмолвился невзначай – мол, любит девчонка по подвалам лазить, интересно ей. Владыко новый сказывал – епитимью на предерзостную дочь наложить надоть. Да только царь-государь не велит! Запретил обижать сироту, вот та и бесится.

Как только упомянул гость амбар, так синие очи Маши вспыхнули страхом. Вспыхнули и тут же погасли – Леонид поспешно перевел разговор на другое, распорядясь с гостеприимным хозяином, что лучше – пиццаль или добрый лук. Принц настаивал на луке – мол, куда как метче, нежели пиццаль.

– Метче-то он метче, – ухмыльнулся боярин Борис. – А токмо ежели залпами бить? Да прямой наводкою? Лук-то с навеса, ага. А ветер вдруг? Или сил у стрелка не хватит? Не-ет, без добрых пиццалей нынче в бою делать нечего. Не зря государь стрельцов завести удумал. И еще – пушкарский приказ!

Вот с этим гость согласился:

– Да, Боря, без артиллерии нынче никуда. Бог войны все-таки!

– Как-как ты сказал? – засмеялся боярин. – Бог войны? Одначе верно.

А юная княжна все стреляла глазищами. Алиса, блин.

– Слышу голос из прекрасного далека-а-а-а... – королевич и сам не заметил, как затянул песню.

Да так удачно затянул, так настропалил всех, что и Марья Годунова, и тезка ее, Маша, и даже сам конюший боярин Борис Федорович подпевать начали:

– Прекрасное далеко, не будь ко мне жестоко, не будь ко мне жестоко, жестоко не будь!

Толмача, немца-опричника Крузе, кстати, к столу не пригласили, кормили от пуза на кухне, разве что не вместе со слугой Петером.

Маша, кстати, за столом долго не сидела и, как начало темнеть, ушла. Засобирался и гость – засиделся, пора было и честь знать. Хозяева проводили королевича на крыльцо, герр Крузе подвел коня. Поехали!

– О, майн герр, – разув и раздев своего изрядно захмелевшего господина, Петер задул свечу. – Юная принцесса Марья велела передать вам низкий поклон. Х-ха! Ну, надо же, принцесса, самого государя племянница, а мной, слугой, не побрезговала. Говорила ласково, целый талер дала. И вот, просила сказать спасибо...

Арцыбашев повернул голову:

– За что спасибо-то? И поклон – за что?

– За подвал, – тихо пояснил слуга. – Так она сказала.

Глава 3

Лето – осень 1570 года. Ливония

Осада Ревеля

Вообще-то Арцыбашев и вовсе не собирался воевать. Просто не удалось по пути сбежать, да если б и удалось, все равно тайком возвращаться в Москву было бы слишком опасно. Не зная местных традиций, обычаев, со странной речью – вычислили бы быстро. Словили бы. И на плаху. А что? С Грозного царя станется!

Вот и ехал себе новоявленный ливонский король, уныло косясь на окружающие ландшафты. Хорошо хоть в возке, не верхом, впрочем, ухабы на дорогах были такие, что уж лучше, верно, в седле...

Как и все в это время, путешествовали неспешно, покуда из Москвы добрались до Пскова, вступил в права июль, уже поднималось, колосилось жнивье, и выпархивающие из-под копыт жаворонки пели свои песни высоко в синем летнем небе.

Ночевали на ямских станциях, или, как их тут называли, «дворах». Просторная гостевая изба, баня, конюшни... И затравленные взгляды, исподтишка бросаемые на «немцев» местными обитателями. Чем ближе к Новгороду, тем становилось безлюднее, а тот народ, что встречался, казался Леониду каким-то пришибленным.

По обеим сторонам торгового тракта тут и там виднелись проплешины сожженных дотла деревень, во множестве белели в оврагах человеческие кости, чернели выбитыми окнами разграбленные и оскверненные храмы. Словно Мамай прошел! И имя этого «мамая» было хорошо известно. Собственный государь, Иоанн Васильевич Грозный с опричным своим войском прошелся по родной земле хуже всякого татарина. Выполняя волю царя, опричники жгли, грабили, убивали. Обвиненный в сепаратизме Новгород был уничтожен, Грозный царь не щадил никого. Принял мученическую смерть митрополит Филипп Колычев, взят под арест дьяк Иван Висковатый и казнен вместе со многими в июле этого же 1570 года на Поганой луже в Китай-городе, в Москве.

Всех этих казней Леонид, конечно, не видел – вовремя уехал, но как человек, интересовавшийся историей, прекрасно о них знал. Царь Иван обвинял новгородцев в сепаратизме, в верности вольностям старой республики, павшей под ударами его деда, Ивана Третьего. С тех

пор – около ста лет уже – все новгородские землевладельцы были высланы, а их земли заселены нищими московскими дворянами, преданными Ивану аки псы. И какие же это «сепаратистские настроения» или «воспоминания о былых вольностях», скажите на милость, могли быть у их потомков, во всем зависящих от государя? К тому же какая «крамола» в Торжке, в Твери, в Крыму? А их ведь Иван тоже не пощадил, уничтожил. Ах, Иван Васильевич, душегубец ты окаянный! Да уж... Лёня передернул плечами. Вот уж послал бог родственничка! А ведь так – скоро уже и свадьба на царской двоюродной племяннице... дочке казненного по приказу все того же царя князя. Только сначала надобно Ревель взять, он же – Таллин, он же – Колывань, он же – Линданисе...

Господи, какой, к чертям собачьим, Ревель? Бежать! Бежать скорее отсюда! В Москву, в Кремль, а там, бог даст...

Не-ет, не выйдет. Арцыбашев прекрасно понимал, что вот так вот – тайком – далеко не убежишь. Да и здесь за ним следили, присматривали – все те же авантюристы-опричники, Таубе и Крузе. Оба чем-то похожи, впрочем отнюдь не внешне. Таубе – упитанный блондин с вислыми усами и белесыми поросычьими глазками, Крузе – тощ, рыж и кареглаз. Похожи они были внутренне – оба алчные, жестокие, хитрые. И не сказать, чтоб очень умные, хитрость ведь это не ум.

Однако наверняка оба стучали царю, слали письма, уж на это-то ума хватало. Так что не убежишь. Вот если бы царь-государь сам к себе вызвал по какому-нибудь важному делу... Так ведь и вызовет. Осенью. На свадьбу! Только до этого еще Ревель... увы.

Кстати сказать, никаких обещанных войск Иван Васильевич своему будущему родственнику не дал, сказал, чтоб обходился по первости своими силами, а уж он потом, немного погодя, «людишек воинских подошлет преизрядно». Золота, правда, отсыпал уже сейчас – щедро. Дал двадцать пять бочонков, хватило выплатить кое-что сопровождавшим «ливонца» наемникам.

В начале августа 1570 года (дату Арцыбашев теперь уже знал точно) молодой ливонский король с небольшим отрядом вполне довольных недавно выплаченным жалованьем ландскнехтов торжественно вступил в Нарву. Сей небольшой городок изрядно поразил Леонида своей европейской сущностью и видом. Старинная крепость – как раз напротив Ивангородской, через реку Нарову – была украшена православными стягами, на узких улочках слышалась разноречьякая речь – немецкая, русская, датская, – а в порту покачивались у причалов многочисленные морские суда.

Лет десять назад, после взятия Нарвы, царь Иван Васильевич никакого разбоя и бесчестия над бюргерами-горожанами не чинил, а наоборот, осыпал их милостями: освободил от постоя войск, разрешил свободу веры (за несколько десятков лет до знаменитого Нантского эдикта короля Франции Генриха Четвертого), а также дозволил беспопышленно торговать по всей России. То есть проявил себя как весьма мудрый и лояльный к новым подданным государь. В раннешние-то времена Нарву сильно прижимал Ревель – постоянно пакостил и мешал развивать торговлю, так что под скипетром Иоанна Грозного город, можно сказать, расцвел.

Ко всему прочему царь Иван нанял по всей Европе опытных шкиперов, создавая собственный флот, как торговый, так и военный, сиречь откровенно пиратский, каперский, под командованием знаменитого датского капитана Карстена (Кристиана) Роде. Как раз шла очередная война между Данией и Швецией, и Роде пользовался покровительством датского короля Фредерика, старшего братца Магнуса Ливонского. Впрочем, война уже подходила к концу, и ни от Дании, ни от союзного Любека уже не было прежней поддержки... о чем с грустью поведал «его королевскому величеству» сам Карстен, встретившийся с Магнусом уже на следующий день после приезда последнего в Нарву.

Надо сказать, капитан – точнее, самого царя Иоанна Васильевича адмирал! – произвел на Арцыбашева самое благоприятное впечатление. Высокий, подтянутый, ладный, в англий-

ском камзоле с буфами и накрахмаленным воротником – брыжами, или гофрой. Точно такой же воротник – по устоявшейся моде – приходилось носить и самому Леониду, что причиняло молодому человеку немало хлопот – слишком уж неудобным был воротничок, постоянно натирал шею. Однако приходилось терпеть, что поделать – как обязательную принадлежность не только парадного, но и повседневно-делового костюма. Что-то типа галстука.

– Да, наш флот силен, – пощипывая бородку, с гордостью подчеркнул капер. – Его величество царь Иоанн, да хранит его Господь, не жалеет денег ни на корабли, ни на моряков, ни на опытных шкиперов. Однако корабли с экипажами – это лишь полдела. Нужны порты. И не одна Нарва! Да. Есть Копенгаген, Любек и прочие... пока есть. Но война со Швецией близится к концу... И я просто боюсь стать никому не нужным.

Арцыбашев светски улыбнулся и поднял бокал с белым рейнским вином:

– Не скажу за своего царственного брата Фредерика, но царю Ивану Васильевичу вы, капитан, будете нужны всегда! Война за Ливонию не закончена.

Карстен Роде был родом из датских немцев, по-немецки же, как издавна повелось в Ливонии, беседа и шла. Лишь иногда капитан переходил на датский... и тогда его высокородному собеседнику приходилось лишь вежливо кивать, ни черта не понимая. А ведь он же был датский принц! Как шекспировский Гамлет.

Потому беседа не затянулась долго, и планирование военно-морских действий самозванный король быстренько спихнул на своих помощников-стукачей – Таубе и Крузе. Чтоб под ногами не путались.

Магнус и его свита, состоявшая пока что из трех человек – юного слуги Петера, личного повара-фламандца и хитроватого эста-конюха, – расположились в самом роскошном особняке Нарвы, принадлежавшем богатому купцу Генриху Ротенбергу, ратману и выборному начальнику городской стражи. Герр Ротенберг владел пятью большими трехмачтовыми кораблями – коггами и еще десятком судов поменьше, вел обширную торговлю и потому был кровно заинтересован во всех привилегиях, пожалованных царем Иваном местному купечеству. Правда, в последнее время ратмана (как и всех ливонцев!) пугали различного рода слухи, доходившие из не столь уж и далекой России. Слухи, естественно, касались опричнины и всех творившихся в московском государстве ужасов, от которых каждому нормальному человеку, естественно, хотелось держаться подальше. И ливонцы здесь не были исключением, от всей души поддерживая не особенно-то легитимного государя – короля Магнуса Ливонского! Пусть будет Ливония, пусть будет вассальной от Московии, но – сама по себе, под властью приличного европейского принца, правящего по закону и соблюдающего все права бюргеров и всех ливонских городов, кои, вне всяких сомнений, скоро попадут под его руку.

Эти погожие летние дни, проведенные в европейско-русской Нарве, казались Лёне красивой волшебной сказкой. Переодевшись в простое платье – а кто б ему посмел запретить? – молодой человек частенько ошивался в порту, любовался парусниками, подставляя лицо солённому морскому ветру, заходил в таверны, выпивал кружечку темного пива или пару бокалов вина. Такая вот «средневековая» жизнь Арцыбашеву нравилась, тем более что сопровождал его один лишь слуга.

Еще Леониду нравились открытые и добродушные жители Нарвы, впрочем, не только бюргеры, но и простые мастеровые, и моряки. Среди тех и других хватало и русских – поморов, присланных Иваном Грозным для каперского флота Карстена Роде. Кроме того, было достаточно и вольных русских людей – артельщиков, каменщиков, плотников. Явились на заработки – работы в Нарве хватало. Царь, точнее местные бюргеры, думали расширять порт, строить новый волнолом и причалы.

С моря дул легкий бриз, трепал волосы, и сидевший на большом валуне Леонид с искренним интересом вглядывался в маневры заходящего в порт большого купеческого судна под желто-красным испанским флагом. Это, впрочем, отнюдь не означало того, что сей трехмач-

товый корабль был испанским, он вполне мог принадлежать и какому-нибудь голландскому купцу, ведь Нидерланды в те времена принадлежали Испании... и пытались обрести независимость. А Испания не давала и послала карательную экспедицию герцога Альбы. Инквизиция, католики, протестанты, испанцы, фламандцы, морские повстанцы – гезы... Та еще заварушка! Не хуже, чем здесь, в Ливонии.

– Как думаешь, чей это когг, Петер?

Мальчишка смешно наморщил нос:

– Не думаю, что это когг, майн герр... Ой! Ваше величество!

– Зови «майн герр», так короче, – великодушно разрешил король. – Так что ты думаешь?

– Я не думаю, ва... майн герр, я знаю! Это хольк «Быстрая колесница» из Антверпена.

Доброе судно, вот только я не помню, кто его капитан.

– А чем хольк отличается от когга? – живо поинтересовался любознательный Леонид.

Слуга шмыгнул носом:

– Ну, как же! Хольк гораздо поворотливее, у него составные мачты, и еще там есть штурвал, а не румпель, как у когга. Штурвал – это такое колесо...

– Знаю я, что такое штурвал, мальчик! А вон еще корабль. Чей там флаг?

– Кажется, французские лилии... О, нет! Англичанин!

Они любовались на корабли почти до вечера, а потом Арцыбашев решил зайти в таверну, перекусить. Конечно, можно было приятно поужинать и дома, у гостеприимного ратмана Генриха Ротенберга, более того, именно так псевдо-Магнус и собирался сделать, но... но сперва выпить пива в таверне. Экзотики ради – интересно ведь! И здорово, честное слово, здорово – не хуже, чем когда-то в рижском «Лидо».

Уселись на террасе – столы стояли прямо на мощеной улице, – откуда открывался великолепнейший вид на торговую гавань, залитую заходящим солнцем. Золотисто-оранжевые лучи его отражались на шпиле собора и в стеклах ратуши, играли на эфесах шпаг сидевших за соседним столом ландскнехтов в живописных камзолах, словно бы состоящих из одних только цветных ленточек. Наемники говорили между собой по-немецки, пили пиво и постоянно ругались, впрочем, ничуть не омрачая впечатление от чудесного летнего вечера.

Неспешно прогуливаясь по набережной, раскланивались меж собою семейные пары, вот прошел лютеранский священник в черном, а вот – православный батюшка с большим серебряным крестом на груди. Вот какие-то бродяги вдруг затеяли свару... немедленно прекращенную вмешательством городских стражников в надетых поверх желто-зеленых камзолов кирасах, в высоких испанских шлемах – морионах. У каждого алебарда, а на поясе – палаши в разноцветных ножнах.

– Пожалуйте, господа.

Толстяк-хозяин самолично принес посетителям пиво в больших деревянных кружках и, чуть погодя, вернулся с закусками – жареными в кислой капусте сардельками.

– Угощайтесь!

– Смотри, не упейся, – Арцыбашев с усмешкой предупредил слугу.

Надо сказать, что Петер, по его требованию, одевался теперь куда как изысканнее, нежели прежде. Как и положено королевскому слуге! Темно-зеленый камзол с брыжами, золоченый кинжал на поясе и бархатный голубой берет, украшенный петушиными перьями, не позволял никому принимать Петера за простолюдина. Потому все трактирщики сажали мальчишку за один стол с Леонидом и даже не предлагали покормить парня на кухне, как положено слугам. Хитрый Арцыбашев пользовался Петером как источником новых знаний о здешнем мире, ну и совершенствовал свой немецкий на местный ливонский манер.

– Ой, извините, любезнейший господин...

Проходившая мимо дама слегка задела «Магнуса» своим платьем, точнее говоря – юбкой, весьма широкой и сшитой из вполне добротной светло-зеленой ткани. Полупрозрачный, ниспадавший с плеч плащ позволял оценить стройную талию, а глубокий вырез на лифе – грудь.

– Не подскажете ли, любезнейший господин, пришел ли уже корабль из Антверпена?

Девушка – или молодая дама – похоже, вовсе не собиралась тут же уходить. Милое лицо, чуть припухлые губки, медно-рыжие, выбивающиеся из-под изящной шапочки-чепца локоны. И чудные зеленые глаза! И взгляд – самоуверенный, насмешливый.

– Вы имеете в виду «Быструю колесницу», моя госпожа? – галантно привстав, уточнил Леонид.

– Да-да, именно ее.

– Сей корабль только что вошел в гавань. Буквально только что, моя госпожа, я видел это собственными глазами.

– Ах, не знаю, как вас и благодарить... Меня зовут Катерина, кстати.

– А я Лео... Леон. Не выпьет ли с нами пива, столь прелестная госпожа?

Молодой человек пропал, и это сразу же понял, едва только наткнулся на эти зеленые очи! С другой стороны... почему бы и нет? Если эта рыженькая не против... Хотя... как тут принято-то?

– О, нет, нет, любезнейший господин, – Катерина негромко рассмеялась. – Невместно молодой девушке пить с незнакомцами на людях. Здесь, в таверне, есть покои... там и выпьем. Если, конечно, хотите.

– Очень хочу. Очень!

– Тогда чуть погодя идите за мной. Спросите у хозяина Катерину.

Провожая девчонку взглядом – ах, какие бедра, какая стать! – Леонид облизнулся, словно кот на сметану, и, скосив глаза на слугу, спросил:

– Ну, как?

– Не думал, что вам нравятся портовые шлюхи, майн герр, – обескуражил тот. – Хотя эта вроде бы ничего, красивая и довольно юна.

– «Довольно юна!» – скривясь, передразнил король. – Сиди уж, умник.

– Прикажете навести о ней справки? Узнать, не больна ли чем. Знаете, майн герр, как-то в Ревеле...

– Справки? – озадаченно почесав затылок, Арцыбашев махнул рукой. – А пожалуй. Только тотчас же!

– Живенько метнусь, майн герр! – вскочив, заверил слуга. – И пиво допить не успеете.

Ушлый мальчишка не обманул, спроворил порученное дело быстро – и пяти минут не прошло, как вернулся довольный.

– До аптеки сбегал, майн герр, и к цирюльнику. Еще у слуг местных спросил. Рыжую Катерину они знают. Здорова, как бык. Недавно здесь объявилась, болезней не успела еще нахватать.

Молодой человек азартно потер руки:

– Ну и ладненько! Жди меня здесь, мой верный Петер.

– Яволь, майн герр!

Спросив у толстяка-хозяина о Катерине, «Магнус» поднялся по узкой лестнице наверх, на третий этаж, оказавшись сразу в трех, анфиладой переходящих одна в другую, комнатах, в каждой из которых стояла кровать с поднятым балдахином. На дальней кровати, у распахнутого окна, сидела Катерина. Уже без чепца, с медными, рассыпанными по плечам волосами.

А она молода, очень молода...

– Сколько же вам лет, прелестное дитя?

Девчонка расхохоталась и пожала плечами:

– Кто считал мои года, господин? Может быть, шестнадцать, а может, и все двадцать. Я не знаю. Я родилась не здесь... А потом война и... Жизнь закружила. Вы не подумайте, господин, я не жалуясь. Мне сейчас гораздо лучше, чем прежде. Так что будем пить? Вино или пиво?

– Вы сами-то – что?

– Я бы предпочла вино, – Катерина хитро прищурилась. – И уже заказала. Сейчас принесут. Ага!

Снизу, с лестницы, послышался стук в дверь.

Девушка повысила голос:

– Входи, Ян!

Вошедший белобрысый парень – слуга – поставил на небольшой столик серебряный кувшин и бокалы синего тонкого стекла. Поставил, молча поклонился, ушел.

– Хороший парень, – вздохнула Катерина. – Русские сожгли всю его семью.

– Русские?

– Ну, татары... Впрочем, не будем о грустном. Садитесь сюда. Выпьем.

Волнуясь, Леонид присел на край ложа. Протянув наполненный золотистым вином бокал, девушка подвинулась ближе, прижалась горячим бедром.

– За наше знакомство, Леон!

– За знакомство...

– Нынче жаркое лето...

Упал на пол жилет. Белая кружевная сорочка скользнула с плеча... обнажив грудь почти до соска. Лёня поцеловал прелестнице шею... погладил плечо, поласкал пальцами грудь... чувствуя, как твердеет, наливаясь соком, изысканный сосочек... а потом накрыл его губами, потерял язык, вызывая сладострастный стон и тихий шепот:

– Двадцать крейцеров...

Однако цены!

– Хорошо, милая... Катя... Катя...

Оторвавшись от лобзаний, Катерина сбросила юбку и медленно стянула через голову сорочку, давая возможность любовнику (а лучше сказать, клиенту) любоваться юным, великолепно сложенным телом: узкой – обхватить руками! – талией, крепкой налитой грудью, изысканной линией бедер, томительно-волнующей ямочкой пупка. Поспешно сбросив одежду, Леонид опустился на колени, обхватил руками ягодицы и бедра девчонки и принялся страстно целовать пупок, постепенно спускаясь к лону. Девушка выгнулась, застонала, закатывая глаза...

Осторожно опустив ее на кровать, молодой человек лег сверху, прижимаясь к чудесному, восхитительно упругому телу, полному притяжения неизбывной юности и неги. Упругие сосочки уперлись Леониду в грудь, горячие бедра раздвинулись, обхватили стан... кровать заскрипела... из пухлых, приоткрытых девичьих губ вновь вырвался стон... стоны...

Как только Леонид наконец расслабленно откинулся на ложе, в дверь сильно стукнули. Такое впечатление – сапогом!

– Открывай! – послышался грубый голос. – Эта моя девка! Моя!

Засов на двери оказался слабеньким и скоро не выдержал напора. «Магнус» едва успел одеться и схватить непременно принадлежность дворянского костюма – шпагу, как в комнаты, размахивая устрашающей величины палашом, ворвался дюжий молодец лет двадцати пяти с круглым, поросшим темной щетиной лицом, и с бешеным взглядом оскорбленной невинности.

– Ай! – взвизгнув, голая жрица любви поспешно прикрылась сшитым из разноцветных лоскутков одеялом.

– Ага! Попались!!! А ну, защищайся!

Парень был одет как наемник, в то неописуемо живописное разноцветное рубище – сплошь в разрезах и лентах – кои ландскнехты всей Европы почитали и за рабочий, и за парадный костюм, не слишком гонясь за модой, а иногда и сами эту моду определяя.

Шпага у Лёни, конечно, имелась... Только вот владеть ею он пока так и не сподобился научиться. Хотя мысль такая была. Только вот все как-то не до того было. А молодой наемник выглядел весьма угрожающе и, похоже, намеревался взяться за «короля» всерьез. И что было делать?

– А ты славный парень! – с громким хохотом Арцыбашев бросил шпагу в угол и живенько наполнил опустевшие бокалы вином. – Выпьем доброго рейнского – не пропадать же добру? Выпьем, а уж потом возьмемся за наши дела.

Удивить! Нападавшего надо было удивить, поразить чем-то, оглушить, словно на бойне быка. Непонятное, оно не всегда пугает, но всегда настораживает. Парень – ландскнехт, не столь уж и юный, а значит, не дурак. Дураки в наемниках долго не жили, гибли в первых же боях...

Ну да... не дурак! Оба не дураки. И эта рыжая Катя – та еще... Именно на нее ландскнехт и бросил быстрый удивленный взгляд. Словно бы требовал объяснить – а что, собственно, происходит? И этого перехваченного взгляда, точнее взглядов, коими проворно обменялись мужчина и девушка, Арцыбашеву вполне хватило, чтобы сообразить, что к чему. Эти двое были знакомы. Однозначно! Ай да Катерина... Решили, значит, лошка развести?

– Катя, не принесешь ли нам третий бокал? – закинув ногу на ногу, светски ухмыльнулся Лёня.

Господи, как же ему хотелось в этот момент закурить, как хотелось! Увы...

– А мы пока потолкуем. Денег я вам дам, не беспокойтесь. А тебе, парень, предложу хорошую службу, весьма доходную. Если ты, правда, и впрямь такой злой рубака, каким кажешься. Кстати, как твое имя, незнакомец?

Наемник растерянно моргнул:

– Э-э... Альфонс.

– Хо! Альфонс! Ну, надо же, – от души рассмеялся Леонид.

– Альфонс ван дер Гроот из...

– Меня не интересует, откуда ты, – краем глаза глядя на быстро одевающуюся Катерину, Арцыбашев протянул парню бокал. – Вижу – ты бодрый малый и настоящий солдат. Жалованье в шесть талеров тебя устроит? Ну, и, конечно, по обычаю, часть воинской добычи – твоя.

– Шесть талеров? – парочка вновь переглянулась.

«Магнус» хмыкнул:

– Ну, хорошо – семь!

Вообще-то везде в Европе наемникам платили от трех до пяти талеров в месяц, но ведь нужно же было как-то отделаться от этого настырного визитера? Тем более полученные от царя Ивана Васильевича бочонки с золотом вполне позволяли немного пошиковать.

– Ну, так как? Согласен?

Альфонс ухмыльнулся. Ударили по рукам. Выпили. Одевшаяся Катерина быстренько сбегала за вином...

В особняк любезного ратмана Ротенберга «его королевское величество» явился изрядно подшофе, однако еще и отужинал, и выпил, и даже попел с хозяином песен, после чего отправился спать, не забыв наказать слуге поискать в Нарве лучшего учителя фехтования... ежели таковой в сем небольшом городке имелся.

* * *

Таковой имелся! И звали его Анри де Труайя, впрочем, на истинного француза он походил мало. Широкий в плечах, силен, крепок, из тех, про кого говорят «ладно скроен да крепко сбит». Круглое лицо живое, умное, с небольшой светло-русой бородой и усами. Волосы – такие же светло-русые, длинные и густые – вольно разбегались по плечам, что в те времена было признаком скорее простолюдина или солдата, нежели человека благородных кровей, обязанного во всем следовать «высокой» испанской моде. С накрахмаленным жерновом-воротником длинные патлы не очень-то поносишь, неудобно – вот и стриглись господа дворяне, можно сказать, под горшок. Впрочем, ландскнехты не особенно такой воротник жаловали, больно уж неудобен.

Сговорились по талеру за занятие, а заниматься решили три раза в неделю, из чего выходило дюжина талеров в месяц, что раза в три превышало обычно жалованье наемника, так что месяце Труайя мог быть вполне доволен. Только вот – месяце ли? Имелись, имелись у Лёни большие сомнения насчет национальности своего учителя, в речи которого то и дело проскальзывали русские фразы, и чаще всего – ругательные.

– Вот так, вот так, кругом... Ах ты ж, черт худой! Ой, извините, ваше величество... Станьте вот так, прямо, а не боком. Кто вас, черт побери, научил боком стоять? Где-где? В Ки-но видели? Не знаю, что это за город. Итальянский, верно. Может быть, там, в этом Ки-но и привыкли стоять вот так, раскорякой, но мы-то с вами должны и левую руку использовать. Кинжал-то, дага, вам для чего? Не забываем про него, не забываем... Подставляем под мой удар... Да, можно и шпагой парировать... Но лучше кинжалом – ежели сломается, не так жаль.

Шпага оказалась весьма увесиста, с узорчатой гардой и достаточно массивным клинком, коим можно было не только колоть, но и рубить. О чем постоянно напоминал фехтовальщик.

– А вот здесь – с плеча... с плеча бы! Вообще, ваше величество, представьте, будто у вас под ногами – вписанный в квадрат круг. Круг – это выпад вашей шпаги, квадрат – ваши шаги. Не стойте на месте, все время двигайтесь, но старайтесь не выходить из воображаемого квадрата и круга – рискуете не достать врага, даже если к тому представится случай... Моя атака... Отбив... Дагой, дагой, не шпагой! Ага, вот так... Вот здесь еще можно, уловив вражеский клинок, быстро повернуть гарду, захватить его... вот так, да. При удаче получится и сломать! А ну-ка, еще раз попробуйте...

Пот лил с Леонида в три ручья. Не таким простым делом оказалось это фехтование, хотя с виду казалось – просто скачут, танцуют учитель и ученик, выписывая элегантные па. И сверкающие клинки в их руках невесомо этак порхают, прямо как птички в небе. Ага! Невесомо, как же.

К концу занятия – а длилось оно от силы минут сорок – у Арцыбашева уже отваливались руки, да и вообще было такое чувство, будто он только что пробежал километров десять, да еще и на указательном пальце успел мозоль натереть.

– Ничего, ваше величество, – вытирая покрасневшее лицо поданным расторопным слугой полотенцем, утешил Анри. – Хоть фехтовать вас до меня учил, извините, неуч, однако человек вы от природы ловкий, так что все у вас выйдет. Ежели себя щадить не будете!

– Вина? – оглянувшись, «король» щелкнул пальцами. – Петер, живо!

Отвесив почтительно-вежливый поклон, фехтовальщик потупился:

– Не знаю даже, ваше величество. По чести ли мне...

– По чести, по чести! – похлопав мастера по плечу, рассмеялся Лёня. – Я ж тебя не за обеденный стол приглашаю... просто вот здесь, во дворе, посидим, утолим жажду.

Задний двор купца Ротенберга был достаточно узок и вообще невелик, однако для занятий его вполне хватало. Тем более – подальше от любопытных глаз.

Петер сноровисто притащил из дому маленький резной столик и два стула, поставил все это под старую вербу, разлил по бокалам вино.

– Вот что, Анри... – сделав пару глотков, Арцыбашев глянул на своего учителя с хитроватым прищуром. – Вы мне кажетесь человеком опытным... Опытным для того, чтобы помочь мне в одном очень важном деле.

– Готов выполнить любой ваш приказ, сир! – вскочив, снова поклонился месье Труайя.

– Мне срочно требуются люди, умелые воины, из тех, кого именуют злыми рубаками... Ну, ты понимаешь, Анри.

– Вы говорите о ландскнехтах, ваше величество?

– Да, о них, – «король» поставил бокал, и сорванный ветром листик вербы медленно опустился в недопитое вино. – Но не обо всех. Мне не нужен тупой и вечно пьяный сброд – его с избытком набирают мои помощнички, Таубе и Кру... впрочем, неважно, кто. Нужны люди умелые, исполнительные и... с определенными принципами. То есть те, которым я мог бы доверять. Да ты садись, не стой уже!

– И среди наемников есть люди чести, государь, – с большим достоинством ответил мастер. – Надо лишь поискать.

– Вот и поищи, дорогой Анри, – Леонид вытащил упавший в бокал лист. – Считаю это моим официальным заданием.

– Понял, ваше величество. Сделаю все!

* * *

Ветреным, но солнечным днем 21 августа 1570 года набранное «ливонским королем» на деньги русского царя войско в количестве одной тысячи человек с великой помпой подошло к Ревелю. Реяли над головами воинов зелено-желтые ливонские флаги, покачивались перья на высоких шлемах, в кирасах отражалось солнце. Дующий с моря ветер играл белыми барашками волн, вдалеке, на рейде, стояли два торговых судна.

– Шведы, – угрюмо покачал головой месье Труайя. – Видать, плохи дела у нашего Карстена, коль вот, пожаловали. Если будут привозить продовольствие из Стокгольма, ревельцы вряд ли сдадутся.

Леонид и сам это все понимал, даже куда лучше, чем прочие. Знал из истории, что Ревель никто сейчас не возьмет – ни поляки, ни русские. Так он и останется шведским вплоть до самого Петра. Да и не хотел он штурмовать мощные стены будущей эстонской столицы, не хотел проливать кровь – ни своих ратников, ни горожан – не хотел и не собирался.

Ревель в те времена считался довольно большим городом, насчитывал около восьми тысяч жителей, из которых подавляющее большинство составляли немцы. Если отбросить женщин и детей, то осажденные могли выставить на стены около трех тысяч ратников – против тысячи ливонского «короля», так что тупой штурм был бы настоящим безумием, тем более что «Магнус» не позаботился о достаточном количестве мощных пушек. Вернее, не хотел об этом заботиться... и вообще не собирался всерьез воевать. Просто вынужден был, действуя отнюдь не по своей воле.

Тысяча человек, из которых двести – те, кому Арцыбашев мог более-менее доверять, и еще восемьсот – разный, со всей Европы, сброд, «дикие гуси», наемники, промышлявшие любой войнушкой. Немцы, голландцы, датчане, французы, литовцы, русские, даже португальцы – кого там только не было! Даже эсты с латышами-галами попадались!

За ливонским войском тянулся обширный обоз: запряженные волами и лошадьми телеги: возки торговцев-маркитантов да кибитки с женами и служанками ландскнехтов, со всем их добром.

Весть о том, что никакого штурма не будет, разнеслась быстро, вызвав у наемников самую искреннюю радость: тупо подставлять свою башку, даже за три талера в месяц – приятного мало. Чего ж хорошего в том, чтобы лезть по лестнице на высокую стену, с которой постоянно стреляют, кидают тебе на голову всякую дрянь, типа увесистых камней, льют кипяток и все такое прочее? Нет уж, куда лучше осада! Это и неспешно, и весело. Отстоял свое в карауле-заставе, потом можно и расслабиться у костра – с женщинами, вином и песнями.

Осаду ландскнехты организовали довольно быстро, почти без всякого участия своего титулованного предводителя – тот только успевал доклады выслушивать. На всех дорогах, у всех ворот выставили усиленные посты с пушками, все чин-чинарем – насыпав земляные редуты, где возможно, укрепленные серыми, притащенными со взморья валунами. Часть караулов вытянули, растянули цепью прямо вдоль стен – не такой уж большой и город! Прятались ратники по кусточкам, сидели в высокой траве, спать не спали, отрабатывая жалованье, службу несли зорко, тем более и служба-то не бей лежачего! Не на стены ведь лезть, не поставлять лоб под пули – просто сиди да высматривай, чтоб, не дай бог, отряд вражеский из-за ворот не выскочил да не попытался прорваться... Хотя зачем осажденным прорываться-то? Что они, дураки? Когда шведские корабли по морю все, что для жизни надо, подвозят?

Эх, Карстен, Карстен, где ж твои каперы, славный адмирал-капитан Роде?

Поправив на голове высокий испанский шлем – морион, Арцыбашев тронул поводья смиренного своего конька да в окружении свиты неспешно поехал к восточным воротам – уговаривать осажденных сдаться. Так было положено по правилам игры. Помаячить на безопасном расстоянии, чтоб все (и свои, и чужие) видели – король не спит, король всегда на своем посту, об осаде денно и нощно думает.

Сказать по правде, Арцыбашев сейчас сам себе нравился. Видели бы девчонки! Один конь да иззолоченная – подарок царя Ивана – упряжь чего стоят. А еще черненый, с серебром панцирь толедской работы, тот же украшенный затейливой чеканкою морион, зеленый шелковый плащ с золотым шитьем! Перчатки, алая перевязь через плечо, на поясе – кинжал и шпага, на ногах – мягкие сапоги со шпорами. Ну, истинный король, как из карточной колоды – кто б сомневался!

Еще и свита. Немцы – авантюристы-опричники Таубе и Крузе, да верный слуга Петер в небесно-голубой, щедро расшитой серебряной нитью накидке и шапочке с зеленовато-синим фазаньим пером. Рядом с ним, в сверкающих латах и с алебардой, новоявленный оруженосец – белобрысый здоровяк, разорившийся нидерландский дворянин Альфонс ван дер Гроот. Тут же и фехтовальщик Анри де Труайя в начищенной серебристой кирасе, в круглой, чуть вытянутой кверху, каске с гребнем, называемой кабассет, с небольшим – всего-то метр двадцать длиной – ружьем-аркебузой в руках. Легонькое такое ружьишко, весу в нем всего-то килограмма четыре, это вам не мушкет – с полпуда! Поди потаскай. Зато пуля у мушкета – полста граммов, да и ствол – почти полтора метра, одним выстрелом борт корабельный проломит, прошибет напрочь! Аркебуза, конечно, не то... зато легкая. А у француза – еще и с колесцовым замком. Вместо фитиля тлеющего колесико с пружинкой искру гранями острыми из время вышибает – отсюда и выстрел. Хитрое немецких мастеров изобретение, весьма дорогое. Фитильный-то замок куда дешевле, да и в случае чего куда легче чинить. Колесико-то почини, попробуй – тут часовых дел мастер нужен, не простой кузнец! К тому же и ствол в аркебузе местье Труайя не простой, а особый – изнутри с нарезками. Оттого и заряжается ружьецо долго, супротив обычного вдвое-втрое, зато при выстреле пуля закручивается, летит ровно – метко бить можно, в одиночную цель попадать, чего из мушкета решительно невозможно никак. Только залпом! Зато пара залпов, бывало, целое сражение решали.

Между тем на стене близ восточных ворот уже стопились ревелыцы. Не только ратники, но и, судя по разноцветным беретам и шляпам, простые бюргеры, даже женщины были, мальчишки. Любопытствовали – а что это за принц такой, ливонский? Говорят, датского короля

Фредерика братец младший, от московского царя Иоанна титул королевский получивший. А имеет ли право москвит титулы королевские раздавать? Тоже еще – «король»! Сидел бы на своем Эзеле-острове, коров за хвосты дергал. Ну, скучновато, да. Зато безопасно – и для короны, и для собственной дурной башки. Так нет же, взалкал, выдумал! С кровавым москвитом связался. Что тут воины Иоанна творили – жутко даже и вспомнить. Да и сейчас творят. Татары, да. Так что же ревельцам, под жестокую руку Иоанна идти? Чтоб он их потом – плетью? А это вот Магнус, принц датский... какой-то он король-то – сомнительный. Нет, можно, конечно, и к нему... но лучше – к шведам. Те уж понятны, тем более единоверцы, лютеране...

Выехав на невысокий холм, «Магнус» придержал коня, остановился. Оглянулся. Поднял руку... Браво ухнули барабаны. Запели, сверкая серебром, трубы.

Опустил король руку. В момент стихло все...

– Доблестные жители Ревеля! – откашлявшись, выкрикнул Леонид. – От своего имени и от имени царя Ивана Василевича предлагаю вам сдаться! Условия...

Не дослушали ревельцы. Да, верно, и не слышно было – ветер все слова относил. Закричали, заулюлюкали, кто-то на стене задницу голую показал. Месье Труайя, шепотом разрешение королевское испросив, вмиг аркебузу свою винтовальную вскинул, выстрелил... Не попал, конечно же – расстояние-то. Тут и все прочие палить начали с таким же результатами. Зато громко, весело, с неподдельным энтузиазмом и самой искренней руганью – война так война!

Откуда вдруг взялись пленные, Леонид интересовался не шибко. То ли осажденные все же выслали отряд, пытаясь прорваться за ворота по каким-то своим надобностям, то ли просто взяли рыбаков, не туда заплывших, то ли еще что – может быть, даже и лазутчиков захватили. Побили, конечно, малость, пограбили, как водится, обобрали до нитки, а уж потом представили пред светлые королевские очи.

– Признают, ваше величество, что пробрались в наши пределы с враждебными целями, – кивнув на троих мужчин, бодро отрапортовал Альфонс. – Велите их повесить... или головы рубить?

Королевский бивуак был разбит километрах в трех от Ревеля, в какой-то недавно захваченной мызе с просторным двором, деревянным, на каменной обширной подклети домом и многочисленными сарайчиками да амбарами. При одной только вести о приближении московско-ливонского войска хозяева мызы бежали, прихватив с собой все более-менее ценное. Остальное прибрали к рукам слуги да местные крестьяне эсты, вскоре явившиеся к Арцыбашеву засвидетельствовать свое почтение и уважение. Брать с них было даже наемникам нечего – эстонские земледельцы и так пребывали в крайней бедности и нужде, так что опасаться им было нечего. Как в древнем советском фильме: «Красные придут – грабят, белые придут – грабят»... Единственное, крестьяне попросили не жечь поля. Что им и было обещано поистине с королевской щедростью, так что слава о «добром короле Магнусе» уже пошла гулять по всем окрестностям, что немало способствовало пополнению ливонского войска охочими людьми.

– Так, ваше величество... все же головы отрубить? Или повесить?

– Не знаю, – вздохнув, Леонид устало махнул рукой. – Как у вас принято?

Здоровяк улыбнулся:

– Тогда уж лучше повесить. Проще. Головы рубить – тут палач бы опытнее нужен, а у нас такого нет.

– Повесить? Головы рубить?! – в неожиданной ярости вскинулся «Магнус». – А может, еще проще будет их отпустить на все четыре стороны?

– Можно и отпустить, ваше величество, – здоровяк равнодушно кивнул. – Под честное слово. Чтоб не воевали с нами никогда.

– Слыхали? – Арцыбашев сурово посмотрел на пленных. – Даете слово?

– Даем, господин король! Богом-Христом клянемся!

Двое пленников поспешно бросились на колени. А вот третий – нет! Как стоял, так и остался стоять, лишь посматривал нагло. Высокий, чуть сутулый, с длинными спутанными космами и бритым лицом. Дворянин, судя по остаткам одежды. Или просто бюргер.

– А ты что ж? – удивленно хмыкнул Леонид. – Предпочитаешь повешение?

– Я дал слово магистрату, – сутулый нахмурился. – Обещал воевать с вами до конца.

Король покачал головой:

– Ну, обещал так обещал... Этих двоих увести да выгнать. А с тобой... – он вновь повернулся к пленному. – С тобой... Ты что же, лучше других себя считаешь? Лучше своих товарищей?

– Они простолюдины, а я – рыцарь! – спокойно сказал избитый. – Негоже рыцарю не держать данное слово.

– Даже данное простолюдинам-бюргерам? – Арцыбашев издевательски хмыкнул. – Ну-ну.

– Просто это мое слово, – неожиданно улыбнулся пленник. – И дал я его не только ревельскому рату, но и племяннику короля Швеции!

Ох, как не хотелось Леониду ни вешать, ни рубить головы! Но этот упрямец сам лез в петлю. И отпускать его просто так, не взяв клятвы, было нельзя – свои бы не поняли. Что ж... Хотя...

– Заприте его пока в сарай, – подумав, распорядился «Магнус». – Впроголодь не держите, кормите. Вдруг да пригодится на кого-нибудь обменять? Эй, рыцарь! Имя свое скажешь?

– Гаспар фон Эйден, герр король! Из рода тех самых Эйденов, что когда-то в Святой земле...

– Ладно, ладно, – властитель Ливонии махнул рукой. – В сарай его. А нам всем пора бы и поужинать. Вечер уже.

Вот тут все повеселели – и Альфонс, и юный слуга Петер, и месье Труайя. И даже угрюмившиеся в углу стукачи-немцы – Крузе и Таубе. Пировать привыкли почти каждый день, чего уж. Король не отказывал себе ни в чем – слава богу, выданных царем денег пока что хватало с избытком. Ну, может, на пушки не хватало... но уж на вино!..

А пленник пригодился совсем скоро. Как-то ранним утречком, уже ближе к концу августа, осажденные все же решились на вылазку. В полях близ Ревеля стоял густой туман, и пробравшийся по оврагам отряд подобрался почти к самой королевской ставке! Пока не обнаружили да не подняли шум, врагам даже удалось выкрасть самого королевского оруженосца – Альфонса ван дер Гроота. Коего и обменяли на плененного ранее рыцаря.

Договариваться об обмене ездил сам король, и на этот раз над ним со стен не издевались и ничего обидного не кричали, наоборот, представители городского Совета – рата – выехали навстречу со всем надлежащим к коронованной особе почтением, по мнению самого Леонида, более уместным где-нибудь в ратуше, нежели на поле брани.

Обмен состоялся. И авторитет ливонского короля резко повысился даже в глазах осажденных, а уж о всех других прочих и говорить нечего. У Ревеля хватало врагов – купцы-конкуренты, обиженные крестьяне, датчане, поляки, литовцы, русские... Многие являлись к его королевскому величеству целыми отрядами с нижайшей просьбой принять в войско. Вернее, отдаться под милостивейшую королевскую руку.

Народ прибывал. Осада велась ни шатко, ни валко. Никто друг другу особо не досаждал – ни ревельцы ливонцам, ни ливонцы ревельцам. Многие – очень многие – поняли, что с новым, пусть даже не совсем законным королем вполне можно иметь дело. Вот только сильно страшил московитский царь, о кровавых проделках которого гуляли слухи по всей Ливонии.

Так вот и шло время уже к осени. Данные царем деньги таяли...

* * *

Лишь только глубокой осенью, точнее в середине октября, когда ударили первые заморозки да потянулись в далекие края последние перелетные птицы, явилось под Ревель обещанное царем Иваном войско. Состояло оно из двух частей – дворянского (земского) ополчения, во главе с хитрющим боярином Иваном Петровичем Хироном-Яковлевым, и опричников, коими командовал Василий Иванович Умной-Колычев, окольный и приближенный к самому царю человек. Друг друга господа командиры, мягко говоря, не жаловали, войска привели около четырех с половиной тысяч плюс пушки, и тот час же потребовали от осажденных немедленно сдать город, в противном случае угрожая самыми страшными карами. Естественно, ревельские бюргеры не согласились.

Оба воеводы штурмовать город не стали, а так, постреляли немножко из небольших пушек да принялись подвергать самому разнузданному грабежу всю округу. Сам ливонский король при сем не присутствовал. Будучи отъехавшим в недавно пожалованный Иваном Васильевичем город Оберпален, располагавшийся в трех-четыре днях пути от Ревеля – смотря как ехать. Впрочем, город – это сильно сказано. Среди пожухлых лугов и рощиц, над неширокой речушкой Пылтсамаа вознеслись к небу угрюмые квадратные башни рыцарского замка, сложенные из светло-серого камня еще в самом начале тринадцатого века. Квадратные башни, квадратные зубцы на стенах, колокольня единственной церкви, вокруг которой – главная площадь селения: несколько лавок, три каменных дома и пустующая виселица с уныло сидящими на ней воронами. И вот это все – столица славного Ливонского королевства. М-да-а-а...

Впрочем, Арцыбашев и не думал здесь царствовать – пробраться бы поскорее в Москву, воспользовавшись первым же удобным случаем, а там... Ну, найдется же вход, вернее выход! Должен же найтись, обязательно должен. Вернуться б поскорее в родное свое время... Да черт с ним – на худой конец, для начала подошел бы и восемьдесят первый год, все ж двадцатый век – не шестнадцатый!

Шестнадцатый... Глянув в узкое окно замка, Леонид уныло поежился и повел плечом. На улице шел дождь, молотил вот уже третий день подряд, нескончаемо и нудно. Крупные капли стучали по крыше, и сырость проникала всюду – не помогал и постоянно топившийся камин.

Одно было хорошо – скоро вечер, и можно будет немного расслабиться: посидеть за столом, выпить, поиграть в карты с придворными, кои и у Магнуса Ливонского, как у всякого уважающего себя короля, имелись. Вчера, вон, играли на желание – и оруженосец Альфонс орал под столом благим матом, изображая осла... или коня... или еще какое-то животное. В общем, развлекались, как могли, и что там с осадой Ревеля, лично Арцыбашева не интересовало нисколько. Тем более ныне и воеводы имеются, аж целых два – лично царем присланные. Вот пусть они и воюют.

– Сдавай, Петер, – бросив колоду на стол, Леонид вытянул ноги к огню и, взяв двумя руками серебряный бокал с сунутыми в вино нагретыми золотыми палочками, блаженно отхлебнул теплое вино, этакий глинтвейн с перцем, корицей и сахаром. Да! Глинтвейн и есть. Вкусно.

Играли, как и вчера, вчетвером, в «кинга» (оказывается, старинная игра, здесь ее все знали!). Король, слуга Петер, оруженосец Альфонс и фехтовальщик Труайя, с некоторых пор исполнявший при королевской особе обязанности адъютанта – вот, собственно, и весь «двор», если не считать отсутствующих всю последнюю неделю немцев-опричников, верно предававшихся грабежу вместе со своими вновь прибывшими «коллегами». Ливония была богатой землей... когда-то...

– Ну, ходи, чего спишь-то? Твое слово, – поставив бокал на стол, Арцыбашев снова глянул в окно и прислушался. По коридору явно кто-то шел – гулкие шаги были хорошо слышны здесь, в освещенном свечами и факелами зале.

– К вам женщина, ваше величество, – войдя, доложил стражник в кожаном потертом колете и с алебардой. – Сказала, что зовут ее Мария. Мария из Эстергольма. Похоже, ее сильно обидели. Пришла жаловаться.

– Эстергольм? – задумчиво повторил король. – Интересно, где это?

– Хутор где-то около Пайде, ваш-величество! – страж громыхнул алебардой. – Там леса кругом. Хутора богатые.

– Богатые, говоришь? Ну, так пусть женщина-то войдет, да что там с ней случилось – сама и расскажет. Петер! Стул даме принеси... или скамейку.

Вошедшей не было еще и двадцати. В грязном белом платье, с волчьим кожаном на плечах. Темные спутанные волосы падали прямо на глаза. Бледное мокрое лицо, мокрые щеки... Мокрые – от дождя? Или – от слез? От слез, скорее...

– Ваше величество... Ваше... – рыдая, девушка упала на колени, вытянув к королю руки. – Умоляю, помогите мне, ради всего святого, умоляю...

Почувствовав себя неловко, Леонид бросил карты и выпроводил всех, кроме Труайя.

– Престаньте плакать. И садитесь на стул, милая...

– Помогите...

– Да садитесь же! Слушаю вас внимательно. Излагайте просьбу. И по возможности – внятно, без слез.

– Там, там... там эти ужасные всадники в черных кафтанах... русские или татары... Они... они пытаются моего брата, мою сестру... Убили отца, слуг... Они... Только вы, мой король, можете остановить их! Прошу, поедem же... Прошу...

Повалившись на пол, просительница задержалась в рыданиях. Волчий кожан сполз с ее плеч, обнажив платье, порванное ударом кнута.

Кто бы знал, как не хотелось Леониду впутываться «в местные разборки», однако чувствовать себя истинным подлецом, пожалуй, было бы выше его сил. Не помочь сейчас этой напуганной до смерти девчонке... Что ж, придется послать отряд в этот, как его... Эстергольм. Хотя нет. Отрядом не отделаешься – кто будет слушать ландскнехтов? Нужно прибыть самому, вот тогда послушают – все же он Магнус Ливонский, король и доверенное лицо самого государя, с которым шутки шутить себе дороже выйдет!

Вечерело уже, с затянутого серыми облаками неба сыпалась мелкая мокрая труха, не сказать чтоб дождь, а так – противная промозглая морось. Девчонка – звали ее Марта – оказалась умелой наездницей, как, впрочем, и все местные дворяне, даже самые нищие. Она ехала впереди, указывая путь, следом скакал Леонид, уже более-менее приспособившийся к верховой езде, за ним – отряд набранных Анри Труайя ландскнехтов и свита, кроме повара и слуги Петера.

Размокшая дорога поблескивала ручьями и лужами. Чавкая, летела из-под копыт вязкая коричневатая грязь. Дрожали на зарослях росшей вдоль дороги вербы последние, еще не облетевшие листья, уже не празднично-радостные – желто-золотисто-красные, а пожухлые, бурые, предвестники скорой зимы.

– Туда! – придержав лошадь на лесной опушке, обернулась Марта.

Всадники свернули в лес, густой, смешанный, темный, так что почти ничего стало не разглядеть. Острые верхушки елей царапали низкое небо, словно бы собирались проткнуть его насквозь, и тогда, верно, хлынул бы из прорех настоящий ливень. Под копытами коней хрустели сучья, и ветви деревьев нахально лезли в глаза, хватали всадников за руки, пытаясь сбросить, стащить с лошадей в вязкую, усеянную попавшими листьями, грязь.

Было не столь уж и холодно – градусов, может, десять, а то и двенадцать, тепла, но Арцыбашев все равно ежился, не столько от промозглой сырости, сколько от этой вот безрадостной картины почти непроходимой лесной чащи, урочищ, кои проходилось объезжать.

Где-то впереди, за деревьями, вдруг послышались крики. В вечерней фиолетовой мгле замаячили оранжевые сполохи факелов, резко запахло дымом – видать, кто-то что-то жег, или, скорее, поджег, вот прямо сейчас, только что.

– Эстергольм, – девчонка придержала коня, обернулась с мольбою. – Туда... Прошу вас, мой государь!

Поправив на голове шлем, Леонид спокойно кивнул:

– Едем.

Всадники подогнали лошадей, узенькая лесная дорожка вскоре расширилась, выводя отряд к мызе. Добротный бревенчатый дом на каменной подлети, приземистые амбары... высокий частокол с разбитыми в щепки воротами – как видно, шарахнули из пушки. Совсем рядом с мызой, на пожне, горели соломенные скирды, заботливо укрытые от дождей рогожками. Подожгли их то ли для устрашения, то ли для освещения – бог весть. Неровные желтоватые сполохи выхватывали из темноты валявшиеся у самых ворот трупы с раскроенными головами. Судя по неказистой одежде – работники, слуги.

Внутри, за воротами, бегали фигуры в длинных черных кафтанах и залихватски сдвинутых на затылок шапках. На ком-то поблескивал панцирь, на ком-то – кольчуга. Саблями, палашами, секирами уже никто не размахивал, уже все было кончено – и теперь начиналась потеха, самое веселое на войне дело – грабеж!

Велев своим воинам зажечь факелы, Магнус въехал во двор первым. По его указу, ландскнехты тотчас же дали пистолетный залп в воздух. Дабы привлечь внимание чрезмерно увлекшихся погромом мызы стрельцов... впрочем, судя по черным кафтанам, это были опричники окольного боярина Умного-Колычева.

– Я – король Магнус Ливонский! – громко, по-русски, крикнул Леонид. – Это моя земля, мои люди. А вы их грабите! По какому такому праву? На виселицу захотели? На плаху? На кол?

– Не знаем, какой ты король, – один из опричников – широченный, косая сажень в плечах, амбал – схватив сулицу, ловко метнул ее в Магнуса... Тот едва успел пригнуться, и копье, просвистев над головой, ударило, впилось в частокол.

– Ах ты, пес худой! Как с королем разговариваешь?!

Дернулась «винтовальная» аркебуза Анри де Труайя. Гулко громыхнул выстрел. Вырвалось из граненого ствола пламя. Свинцовая пуля сбила стрельца с ног, пробив грудь. Ландскнехты ошетинились пиками.

Опричники на верную смерть не полезли. Одно дело, грабить да волочь на сеновал девок, и совсем другое – подставлять грудь под пули. Тем более и было-то погромщиков не так уж и много – всего с десятков. Боевой расчет запряженной в четверку коней пушки-единорога, что угрюмо поблескивала бронзовым стволом в самом углу двора. К ней-то и бросились опричники. Не для того чтобы стрелять – просто боялись оставить оружие, потерять, за такое уж точно казнь!

Действовали, надо сказать, споро – заворотили коней к воротам, похватили пищали...

– А ну, пропущай! – зверовато ощерился опричник в блестящем пластинчатом доспехе – колонтаре.

Из сарая донесся истошный девичий визг.

Магнус повел бровью, быстро приказав оруженосцу проверить, что там. Сам же грозно глянул на пушкарей:

– Воеводы Василия Иваныча люди? Ему-то я все про ваши бесчинства и расскажу. Думаю, не помилует.

Услыхав знакомое имя, бросившиеся на прорыв погромщики в растерянности замерли и переглянулись.

Тот, что в колонтаре – главный, – озадаченно поскреб бороду и поклонился.

– Ты это, Арцымагнус Крестьянович... не гневайся. Перепутали мы твоих немцев с ревельскими. Война – всяко бывает.

Опричников пришлось отпустить – не казнить же – хоть и натворили они на мызе изрядно: убили хозяина и почти всех слуг, сожгли зерновой амбар, да так, по мелочи – изнасиловали дворовых девок... А вот младшую сестру Марты – не успели. Вышедший из сарая Альфонс молча вытер окровавленный клинок куском соломы.

– Там девчонка, мой король. Плачет, но платье не изорвано, целое.

– Марта! – опричники еще не успели скрыться, как по крыльцу сбежал худенький мальчишка в белой, с бурыми пятнами рубаше, растрепанный.

– Марта...

– Тоомас... – девушка со слезами обняла брата. – Ты цел? Цел... Ох, наш бедный отец... Как мы теперь будем жить? Ах... поблагодари же скорей нашего доброго короля Магнуса!

Оба бухнулись на колени.

Леонид спешил, подошел и, подняв Марту, ободрил, как мог:

– Ничего, ничего... Всяко бывает – война. А мыза ваша еще вполне целая, не успели сжечь.

– Зерно, – простонал Тоомас. – Они сожгли посевной амбар.

А вот это было по-настоящему страшно! Жители окрестных хуторов вряд могли бы поделиться запасами, даже за хорошие деньги – семян обычно хватало в обрез, только-только для самих себя.

– Вы сможете купить зерно в Нарве, – успокаивающе улыбнулся король. – Там же наймете подводы. Денег я вам дам... Альфонс!

– Да, мой король?

– Завтра же выдашь им из моей казны десять талеров. Нет! Двадцать! Надеюсь, этого хватит.

Со смешанным чувством возвращался Арцыбашев к себе в Оберпален, домой. С одной стороны, было радостно от того, что хоть чем-то он смог помочь несчастным людям, с другой... сколько таких несчастных было сейчас по всей Ливонии и не только там? Всем не поможешь, увы.

Слухи о «добром короле Магнусе» расползлись по бывшим орденским землям довольно быстро, и искать защиты у новоявленного монаха стали уже не только «свои», но и «чужие», что, кстати сказать, значительно ослабило позиции шведов – многие в Ливонии теперь больше верили своему новому королю. А он старался никому не отказывать в помощи и защите, правда, сам теперь почти никуда не ездил, просто посылал отряд верных ландскнехтов, набранных фехтовальщиком-адъютантом Труайя по большей части из прибалтийских – ивангородских – русских да из финской ижоры. Воины выдвигались под двумя стягами – желто-зеленым ливонским флагом Ливонского королевства и золотистым русским – образом Владимирской Божьей матери. Иногда опричники и стрельцы слушались, но чаще – нет, и тогда возникали стычки, обычно заканчивающиеся трупами и жалобами с обеих сторон.

Очередной такой случай произошел в самом конце октября невдалеке от замка Вейзенштейн, что в паре ней пути от Ревеля. Местный барон поддерживал шведов, и вся земля его подверглась разорению на полном для того основании – как вражеская территория. «Добрый король Магнус» строго-настрого запретил своим ландскнехтам обижать мирных жителей: с одной стороны, дабы не повредить свой, столь благоприятной для общего с Иваном Грозным дела, имидж, с другой же – просто из обычного гуманизма, столь свойственного человеку двадцать первого века.

Магнус-то запретил... А вот русские воеводы – нет. Да и с чего б им запрещать-то? Грабеж на войне – обычное дело, многие с того и жили, затем воевать и шли. Грабили и грабили – все так в то время делали, даже понятия такого – «мирное население» – не существовало, армии кормились с той земли, по которой шли, там, где воевали.

Вот и под Вейзенштейном... Тут Леониду с обоими воеводами пришлось столкнуться, и столкнуться всерьез – едва ль не до драки. А началось все с того, что отряд ивангородцев обнаружил на лесной полянке дуб с прибитым к нему мертвым ребенком лет пяти, голеньким и, словно еж иголками, утыканным стрелами. На столь же страшенькую находку наткнулись и наровчане, и ижорцы... да многие. Обо всем, естественно, доложили королю.

– Опричники так играют, – покусав ус, спокойно пояснил Труайя. – Забава такая – на меткость из луков бьют.

– Да, но ведь – в детей!

Фехтовальщик презрительно хмыкнул и махнул рукой:

– Так то не дети, а немцы – так кромешники мыслят. К тому же еретики лютеровы – во много крат зверей лесных хуже. Чего ж по ним не пострелять?

– Дети – еретики... – задумчиво прошептал Арцыбашев. – О времена, о нравы! Анри! Альфонс! Всем передать – ежели кто такое безобразие вдруг увидит, всех «забавников» стрелять тут же бессудно.

Адъютант покачал головой:

– Как же стрелять-то, ваше величество? Ведь союзники же, самым царем присланы.

– Садисты и прочие извращенцы есть не союзники, а преступники, – гордо дернул шеей король. – А с царем сам потом говорить будут. Так что – под мою ответственность...

– Но... стрелять...

– Ладно, не стрелять. Коль будет возможность – так задержать, расследовать – и судить. Да, да, судить. Как за воинские преступления – вот так-то.

Первые такие «игрунчики» попались уже дня через три. Как ни странно, оказались они вовсе не опричниками, а обычными парнями из небогатых московских дворян, воинскими людьми боярина Ивана Петровича Хирона-Яковлева. Трое еще весьма молодых – лет по двадцати – людей, на вид вполне симпатичных, этакие добрые молодцы – кровь с молоком, веселые. Вся троица искренне недоумевала, за что это их король Арцымагнус Крестьянович вдруг захотел наказать, что они такого сделали-то? Подумаешь, поигрались немножко... Дети? Какие дети? Эти-то нехристи? Да и вообще, негоже врагов в живых оставлять, сколько бы там им лет ни было.

– Долболобы, – выслушав, выругался Леонид. – Молодежь безбашенная, мать вашу так! Лютеране они или католики, а все равно в Христа-Бога веруют. Вы вот представьте только – и ваших детей так-то...

Один из парней вдруг потупился:

– Братца мово младшенького вот тоже так... татарове!

– Вот! А вы что же, такие же? – не на шутку взбеленился Магнус. – Мирных жителей обижать, тем более детенышей беззащитных – разве то для воина дело?! А вот я в Москву отпишу... отцам-матерям, девушкам, невестам вашим. Каково им узнать будет, что сыночек их... или жених, суженый – младенцев беззащитных постреливал, словно какой-нибудь печенег-нехристисть?!

Вот тут парней проняло. Потупились, поникли головами, опустив очи долу. Один даже в носу принялся ковырять – от стыда, видно. А что? Может, и так – от стыда. Просто, видно, никто раньше не объяснял, что есть удаль молодецкая, а что – омерзительная всякому разумному человеку гнусность.

Переглянулись воины, рухнули разом на колени.

– Ты, государь Арцымагнус Крестьянович, на Москву-то ничего такого не пиши. Не будем мы больше этак, в том слово тебе даем, Христом-Богом и Богоматерью Святой Владимирской клянемся.

– И сами не будем, и другим, буде углядим – не дадим. На поле брани вину свою загладим.

– Ну, вот, то-то же!

Посветлел Леонид, выдохнул: вроде искренне говорили парни, раскаялись.

Парни-то раскаялись. А вот воевода их, боярин Иван Петрович Хирон-Яковлев уже к вечеру в Оберпален самолично явился. Встал в дверях, весь из себя обиженный, плащ на плечо закинул, даже шлем-мисюрки с головы не снял. Процедил, едва поклоняся:

– Ты почто, Арцымагнус Крестьянович, в дела мои воинские лезешь? Изволь, я со своим людьми как-нибудь сам разберуся.

Арцыбашев лишь руками развел:

– Разбирайся. Но беспредел творить на моих землях – не дам!

– Так они ж еще не твои!

– Не мои, – с истинно королевским величием поднялся на ноги Магнус. – Однако Иваном Васильевичем, государем всея Руси, мне лично пожалованные! Мне! А не кому иному.

Боярин Хирон-Яковлев побледнел и едва слюной не подавился. Ишь, как ливонец ловко все обернул. самого царя приплел, вот прощелыга! Тут больше и слова не молвить.

– Ладно, – вздохнув, воевода примирительно погладил бороду. – В следующий раз, Арцымагнус Крестьянович, мне об моих докладах. А я уж, не сомневайся, разберусь уж, наведу порядок!

Сказал и ушел, хлестнув плетью сапог.

С опричниками вышло иначе...

День выдался неожиданно солнечным и теплым, словно бы в промозглые ливонские края вновь вернулось лето. Заглянуло ненадолго, сверкнуло небесной синью, улыбнулось солнышком, ободряюще курлыкнуло последними стаями потянувшихся в южные края журавлей. Славный выпал денек, славный! Еще утром серебрился на лугах иней, а к обеду разжарило так, что выехавший на прогулку Магнус даже снял плащ.

Впрочем, нельзя было сказать, что король только прогуливался, наслаждаясь в свое удовольствие ярким солнышком и последним осенним теплом. Нет! Ливонский государь выехал с важным делом – осмотреть тянувшийся почти до самого моря лес, присмотренный местными дворянами для большой загонной охоты. Войско необходимо было кормить, а в лесу водись кабаны, олени, косули и прочая вкусная дичь.

Впереди на горячем коне ехал прекрасно знавший все эти места молодой дворянин из Вика, родственник Эзельского епископа, по фамилии то ли Мингаузен, то ли Мюнхгаузен – как-то так. На записного вряля, кстати, молодой человек походил мало, наоборот, производил впечатление человека весьма рассудительного и трезвомыслящего, к тому же по дороге большей частью молчал, слова клещами не вытаскишь! Да и обликом мало походил на изнеженного барчука-барончика – крепенький, коренастый, с короткой белобрысой челкой и круглым лицом, он больше напоминал прижимистого лифляндского крестьянина или мельника. Звали этого Мингаузена-Мюнхгаузена – Эвальд.

– Вот, ваше величество, и следы, – остановив коня на опушке у лесной тропки, молодой человек спешил и показал пальцем. – Вот кабаны к ручью, на водопой, шли. Вот косуля... вот волк... а вот и зайцы. Не сомневайтесь, мой король, зверья в этой чащобе много, охота выйдет знатной!

Некоторое время Арцыбашев молча сидел в седле, пораженный неожиданно длинной, только что вышедшей из уст молчуна фразой.

– Ого! Оказывается, это парень способен разговаривать! – вполголоса хмыкнул верзила Альфонс. – Ну, раз он так уверен...

– Думаю, надо проехать к ручью, ваше величество, – Труайя глянул на свиту – крепких ивангородских парней, одетых в живописные, как у всех ландскнехтов, лохмотья, и хмыкнул. – Таким молодцам только плюнуть – вся добыча к ногам. А вообще же, – адъютант вдруг стал серьезным, – мне кажется, мой король, нужно покончить с этим делом как можно быстрее. Без всяких там развевающихся перьев, вина, девок. Просто выставить загонщиков и...

– А вот здесь вы не правы, Анри! – резко перебил король. – Люди устали от войны. Им нужен праздник. Так пусть он и будет! С пением охотничьих рогов, с песнями, с танцами, с дамами.

– Как прикажете, ваше величество.

Адъютант пожал плечами, а оруженосец Альфонс обрадованно потер руки и приосанился. Ландскнехты тоже переглянулись довольно радостно – посреди затянувшейся осады кто ж откажется хоть немного развеяться, развлечься?

– А к ручью мы, пожалуй, поедем, – Леонид-Магнус тронул поводья коня. – Показывай дорогу, Эвальд.

Небо над головами сияло такой нереально прозрачною синевой, что казалось звонким и хрупким, как зеркало или оконное стекло, падающие от деревьев тени выглядели не мягкими, как летом, а четкими, контрастными, черными, вполне реально осязаемыми, о которые можно споткнуться – по крайней мере такое впечатление почему-то складывалось у Леонида. Меж безлистными ветвями осин сверкали серебром паутины, среди звенящей осенней тишины где-то невдалеке вдруг подала голос синица. А вот послышался и звериный рев!

– Медведь! – выхватив палаш, ахнул Альфонс.

Ландскнехты опустили короткие копья.

– Не надо его трогать, мой король, – неожиданно попросил Эвальд. – Хозяин здешних мест нынче сыт и просто присматривает себе берлогу. Да мы его и не поймаем сейчас, по урочищам не угонимся. Вот... слышите? Уходит...

Рычание и впрямь стало отдаляться, а потом и затихло вообще.

– Послушай-ка, парень, – спрыгнув с лошади, подошел к проводнику один из ландскнехтов. – А чего он рычал-то?

– Не знаю, – Эвальд повел плечом. – Может, рассердил кто, а может, наоборот – довольный был зверь, небось, набрел на дупло с медом.

– Мед и нам бы не помешал... Ого! Слышали?

Наемник вдруг осекся, прислушался... Где-то в лесу вдруг послышался стон. Громкий, отчаянный... женский...

– Баба кричит, – промолвил кто-то.

Его тут же высмеяли:

– А может – выпь?

Крик повторился.

– Да, – покивал Альфонс. – Похоже, что выпь. Да и откуда тут, в чаще, бабы? Э-э... Прикажете посмотреть, ваше величество?

– Чего ж на выпь-то смотреть? А впрочем, поедем, глянем, – король махнул рукой. – Это, кажется, там, недалеко.

– Да, ваше величество, – приложив руку к груди, поклонился проводник. – Там, у ручья, есть небольшая поляна...

Поляна и впрямь нашлась, всадники добрались до нее очень быстро. Выехали... и остановились, замерли на миг, застыв в немом изумлении от увиденного. На поросшей пожухлой травой поляне, в окружении осин и высоких, с редкими багряными листьями кленов, росла большая корявая береза. Старая, с бугристой корой, она клонилась кроной к ручью, казалось, вот-вот готовая упасть, как Пизанская башня. К стволу дерева была привязана нагая девчонка, привязана по рукам и ногам, словно бы распята. Длинные, спутанные волосы девушки падали

на белые плечи, через грудь и живот тянулись красные рубцы от бича или плети, из лона сочи-лась по ногам кровь. В серых, широко распахнутых глазах несчастной застыл неизбывный ужас.

Вокруг березы ошивалось человек пять, бородатые смурные мужики, лет по тридцать каждому. Кто-то, ухмыляясь, неспешно натягивал штаны, а кто-то, наоборот, рассупонивал, явно намереваясь пристроиться к девчонке уже далеко не в первый раз. Рядом, в грязи, лежало невиданно белое тело, тоже девушка, и тоже нагая... и похоже, что – мертвая.

– Зря ты ее прибил, Владко, – один из насильников хмыкнул. – Посейчас бы и очереди никакой не было.

– Так кусалась, змия!

– И добро, что кусалось. А эта вон, щучина, лежит, как бревно...

– Ничо! И от нее толк есть, робяты!

В ярости закусив губу, Магнус дернул поводья:

– Схватить сволочей! И повесить!

Увлечшиеся экзекуцией «сволочи» заметили кавалькаду слишком поздно. Правда, почему-то не особенно испугались и вообще вели себя нагло. А сопротивления не оказали никакого. Покорно подняли вверх руки, ухмыльнулись... и на ломаном немецком попросили разрешения одеться.

– А то неудобно перед славным крулем с голым задом, – по-русски добавил один из насильников.

Между тем ландскнехты, быстро отвязав от березы несчастную девушку, принялись сноровисто мастерить петли... Пять штук. По числу активных участников гнусного действия.

Насильники ливонского короля явно узнали... и это почему-то придало им смелости.

– Эй, эй, господине король, не для нас ли петельки? Ой, не торопись, господине. Мы же не враги.

– Вы хуже врагов, – сквозь зубы промолвил Арцыбашев. – Преступники, лиходеи.

– Ах, ты про баб... – один из насильников, по всей видимости старший – кривозубый, с косой бородой и нахальным взглядом – одернул черный, с серебряными пуговицами кафтан и приосанился. – Мы – из воеводы Василья Иваныча Умного-Колычева полка! Людищи не из последних. А этих... этих беглых пытали. Мразь недобитую новгородскую! За то нас не казнить надо, а жаловать.

– Вот я вас и пожалую, – глядя на петли, недобро улыбнулся Магнус. – Давай. Парни, нечего тут говорить.

Он впервые отдал приказ о казни. Он, Леонид Арцыбашев, человек двадцать первого века, с высшим гуманитарным образованием, гуманист... И ничего в его сердце не дрогнуло! Поскольку эти глумившиеся над беззащитными девчонками сволочи никакого снисхождения не заслуживали напрочь. Какой уж тут гуманизм!

– Эй, эй... господине...

Когда ландскнехты принялись вязать насильникам руки, кособородый вдруг ударил кулаком по зубам Альфонсу, вырвался, метнулся к ручью, да с разбега прыгнув в холодную воду, вынырнул уже вдалеке, поплыл, отфыркиваясь...

Труаяя все же успел выстрелить. Однако же не попал. Да никто не попал бы, и погоня не принесла результатов – слишком уж быстро все произошло, слишком уж неожиданно, нагло.

– Ты суди нас, господине король, – упирались оставшиеся насильники. – Нешто без суда повесишь? Неможно так. Девки те государя нашего, Ивана Васильевича, поносили безбожно и смерть тем заслужили лютейшую!

Ландскнехты-ивангородцы, услышав такие речи, замялись. А ну как и вправду – за дело девок убили? Да и на опричников руку поднять – самому государю Иоанну обида! Ежели что – никакой король не защитит.

Приволокши несчастную девчонку, накинули плащ, пред очи королевские поставили:

– Спрашивай, ваше величество.

Девушка дрожала мелкой дрожью, однако глаза смотрели дерзко, с вызовом – видно, не дорога ей уже была жизнь, и жить было – незачем.

– Да из Новгорода мы, беженцы! От царя-сыроядца спасались. Это для вас он царь, а для нас, новгородцев – хуже пса смердящего! Убивец безвинных младенцев! Волк, волк кровавейший.

Анри Труайя застонал, обхватив голову руками:

– Молчи, молчи, дура!

Явно волнуясь, он выкрикнул это по-русски, совсем без акцента. Потом спохватился, да поздно уже. Впрочем, никто внимания на слова его не обратил, не до того было – из лесу на поляну выскочили вдруг всадники на вороных конях во главе с молодым воеводою в золоченом колонтаре, в высоком шеломе, с саблею в усыпанных драгоценными камнями красных сафьяновых ножнах.

Осадив коня у самых ног Магнуса, воевода гневно скривился:

– Эт ты почто же, Арцымагнус Крестьянович, людишек моих не милуешь? Они крамолу выискали, а ты претишь!

– Здравствуй, Василий Иванович, – Арцыбашев держался твердо, как пристало истинному королю. – Люди твои опричные совсем обнаглели – с девками да младенцами воют...

– А это уж не токмо мое дело, но и царское! А коли ты против, так я ужо...

С искаженным от ярости лицом воевода выхватил саблю.

Ударил бы... кабы не успел король вытащить заряженный пистоль. Прямо в коня и выстрелил. Захрипел конь, повалился на бок вместе со всадником.

Опричники тут же за сабли взялись... да остановились – силы-то были равные. Ландскнехты вмиг оцетинились алебардами, мушкеты выставили – поди возьми.

– Стоять!

Подняв руку, король бросил пистолет наземь и неторопливо подошел к боярину, уже успевшему подняться на ноги. Круглое лицо главного опричника побагровело от ярости, толстые губы дрожали...

– А ну, смирно!!! – подойдя, выкрикнул ему в лицо Леонид. – Стоять, я сказал! Ты кем себя возомнил, пес худой? Против царя Ивана Васильевича пошел, гнида?! Государь мне велел тут порядок бдить, а ты все дело портить удумал? Людишки твои великого государя позорят, а ты потакаешь?!

– Мхх...

Спал с лица воевода. Притих. Поклонился даже – понимал, чем все обернуться грозит. Однако злоба в глазах его стояла лютая. Злоба и ненависть. Хотя расстались мирно – каждый остался при своих. Опричников пришлось воеводе отдать, а девчонка осталась у Магнуса. Мертвую же похоронили здесь же, у ручья. Той, что выжила, сестра то оказалась, младшенькая.

– Тебя как звать-то? – подойдя к молившейся на коленях девушке, тихо спросил Арцыбашев.

– Алена я, – несчастная коротко вздохнула. Она уже больше не плакала – не могла, и не дерзила, просто сидела в мужском сером кафтане – никакая – и не думала, похоже, уже ни о чем. И больше ни на какие вопросы не отвечала.

А потом, как уехали все, попыталась повеситься. На той же березе. Хорошо, Альфонс ван дер Гроот вернулся, у ручья фляжку забыл. Голландец-то Алену из петли и вынул, вновь к королю привел.

– Ты что это делаешь-то? – грозно нахмурился Магнус. – Не ты себе жизнь давала – не тебе и отнимать. То Господа дело, Божье.

– Да я...

– Цыц!!! Не смей королю перечить! Как дам сейчас по шее.

Глава 4

Осень 1570 – весна 1571 года. Ливония

Интриги

Выехав на невысокий холм с плоской, поросшей голыми кустами малины, вершиной, Магнус придержал коня, зорко оглядывая расстилавшуюся перед ним местность: серые, с толстыми башнями, стены Ревеля, красно-коричневые черепичные крыши, высокие шпили церквей и ратуши. Под стенами копошились ландскнехты, опричники и дворяне воеводы Хирона-Яковлева в смешных стеганых кафтанчиках-тегилеях и таких же стеганых шапках. Сии славные воины отнюдь не относились к богатым людям, на кирасы и железные шлемы, каски денег у них не было. Что и говорить, в оскудевшей русской земле многим едва хватало на жизнь, а здешняя ливонская зажиточность вызывала злобную животную зависть. Отсюда и все эксцессы с изнасилованием целых деревень да с мишенями-детьми. Его величество, как мог, старался пресекать подобные выходы, однако не везде успевал. Впрочем, и то, что делал, уже принесло ему славу доброго и справедливого государя, и встать под стяги ливонского короля не было уроном для чести. Вот только маячившая за спиной Магнуса страшная фигура грозного московитского царя смущала слишком уж многих. Доходили и до здешних мест слухи, знаете ли... Да что там слухи – достаточно было высунуть нос за городские стены.

Войска у Магнуса нынче прибавилось против прежнего вдвое. Кроме наемников-ландскнехтов, ивангородцев и местных ливонских дворян, еще пришли беглые новгородцы, псковичи да поморы – из «морской сотни» царского адмирала Карстена Роде. Увы, сей доблестный капер, так много сделавший для русского дела, после завершения датско-шведской войны остался без прикрытия и без баз – а без этого никакой флот существовать не может. Корабли надо ремонтировать, снабжать, проводить ротацию команды – да много чего надо моряку на суше... Раньше подобные услуги Карстену оказывал датский король Фредерик, старший брат Магнуса, ныне же – увы. Война закончилась, а поддержать своего единственного союзника в Прибалтике – Данию – у Грозного оказалась кишка тонка. Также можно было поиграть на вечной вражде Речи Посполитой и Швеции – увы, и до этого тогдашняя российская дипломатия не дотянулась. Иван Васильевич, ничтоже сумняшеся, вызвал к себе нешуточную ненависть обоих королей – и шведского Юхана, к жене которого некогда сватался и, получив отказ, затаил обиду, – и престарелого польского Сигизмунда-Августа, на трон которого всерьез претендовал Иван.

Нынче корабли адмирала Роде были интернированы в Дании или в немецких портах. Пока Карстен улаживал проблемы, русская часть команд потихоньку пробиралась домой, однако вот, опасаясь гнева грозного царя, зацепилась в Ливонии. Король Магнус им нравился – пусть датский немец, зато по-русски говорит хорошо и быстро, правда, не всегда понятно. К тому же не гневлив, милостив, не жаден – чего еще от государя надо? Беглые же новгородцы и прочие русские люди из преданных огню собственным государем земель Магнуса просто боготворили, связывая с Ливонским королевством надежды на дальнейшую жизнь. Едва не покончившая жизнь самоубийством Алена потихоньку оклемалась да помогала в обозе, среди маркитантов и солдатских жен, где-то в глубине души лелея надежду посвятить себя Господу в какой-нибудь тихой православной обители... здесь же, в ливонских землях, упаси боже не на Руси! Новгородский погром и зверства опричников засели в голове девушки прочно, на всю оставшуюся жизнь.

Приложив к правому глазу изящную зрительную трубу, Магнус зорко рассматривал входившие в ревельскую гавань корабли. Желтые кресты, три желтые короны на синем фоне –

шведы! Суда шли спокойно, как у себя дома, да по сути-то они и были сейчас дома – Ревель-то нынче принадлежал Швеции!

– Жаль, нет нашего флота, – негромко промолвил Труайя. – Корабли из Стокгольма приходят сюда почти каждый день. Везут продовольствие, дрова, уголь. Думаю, ваше величество, Ревель спокойно продержится всю эту зиму.

Король задумчиво кивнул – вовсе не до Ревеля ему сейчас было. Кто бы знал, как тянуло на родину, туда... в свою родную эпоху! Проехать на авто, да в метро даже, посмотреть какой-нибудь хороший фильм, выпить пивка... Хотя пиво и здесь отменное, только вот насчет фильмов и всего такого прочего – увы...

Внизу, у подножия холма, лениво копошились ратники – ливонцы и русские. На стены никто не лез, так, постреливали да грозили ревельцам кулаками, а те в ответ показывали со стены голые зады. Как всегда... Но в общем-то грех было жаловаться – лишней крови никто не лил, вот только округу, стервецы, грабили, несмотря на все предупреждения Магнуса.

– Поехали, – передав зрительную трубу оруженосцу, Арцыбашев махнул рукой. – Нечего тут и делать.

Вся кавалькада – отряд закованных в латы ливонских дворян и наемники – пустилась неспешной рысью вслед за своим монархом. Три дня назад его величество покинул Оберпален – надо же было хоть иногда показываться под стенами Ревеля! Показался... можно было и уезжать, но допрежь того хотя бы пару недель побыть в «полевой ставке», как Леонид называл брошенный хутор километрах в пяти от осажденного града. Там король ночевал, там решал вопросы, принимал просителей и жалобщиков – в общем, правил, как мог, иногда даже и закатывая пиры: людям нужен был отдых, а денег грозного царя пока хватало.

Въехав во двор, Магнус спрыгнул с коня и, бросив плащ подскочившему Петеру, вошел в дом, пригнувшись, дабы не стукнуться лбом о низкую притолочину. Внутри мызы все было как везде – одна большая комната с печью, из мебели окромя стола огромные сундуки, широкие деревянные лавки да резной шкаф работы неизвестного шведского мастера. В шкафу имелась посуда – стеклянные рюмки, миски тонкого фарфора и даже серебряные ложки. Все это конечно же вовсе не осталось от прежних хозяев – хорошо еще, хутор не сожгли! – а было привезено из ливонской столицы стараниями расторопных слуг. Как и вставленные в окна стекла – чтоб уж по-королевски совсем!

Отобедав в компании адъютанта-фехтовальщика и нескольких баронов с побережья, Арцыбашев уселся на застеленный алым плащом сундук и, как и положено по времени, принялся принимать посетителей, коих набралось достаточно много. Дворяне, крестьяне, бюргеры из мелких ливонских городков, поспешивших передаться под руку добрейшего короля и тем избежавших полного разора.

Как обычно, жаловались друг на друга. Сосед на соседа, ясное дело – из-за земли. Кто-то не там ограду построил, кто-то не туда проехал, кто-то от чужого выгона втихаря оттяпал кусок. А один купец из Вика отстроил в своем доме лишний этаж, так что теперь загораживал солнце соседу напротив.

Казалось бы, мелочь – но вследствие затянувшейся войны, никакого другого, кроме королевского, суда не было. Судил тот, у кого войско, у кого сила. Впрочем, Магнус старался поступать по местному праву, еще называемому «магдебургским», или просто «немецким», и предусматривавшему множество городских свобод.

Все сказанное, высунув от усердия язык, старательно записывал Петер, с недавних пор совмещавший при ливонском монархе обязанности слуги и секретаря, что в те времена было не внове. Записанное тщательно проверялось, а уж потом, после опроса свидетелей, выносился вердикт, за исполнением которого надзирал особый отряд ландскнехтов-ивангородцев. Магнус, кстати, давно уже подумывал объединить эти два города – Ивангород и Нарву, что явно пошло бы обоим на пользу... но вполне могло и вызвать гнев Грозного царя, чего Леониду

сейчас было не надобно, ведь рано или поздно он все же планировал попасть в Москву, проникнуть в подвал и...

– Там еще одна женщина, мой король, – заглянув за дверь, доложил Петер. – Похоже, на сегодня последняя.

– Зови.

На пороге возникла настоящая красавица, из тех рафинированно-жеманных худышек, что всегда нравились Леониду. Хотя по здешним нравам она вряд ли считалась красивой – именно потому, что худа, бледна, мелкогруда. Хотя нет, с грудью у просительницы явно все было в порядке – просто не видно было из-под накинутого плаща... который, вместе с изящной шляпой, галантно поклонясь, и принял на руки секретарь.

Глухое, темное с серебром платье, по испанской моде чопорное и скромное, еще более оттеняло белизну лица и белокурые локоны, уложенные в затейливую прическу, наверняка стоившую немалых денег, как и накрахмаленный гофрой воротник – брыжи – носимый в те времена как женщинами, так и мужчинами. Лежавшая на нем, как на блюде, или на мельничном жернове, голова однако вовсе не казалась смешной – слишком была красивой.

Серо-голубые глаза, кроткий взор, изящные, затянутые тонкими замшевыми перчатками, руки... Красива, красива, ах... Именно такой тип женщин всегда привлекал Арцыбашева, о чем он даже как-то по пьяни проговорился собственной свите, посетовав на то, что «слишком уж толстые девки здесь, нет в них никакого изящества».

Эта была изящна – не отнимешь, невообразимо – по меркам двадцать первого века – красива. И довольно молода – лет, верно, двадцать пять, вряд ли больше.

– Прошу, садитесь, мадам...

– О, ваше величество, вы так добры... – придержав широкую – конусом – юбку, женщина галантно поклонилась. – Позвольте представиться: Магда фон Гессенгейм, вдова славного рыцаря Гуго фон Гессенгейма, мой замок не так далеко... думаю, вы знаете, где...

– Да, знаю, – с улыбкой кивнул король. – Что же вы хотите от меня, прелестная фрау?

– Самую малость, ваше величество. У нас старинный спор с соседями – из-за земель. После смерти мужа наши отношения обострились, и только вы, ваше величество, в силах разрешить наш спор. Но... Ах, не смею и просить вас... я слишком самонадеянна, верно...

– Ну, ну, смелей, – Магнус погладил бородку. – Излагайте свою просьбу, госпожа фон Гессенгейм.

– Так вы позволите?

– Конечно, конечно... давайте же!

Темные густые ресницы обворожительно вздрогнули, серо-голубые глаза вспыхнули надеждой и радостью.

– Видите ли, ваше величество, все мои бумаги – в замке, их слишком много, чтобы везти сюда... Вот если бы вы сообразовали посетить мое пристанище... Даже не знаю, как вас и просить! Кстати, у меня очень хороший повар и недурные запасы вина.

– Приглашаете в гости?

– Именно, мой король!

Магда потупила глаза, тугая грудь ее колыхнулась под платьем, колыхнулась столь волнующе и сексуально, что у молодого монарха сильно забилося сердце.

– Так почему б мне и не съездить? – снова улыбнулся король. – И в самом деле! Не вижу для отказа причин. Петер! Передай свите – пусть немедленно собираются, готовят коней.

– О, ваше величество, – едва секретарь выскочил за дверь, как юная вдова пылко схватила руку монарха. – Я хотела просить вас взять с собой как можно меньше людей. Не хочу привлекать лишнее внимание, понимаете... не знаю даже, как и объяснить.

Облизав губы, Арцыбашев милостиво кивнул:

– А не надо ничего объяснять, милая фрау. Я с удовольствием пойду вам на встречу, сделаю так, как вы просите. Действительно – к чему слишком много людей?

«Ей просто нечем будет их накормить, – тотчас же подумал Магнус. – Знаем мы этих мелких дворян. Кроме шпаги – блоха в кармане да вошь на аркане. И платье, вон, бедноватое... хоть и по испанской моде, да, видно, сшито давно, верно, еще при живом муже».

Выехали уже через пять минут. Его величеству и собираться-то было – только подпоясаться. С собой король прихватил лишь оруженосца, слугу-секретаря Петера и Анри Труайя. А кого было опасаться-то? Все земли кругом принадлежали ему, славному ливонскому повелителю, кстати, уважаемому уже многими. Всюду стояли его войска... либо союзные, русские, и короля почти все воины знали в лицо. К тому же до замка вдовы было километра три, вряд ли больше.

Ехали не спеша, и, когда добрались до ворот замка, уже стало темнеть – как всегда в конце октября, неожиданно и быстро. Только что всю сверкало солнце, потом вдруг вытянулись длинные черно-фиолетовые тени, и вот уже темно, хоть глаз выколи.

Копыта коней простучали по шаткому подвесному мостику, перекинутому через широкий, заполненный водою ров. Ратные слуги в черных кирасах и касках приветствовали короля и хозяйку замка с горящими факелами в руках, освещая узкий двор, амбары, какие-то каменные пристройки и высокую башню – донжон. Наверх вела узкая винтовая лестница, поднявшись по которой молодая вдова и ее гости оказались в небольшой полутемной зале, где уже были накрыты столы, горели развешенные по стенам факелы и свечи, а в камине жарко пылали дрова.

Магда не обманула, ее повар и впрямь оказался весьма хорош, и гости с удовольствием отдали должное его искусству. Копченый окорок, дичь в белом вине, залитая винным соусом утка с печеными яблоками, еще какие-то мелкие птички, покрошенные, словно салат. А ко всему этому – рейнское вино. Вкусно!

За разговорами, как водится, засиделись допоздна, и хозяйка замка гостеприимно предложила королю остаться на ночь, а уж завтра глянуть бумаги. При этом зовущий взгляд ее серо-голубых глаз оказался куда красноречивее слов.

– Да, да, мы останемся, – Магнус сглотнул слюну. – Моя свита...

– Им приготовлены комнаты... Как и вам, ваше величество. Позвольте, я покажу вам опочивальню.

Вслед за молчаливыми слугами сопровождающие монарха лица спустились во двор, сам же король вслед за хозяйкой поднялся еще выше, в опочивальню с широким, под бархатным балдахином, ложем.

– Вот вино, – присев на край ложа, юная вдова кивнула на серебряный кувшин и бокалы, стоявшие на прикроватном столике. – Выпьете со мной, мой король?

– Охотно...

– Здесь всегда так жарко... – раскрасневшаяся от выпитого хозяйка замка кивнула на каминную трубу, проходящую возле самого ложа. – Можно я отстегну ворот? И... вы не можете немного расстегнуть мое платье?.. Конечно, я могу позвать служанку...

– Нет, нет, не надо служанки... – поспешно – пожалуй, даже слишком поспешно – ото-звался Леонид.

– О, ваше величество, вы так добры... и очень, очень симпатичны...

– Вы тоже...

Встав, женщина повернулась спиной. Магнус тоже поднялся. Быстрые пальцы его дернули шнуровку платья... то ли слишком сильно, то ли шнуровка оказалась слабой – тотчас же обнажилась спина, прелестная, усыпанная рыжими родинками спинка, с изящной линией позвоночника, такой притягательной, нежной, что Леонид не удержался, провел по спине Магды рукой, ощутив шелковистое тепло кожи.

– Ах, ваше величество, какие у вас нежные руки...

– И вы так... так нежны...

Погладив спинку, жаркие руки Арцыбашева скользнули к плоскому животику Магды... и вот уже поласкали грудь... упругую, с торчащими твердеющими сосками... Платье, шурша, упало на пол.

– Позвольте раздеть вас, мой король...

Молодая вдовушка оказалась чертовски хороша в постели. Ничуть не хуже рыжей Катерины из Нарвы, никакой скованности! Женщина изгибалась, словно кошка, стонала, сладострастно закатывая глаза... потом, немного переведя дух, уселась сверху, склонилась, целуя, царапая жаркими сосками грудь...

Ночь страсти, увы, продолжалась недолго. Какой-то слуга осмелился нарушить королевский покой. Что ж, повод к тому был! Ревельцы совершили наглую вылазку, прорвав кольцо опричников, ливонских дворян и ландскнехтов. Об этом доложил гонец, присланный с мызы.

– А что за гонец-то? – спускаясь, поинтересовался король.

– Слуга сказал – крепкий такой парень, рыжеватый, в синем берете с петушиным пером.

– Ага, Балтазар, – вспомнив, Магнус кивнул и задумчиво потеревил бородку. – Что же он не остался-то? Лично не доложил?

– Наверное, очень спешил, – негромко предположила Магда. – О, увижу ли я вас еще раз, мой король?

– Может быть, – молодой человек улыбнулся и забрался в седло. – Вот разобьем врага и закатим пир!

– Удачи вам, ваше величество. И да хранит вас Господь.

Хозяйка замка перекрестила Магнуса, губы ее дрожали. Верно, от холода – ночь-то оказалась морозной.

В темном небе хмуро висел месяц. Желтый и похожий на татарскую саблю, он почти не освещал ни замок, ни ров, ни лес.

Вспыхнули факелы. Отворились ворота. Скрипя, опустился подъемный мост. Застучали по доскам копыта...

Не успела вся кавалькада добраться и до середины моста, как вдруг послышался треск, мост зашатался, и кони в страхе заржали, падая с рухнувшим мостом в ров, наполненный ледяной водой.

Кто-то гулко закричал. Кто-то выругался. Арцыбашев, придя в себя, вынырнул, отплываясь от тины, и саженками поплыл к берегу, ухватился за кусты...

– Ныря-ай!!! – истошно закричали сзади. Кажется – Анри Труайя.

Леонид машинально пригнулся, нырнул... и прямо над головой просвистела тяжелая казацкая сабля.

Предательство!

Какие-то люди стояли на краю рва, не давая выбраться. Вот кто-то из них ударил копьем... а вот полетели стрелы!

– Сюда, мой король, – откуда-то сбоку вдруг выкрикнул Петер. – Здесь опора, хватайтесь...

Кругом слышались плеск воды и проклятья, ржали тонувшие кони, кто-то хрипел, а кто-то уже пошел на дно – то ли от холода, то ли от злых стрел неизвестных.

Рванув на голос слуги, Арцыбашев ухватился за опору береговой части моста, подтянулся, выбрался...

И тотчас ж грянул выстрел, и тяжелая пуля обожгла левую щеку короля, едва не оторвав ухо.

– Ваше ве...

– Тихо! – вынырнув из воды, словно черт из ада, предупредил выживших Анри Труайя. – Если это покушение, то пусть думают, что короля с нами нет.

Сказал и тут же закричал как можно громче:

– Его величество! Где его величество? Кто видел его величество? Он там, там, в замке! Ваше величество, спасите нас!

– Король спасся! – подыгрывая, во всю глотку заорал Петер. – Наш добрый король спасся! Ура!

– Плыдем к южным воротам. Когда там опустят мост – надо быстро выбираться, – шепотом предупредил Труайя. – И со всех ног бежать в лес. Сейчас ночь – не отыщут, а утром что-нибудь придумается.

– Оптимист, – Леонид скривился. – С чего ты взял, что мост опустят?

– Опустят, – убежденно отозвался адъютант. – Они, верно, в сговоре с теми, кто в замке. И должны убедиться, что король мертв. А не мертв – так убить. Ваше величество, поспешим!

Легко сказать – поспешим. Снова нырять в холодную воду, куда-то плыть – пусть недалеко, но приятного мало. Еще бы – купаться в конце октября!

И все же поплыли. Магнус, за ним Петер, Труайя, Альфонс, остальные... Фехтовальщик оказался прав! Заскрипев цепями, с западной стороны замка упал, перекинулся через ров, мост... Куда, пропустив неизвестных врагов в замок, выбрались несостоявшиеся утопленники. Выбрались и опрометью бросились в лес.

– Вон они, вон они! Держи-и-и!!!

Заметили, но поздно. А кричали-то, между прочим, по-русски! Впрочем, мало ли лихого народа шаталось нынче по бывшим землям почившего в бозе Ливонского ордена, ловя рыбку в мутной воде? Немцы, русские, литовцы, поляки, татары, шведы... Кого только не было!

Чавкала под ногами бегущих холодная грязная жижа, и ветки деревьев били в лицо, и колючие кусты рвали одежду, царапали до крови руки. Лес – вот он, рядом: бросились, свернули с дорожки в чащу, затаились в урочище. У беглеца сто дорог, у погони – только одна. Поди угадай.

Вот и преследователи не угадали, лишь бестолково носились по лесу, оглашая округу проклятиями и громкими криками.

– Лишь бы они не привели собак... – озабоченно промолвил Анри. – Ваше величество, нам нужно уйти как можно дальше.

– Да как тут идти-то? – Арцыбашев в сердцах чертыхнулся. – Коли дороги-то ни хрена не видать. Чаща кругом, буреломы, овраги.

Труайя шумно вздохнул:

– Тоже верно.

Беглецы все же прошли еще немного, двигаясь практически на ощупь. Совсем скоро где-то вдалеке послышался собачий лай.

Адъютант выругался:

– Ну, вот и дождались.

– Мой король! – вдруг подал голос Петер. – Я немножко знаю эти места. Тут дальше ручей. Слышите, журчит?.. И мельница.

– Ну, на мельницу мы не пойдем – слишком уж приметна, – Магнус соображал быстро. – А ручей весьма кстати. Собьем со следу собак.

Так и сделали. Быстро свернули к ручью, продираясь сквозь густые заросли ивы и папоротники, зашагали по колено в воде, показавшейся Леониду еще холоднее, нежели та, что была во рву. Позади слышался собачий лай. Поначалу уверенный и злобный, он вдруг вскоре сделался каким-то бестолковым, обиженным. Всем стало ясно – собаки потеряли след.

– Вражины не дураки и могут тоже пойти по ручью, – озаботился фехтовальщик. – Давайте-ка, ваше величество, в лес... на тот берег.

Беглецы бродили по лесу до рассвета, а уж тогда Петер ловко забрался на высокую липу, да, глянув вокруг, обрадованно закричал:

– А вон там – шатры. А там, совсем недалеко, наша мыза!

Вскоре его величество ливонский король с удовольствием плескался в бочке с горячей водой, потягивая подогретое вино, принесенное расторопным Петером.

– А ну-ка, еще водички плесни... Вот так! Эх, хорошо! Заодно и помоюсь.

Никакие ревельцы не наступали, никто за ворота не прорывался. А вдовица оказалась липовой. Как и ее слуги, на время оккупировавшие заброшенный замок, который на момент последовавшей сразу проверки оказался пуст.

– Улетела пташка, – докладывал под вечер Анри Труайя. – А местные дворяне сказывали – та девчонка, что вчера вечером была у вас, мой король, никакая не госпожа Магда. Магда куда старше, да и мужа своего она ненадолго пережила.

– Самозванка, – Магнус качнул головой. – Однако кто-то же ее направлял! И куда-то все эти люди делись. Да и замок не мог же все время стоять пустым!

– Он и не пустой, мой король, – тихо пояснил фехтовальщик. – Его давно собирался занять воевода Умной-Колычев.

– Та-ак... – Арцыбашев подозрительно скривился. – Так ты полагаешь, искать надо среди своих?

– Точно так, ваше величество. Открытых врагов здесь нет... есть только враги скрытые...

Сказав так, адъютант как в воду глядел. На короля Ливонии совершили еще несколько покушений, правда, на этот раз не столь замысловатых – действовали куда проще. Стреляли из-за кустов, отравить пытались... Действовали осторожно, так и не дознались, кто. Хотя Леонид, конечно, догадывался. И принял меры, написав своему доброхоту и покровителю, преславному царю Ивану Васильевичу образцово-показательный донос, в коем со всей тщательностью изложил все, что думает по поводу глупой политики разорения «союзной Ливонии» опричниками и московскими дворянами. И просил наказать лично ответственных за столь тупой террор воевод.

Что и было сделано. Не прошло и месяца с момента отправки гонца в Москву, как явились царский думный дворянин со свитой из стрельцов и царской грамотой. Обоих Магнусовых недругов – и Хирона-Яковлева, и Умного-Колычева – заковали в железа и без всякого почтения к боярскому званию пинками погнали в Москву.

Воевод Арцыбашеву было, надо сказать, нисколько не жалко. А и поделом! Не рой другому яму – так-то!

Осада Ревеля продолжалась и дальше, точно так же уныло, только что разбоя в окрестных лесах стало куда меньше – царь Иоанн Грозный опричников и московских дворян из Ливонии отозвал как высокое доверие не оправдавших.

А потом явилась чума. Собственно, первые заболевшие появились еще и раньше, в самом конце сентября, но эпидемия распространилась лишь ближе к зиме – безморозной, тоскливой и грязной. Лежал по канавам первый, мокрый и какой-то скукоженный снег, облетали с деревьев последние листья. Земля уже стала мерзлой, твердой, как асфальт, и это Леониду нравилось – ушла, заиндевели надоевшая за осень грязь.

Реки еще не замерзли, а вот на лесные озера уже лег лед, прозрачный и толстый, такой, что при желании можно было сверлить лунки да заняться зимней рыбалкой. Только вот желания такого никому в голову не приходило: и традиций не было, да не до того стало, выжить бы – чума. Эпидемия пришла из Польши или из германских земель и на ливонских землях распространилась довольно быстро, потому как – война, большие группы людей, скученность. Магнус не знал в точности, как там в осажденном Ревеле, а вот на русское войско эпидемия перекинулась быстро, так что ливонскому королю пришлось принимать самые спешные и строгие меры, дабы хоть как-то обезопасить собственных подданных.

Сообразуясь с собственным видением проблемы, Арцыбашев первым делом строго-настрого запретил все «культурно-массовые» мероприятия типа крестных ходов, похорон, свадеб и всяких разных праздников, даже Рождество было предписано праздновать скромно, исключительно в кругу семьи и без всяких общих гулянок. Впрочем, местные лютеране и так жили достаточно уныло – обыватели праздники устраивали редко, по большей части работали да молились. Ну, вот, воевали еще – многие совершенно искренне записались в ливонское ополчение, опасаясь как поляков, так и грозного русского царя. Идти под своевольную руку Ивана мало кому хотелось, иное дело – Магнус, свой, европейский, принц.

Массовых воинских операций Леонид, опасаясь чумы, не планировал, осажденные ревельцы тоже не горели желанием выскакивать за ворота да искать ратных подвигов: так и сидели сиднями, кто за стенами, кто вокруг них.

Явившееся после Нового года русское войско под командованием князя Юрия Токмакова положения дел не изменило. Так, чуток постреляли из пушек – и все. На стены опять-таки никто лезть, похоже, не собирался. Воевода не горел желанием потерять войско, а царю, видно, было сейчас не до Ливонии, хватало и других проблем – интриги, татары, поляки...

Вместе с войском молодой воевода Юрий привез королю Магнусу не очень-то счастливую весть о смерти нареченной невесты, княжны Евфимии Старицкой. Умерла она еще по осени, в конце ноября, от какой-то болезни. Вряд ли от чумы, скорее от гриппа, бронхита, пневмонии... В отсутствие антибиотиков любая подобная болезнь – смертельная.

– Ничего, Арцымагнус Крестьянович, – утешал за вином воевода. – Государь за тебя другую свою племянницу отдает – Машеньку, младшую Евфимии покойной сестрицу.

– Машу? Так она ж еще ребенок совсем! Дите! – Арцыбашев ахнул.

– Так вырастет, – как ни в чем не бывало пояснил князь. – Когда я свою супружницу, Анфису Ивановну, за себя брал, ей и четырнадцати не было. А Маша подросла уже, заневестилась. Красавица стала писаная, приедешь в Москву – не узнаешь.

Воевода Токмаков простоял под стенами Ревеля до весны, а потом махнул рукой да увел войско, видать получив на то указание самого Иоанна Васильевича. Осада Ревеля была снята, и Магнус всерьез занялся обустройством собственного королевства, ибо что еще оставалось делать-то? На Москву-то пока – никак! А ну-ка вернись в Кремле самовольно, попробуй! Правда, теперь вот появился предлог – смотрины новой невесты, обручение... Его величество даже написал своему грозному сюзерену письмо, в котором прямо-таки напрашивался в гости, благо причина имелась веская – юная невестушка Маша! Написал и теперь ждал ответа...

Кроме Оберпалена, царь Иван Васильевич в присланном письме обещал отдать новому королю Дерпт (он же Тарту, он же бывший русский Юрьев), может быть, даже и Нарву, а кроме того – множество мелких крепостей, кои Магнус получил право брать под свою руку самостоятельно. Что и делал.

Среди сельского ливонского народа было распространено католичество, в городах же – протестантизм. Селяне опасались лютеран-цвевдов, горожане же – католиков-поляков с литовцами, Ливонский король оказывал покровительство всем, издав – за несколько лет до Генриха Наваррского – эдикт о свободе веры. Часть земель король даже подарил православной церкви, дав добро на устройство женского монастыря недалеко от Оберпалена, в чаще на реке Пылтсамаа. Монахинь пока набралось только три, да еще пяток послушниц. Игуменьей же была назначена та самая девица Алена. Заняв заброшенную мызу, монахини принялись усердно молиться и, как могли, устраивали быт: заготавливали дрова, мостили единственную лесную дорогу, а ближе к лету намеревались завести и собственную запашку. Денег на посевной материал юная игуменья – с недавних пор вовсе уже не Алена, а матушка Анна – слезно попросила у своего высокого покровителя.

На дворе стоял апрель, уже стаял снег, побежали ручьи, пошла по опушкам первая зеленая травка. Правда, погода покуда не баловала – дующие с моря ветра приносили плотные

серые тучи. Дожди шли каждый день, превратив дороги в разбитое грязное месиво, так что до иных мест было не добраться вообще.

Протянув ноги к недавно растопленному камину, Леонид зябко поежился и потер руки. Вот уже третий день его как-то нехорошо знобило, скорее всего простудился на взморье, объезжая замки своих новоприобретенных вассалов. Лечился сушеными травами и можжевелевой водкой – чем еще тут было лечиться-то? В последнее время Арцыбашев затосковал всерьез, все чаще вспоминая свою прежнюю жизнь в цивилизованном двадцать первом веке. Все думал – вот сейчас бы сходил на какой-нибудь концерт или в ночной клуб, развеялся бы... Здесь же – особенно в ненастье – тоска, тоска, тоска... В такую погоду и носа из замка не высунуть, тем более еще где-то бродит чума! Чума... А вдруг это вот недомогание – это и есть самое начало? Потом усилится кашель, набухнут лимфоузлы и... и все! Кранты! Вот, блин, и поцарствовал...

Порыв ветра швырнул в стекло крупные дождевые капли. Надо бы кликнуть слугу, чтобы закрыл ставни... Или нет, рано еще закрывать – пусть хоть такой свет, серенький. Скоро и вечер, явится в гости кто-нибудь из местных баронов... кто-нибудь – Магнус забыл уже, кого вчера приглашал, да в принципе и не очень важно – кого, лишь бы было с кем выпить да перекинуться словом. В карты можно еще поиграть, опять же. Или закатить бал? Не, не надо – нездоровится все же.

Снова стук. Потом словно чей-то крик... Показалось? Нет, не крик... просто чей-то громкий – на грани крика – голос. Нервный такой, отчаянный, женский... Интере-е-сно, что за даму в гости принесло? Кому в эту такую непогоду не сидится дома? Верно, по какому-то важному неотложному делу пожаловала. Чего-нибудь просить. Ладно, посмотрим...

– Мой король... – как Магнус и ожидал, совсем скоро в дверь почтительно заглянул слуга Петер. – Там, там...

– Ну, говори, не тяни, – чихнув, строго прикрикнул король. – Что ты заикаешься-то?

– Там настоятельница, Алена... ой... матушка Анна, – слуга явно был чем-то удивлен, поражен даже. – Она такая, такая...

– Да зови ж, говорю! Посмотрим, какая она – «такая».

Петер поклонился, ушел.

– Можно, государь?

– Входи, Але... матушка!

Махнув рукой, король повернул голову... и обомлел. Юная игуменья была растрепана и, мягко говоря, не совсем одета – босая, в одной тонкой ночной рубашке, поверх которой – шерстяной мужской плащ государственных – зеленый с желтым – цветов королевства Ливонии. Плащик этот монахини явно дали сердобольные королевские стражи.

– Садись вот к огню, – вскочив на ноги, Леонид сразу же позабыл про собственное недомогание и лично налил гостье бокал вина.

– Я... я не м-могу, – дрожа, отпрянула девчонка. – Нынче пятница – пост.

– Так это не вино – лекарство, – король хмыкнул. – Выпей, а то дрожишь вся. Ну! Живо, кому сказал!

Гостья непроизвольно послушалась, выпила, покраснелась...

– Ну, вот, – удовлетворенно кивнул Арцыбашев. – Теперь рассказывай, душа моя, что там с тобой приключилось?

– Не со мной, господине. С обителью! Напали на нас...

Услышав такое, Магнус грозно сверкнул очами:

– Напали?! А ну-ка давай поподробнее...

Как рассказал игуменья, все началось еще с неделю назад, когда в монастыре (на старой мызе) попросила пристанищ одна местная девушка, крестьянка по имени Ильза. Было ей лет тринадцать-четырнадцать, и явилась она уже глубоко под вечер, босая, с непокрытой головой – видно было, что долго шла лесом: то ли заблудилась, то ли от кого-то бежала.

Она, конечно, исповедовала «папешскую» веру, эта девочка, а может, и того хуже – люте-рову ересь, однако матушка Анна все же не отказала Ильзе в приюте и даже позволила пожить несколько дней, надеясь исподволь расспросить странницу – что же с ней все-таки случилось?

Ильза ничего толком не рассказала, лишь поведала, что из дальних мест, что бежала от чумы на север, к морю, и хотела бы вскоре отправиться в Вик, вот только чуть-чуть отдохнуть...

– Она выглядела больной и неприкаянной, – перекрестясь, пояснила монахиня. – Видно было по всему – идти ей некуда. Такую грех прогонять... вот и мы не прогнали. А сегодня ночью явились воины. Они ворвались на мызу, напали на сестер... Пытались насильничать – мы сопротивлялись, в обители нашлись пищади... Ильзу схватили, сестру Марфу убили... упокой Господь ее душа. Мы же едва вырвались, убежали и долго скитались по лесу, среди болот и ручьев. Пока Господь не вывел на лесную тропинку. О, Пресвятая дева, да за что же нам такой разор!

– Ты говоришь, нападавшие схватили эту девушку, Ильзу? – задумчиво уточнил король. – Так не за ней ли явились? Может, она беглая?

– Может быть, – инокиня снова перекрестилась. – Но, милостью Божией, мы должны были дать ей приют.

– Хорошо! – поставив опустевший бокал на стол, Магнус поднялся на ноги. – Не печалься, сестра. Я сам займусь этим делом.

Ну, конечно – сам! А больше и некому было. Королевство-то маленькое, к тому же – свежеиспеченное, новое, людей, которым мог бы полностью доверять – мало. Одного такого – Анри Труайя – пришлось отправить под Ревель с разведкой, второй – Альфонс – осматривал южные замки, третий... Для каждого находилось дело, заранее распланированное монархом. А то, что не запланировано... Ну, кого еще послать на старую мызу, не Петера же!

Небольшой королевский отряд выехал из замка Оберпален уже на следующее утро, едва рассвело. Небо все так же заволакивали тучи, уже, слава богу, не столь плотные, как вчера. Тут и там посреди серого жемчуга проглядывали голубые заплатки, сквозь которые все чаще показывалось солнышко. Когда добрались до мызы, уже и совсем стало чудесно: начало припекать, били в глаза солнечные лучи, золотили вершины деревьев.

А посреди веселой, залитой солнцем поляны зияло чернотой пожарище.

– Господи... – глянув на дымящиеся головешки – все, что осталось от обители-мызы, – юная игуменья сползла с седла и заплакала. – Господи, Пресвятая дева... Хорошо, что мы не взяли с собою сестер. Хорошо, что они этого не видят... Господи-и-и-и-!!!

– Не плачь, сестрица, – спешившись, утешил король. – Обитель отстроим, деньги есть. А тех, кто это все совершил, отыщем и строго накажем. Чтоб другим неповадно было, вот так! Эй, парни... – он повернулся к свите. – Что застыли? А ну, осмотрите здесь все.

Леонид и сам принял активное участие в осмотре, стараясь заметить любую, даже, казалось бы, самую малозначительную мелочь. Вон тут – трава примята, здесь – в лужах разбрызгана грязь и следы копыт... И обгорелые кости... останки...

– Копайте могилу, – приказал король.

Юная матушка Анна уже больше не плакала, лишь кусала до крови побелевшие губы.

Арцыбашев велел обшарить весь прилегающий лес, осмотреть все тщательно, прочесать да расспросить местных крестьян – не объявились ли в лесу разбойники или какие иные воинские люди?

Воинских людей в окружающих лесах не оказалось – еще бы, везде стояли войска короля! Зато в окрестных замках проживали местные бароны – по отзывам крестьян, сущие разбойники. С баронами у Магнуса отношения были сложные. С одной стороны, те принесли ему вассальную присягу, но с другой, цена таких клятв в это время была – копейка. Да что там копейка – пуло медное! Меньше, чем полпирога, да не с мясом, а с какой-нибудь там капустой или грибами. Конечно, открыто бароны против нового короля не выступали, но тайком погля-

дывали каждый в свою сторону: католики – на Польшу, точнее на Речь Посполитую, лютеране же – на Швецию. Престарелый польский король Сигизмунд-Август особенно в ливонские дела не вмешивался, дышал, как говорится, на ладан, и вся польско-литовская знать погрязла во внутренних разборках. А вот Швеция после прекращения датской войны крепла и богатели с каждым годом. И Ливонию за государство не считала!

Многие католические бароны, завистливо глядя на ревельцев, быстренько переходили в лютеранство да принимались грабить окрестные церкви, на что духовные лица (частенько не отличимые своими повадкам от тех же баронов-разбойников) постоянно жаловалось Магнусу, и тот вынужден был время от времени посылать часть войска давать строптивым феодалам укорот.

Так что с баронами нужно было держать ухо востро! Те еще были бароны... настоящие феодальные сволочи!

Вскоре отправленные на поиски люди явились с докладом. Отыскали мало что – лишь следы копыт да кусок зацепившейся за кусты малинника ткани, похожей на обрывок плаща. Голубой, с серебристыми шитьем лоскуток.

– Доброе английское сукно, – с ходу заценил Петер. – Не в каждом доме такое найдется, скажу я вам. Только в очень зажиточном... или в каком-нибудь замке.

– А какой тут у нас замок поблизости? – с интересом разглядывая лоскут, поинтересовался Магнус.

– Эльзер, ваше величество, – Петер задумчиво почесал за ухом. – Владение барона Альбрехта фон Эльзера. У них там чересполосица с соседом, фон Осовски, война.

– Воюют, значит...

– Воюют, мой король!

– А ведь оба мои вассалы. Эх-х... Ладно, – подумав, король неожиданно для всех улыбнулся. – Собирайтесь-ка, друзья мои, в гости. К этому самому Альбрехту... Не-не, всех не возьму. Ты, Петер, и вы – сопроводите матушку игуменью обратно в мой замок.

Замок Эльзер, стоявший на крутом берегу реки Пылтсамаа, издалека производил вполне респектабельное впечатление – высокие башни, могучие стены, глубокий ров с подъемным мостом. На главной башне – донжоне – гордо реял голубой стяг с серебряным единорогом и красными ливонскими крестами – родовой греб баронов фон Эльзеров. Все казалось таким красивым, мощным, поистине рыцарственным... издали.

Однако как только король со свитой подъехали ближе, впечатление тотчас же изменилось. Оказалось, что ров не так уж глубок, подъемный мостик прогнил, стены требовали ремонта, а грозные с виду башни напоминали пизанскую... ту самую, падающую.

Тем не менее хозяин замка держался весьма напыщенно и гордо: несмотря на захудалое родовое гнездо, воинов у него имелось в достатке – все крепкие парни, верно бродяги, живущие разбоем и береговым правом. Впрочем, отряд для участия в войне барон выделял исправно, и с этой стороны никаких претензий к нему не было.

– О, ваше величество, поверьте, я так рад, так рад...

Альбрехт фон Эльзер вовсе не выглядел таким уж радостным – худой и высокий, обликом своим он чем-то напоминал ожившую железнодорожную шпалу, узкое же лицо его с большим кривым носом делало барона похожим на коршуна. Нет, не выражало это лицо никакой особенной радости по поводу приезда высокого гостя. На тонких губах играла надменная усмешка, а бесцветные, глубоко запавшие глаза смотрели настороженно и злобно, словно бы спрашивали – и чего это вы все сюда приперлись? За каким чертом?

– Вообще-то мы ехали по делам... но вот решили заглянуть, раз уж по пути, – поднимаясь по лестнице в башню, болтал Арцыбашев. – Ну, показывайте свой замок, барон! Вижу, на его ремонт требуются средства... Изыщем!

А вот эта фраза барону явно понравилась, он повеселел и даже пошутил что-то насчет своих бездельников – крепостных крестьян, только и думающих, как бы обмануть своего доброго радетеля-хозяина да поохотиться в его лесах, половить в его омутах рыбу.

– Пару таких поймал уже, одного вот повесил, – рыцарь с мрачным удовлетворением кивнул на установленную на башне виселицу с болтающимся полуразложившимся трупом, источавшим столь мерзкий запах, что высокий гость не выдержал и закашлялся, зажав нос рукою.

– И как вы это выдерживаете, барон? Я о запахе...

– Привычка, ваше величество. Всего лишь воинская привычка.

Глянув на повешенный над входом в донжон щит с гербом хозяина – серебряный единорог на лазоревом поле – Арцыбашев тут же вспомнил про найденный лоскуток. Тоже голубой, с серебристой нитью. Плащ дорогой, Петер совершенно правильно заметил. А замок не очень-то презентабелен. Значит, такими плащиками здесь разбрасываться не будут, ими гордятся, берегут – заштопают, не выбросят, точно. Значит, это барон Альбрехт фон Эльзер напал и сжег обитель! Вряд ли в том можно было бы сомневаться, хотя... лучше бы взглянуть на порванный плащ.

– Вы устроите для меня смотр всем вашим людям, барон?

– Охотно, мой король. Пока повар готовит обед. Тотчас же!

По велению барона утробно затрубил рог, и все свободные от сторожевой службы воины выстроились на обширном дворе, надо отдать должное – довольно-таки быстро. Около сорока человек, в принципе не так уж и мало. У половины – тяжелые мушкеты с граненым стволом, остальные – с алебардами, в черненых латах. Такие доспехи лет сто назад стоили целое состояние, но с тех пор как их начали производить массово, на мануфактурах, потеряли в качестве, резко подешевели и были по карману любому ландскнехту. От мушкетной пули не защищали, но вот от аркебузной, тем паче – от шальной стрелы... меча, палаша, сабли...

– Молодцы! – обходя строй, с показным удовольствием кивал Леонид. – И вооружены достойно, и... – он присмотрелся к молодому латнику. – Чего ж у него прореха-то на плаще?

– Вражеская пуля, мой государь, – цинично пояснил хозяин замка. – Что же, прошу в трапезную, отобедать.

Проникающие сквозь узкие окна-бойницы полоски света выхватывали из сумрака залы уставленный яствами стол и висевшие по углам доспехи, в коих плясали оранжево-желтые сполохи только что зажженных свечей.

Отказаться от обеда было бы не просто не вежливо – это был бы знак опалы и королевской немилости. Арцыбашев хорошо понимал это, как и то, что совершенно правильно поступил, не взяв с собой в замок свидетельниц – Анну и ее оставшихся в живых монахинь. Латное войско, мушкеты и собственный замок создают опасную иллюзию вседозволенности и силы. Не надо провоцировать барона на мятеж! Лучше вызвать к себе, в Оберпален, а уж там... Там можно будет и арестовать и судить... Да-да, вызвать. А буде дерзнет не явиться – разрушить замок пушками. Запросто! Именно так.

Как водится, обед затянулся до позднего вечера, когда уже поздно было пускаться в обратный путь. К тому же начался дождь, настоящий нескончаемый ливень. Подумав, Магнус прямо на глазах у барона фон Эльзера отправил в Оберпален гонца, чтоб не волновались и не искали своего короля. Вернее, чтоб в случае чего знали, где искать. Барон так и понял. Ухмыльнулся:

– Ваше величество, я велю постелить вам в гостевой зале... Или можете занять мою опочивальню. Как пожелаете.

Король пожелал гостевую залу. Не в чужой же кровати спать!

Спалось, к сожалению, плохо. Из подвалов замка, проникая сквозь все перекрытия, доносились самые ужасные крики – видать, палач барона пытал там провинившихся крепостных, как это было принято повсеместно в Польше, Литве и Прибалтике. На Руси, кстати, еще до

полного прикрепления крестьян к земле и ее владельцам не дошло. Еще существовал Юрьев день, во время которого можно было сменить барина, уйти, заплатив «пожилое».

А ближе к утру из боярской опочивальни над головой гостя вдруг послышался девичий визг, настолько истошный и пронзительный, что Арцыбашев не выдержал, вскочил, наскоро одеваясь. Оно, конечно, даже королю не пристало вмешиваться в личные дела вассала, но Леонид-то был из двадцать первого века, где к женщинам все ж таки относились немножечко по-другому, нежели в сии патриархально-дикие времена. А наверху, похоже, кто-то били...

Схватив шпагу, молодой человек в три прыжка преодолел винтовую лестницу и, толкнув приоткрытую дверь, оказался в опочивальне барона. Картина, открывшаяся взору Леонида, оказалась настолько гнусной, что гость едва не убил хозяина замка тут же, сейчас, едва не проткнул шпагой, да только фон Эльзер успел отскочить, бросив в лицо нападавшему окровавленную треххвостую плетъ, коей до того истязал привязанную к стоявшей у стены лавки девчонку. Нагую спину несчастной покрывали свежие кровоточащие рубцы, все худенькое тело ее дрожало от только что перенесенных страданий.

– Это, я так понимаю, некая Ильза? – кивнув на девчонку, нехорошо прищурился король.

Фон Эльзер схватил висевший на стене палаш и скривился:

– Вы суετε свой нос туда, куда не нужно, ваше величество... Впрочем, теперь уж можно не ждать до утра и начать сейчас...

– Чего не ждать? – выкрикнув, Арцыбашев тут же нанес удар, совершив прямой выпад, как учил его Труайя.

Острые королевской шпаги разрежало тонкую рубашку барона, на белом полотне показалась кровь. Тускло сверкнул палаш, оружие куда более убойное, нежели шпага... однако и коротковатое.

Отбив контратаку, Леонид вновь совершил резкий выпад – только так и можно было достать садиста барона, управлявшегося с палашом весьма ловко.

И снова контратака! И снова молнией сверкнул палаш, и его разящее лезвие опустилось на правое плечо короля... опустилось бы, коли б Анри де Труайя не оказался хорошим учителем, а Леонид – усердным учеником.

Уходя из-под сокрушительного удара, молодой человек резко отскочил влево, одновременно подставляя клинок так, чтоб не дать нападающему изменить угол атаки.

Звон, отбив, отводка. И снова атака – выпад, укол...

И летящий в грудь широкий клинок палаша. Отбив! Звон! Отскок вправо, выпад. Теперь вес тела на левую ногу... Дага! Черт побери – дага! Воспользоваться висевшим на поясе кинжалом – в те времена без него и не мыслилось фехтование. А Леонид вот забыл. А теперь – вспомнил. И, приняв на кинжал очередной удар, снова бросился выпадом... И не промахнулся! Угодил в правую руку садиста.

Барон побледнел. Звоня, упал на пол палаш.

– А ну, стоять! – раздалось с лестницы.

В опочивальню ворвались дюжие молодцы с аркебузами, алебардами и мечами. Ухмыляясь, они живо окружили гостя, вопросительно поглядывая на хозяина.

– Позвольте вашу шпагу, мой король! – держась левой рукой за окровавленное предплечье, издевательски прищурился фон Эльзер. – Боюсь, вы проиграли. Только прошу вас, не надо сверкать глазами. Вчера вы король, а ныне... Шпагу, я сказал! Гаспар, прими...

Матерно выругавшись по-русски, Арцыбашев бросил шпагу на пол и, гордо скрестив руки, вышел из опочивальни в сопровождении окружившей его стражи. По приказу барона, избитую девчонку отвязали от скамейки и потащили туда же, куда повели и плененного короля – на верхнюю площадку угловой башни... к установленной там плахе – увесистой деревянной колоде, возле которой невозмутимо прохаживался мускулистый детина с топором на плечах. Палач!

За серыми стенами замка уже брезжил рассвет, алело, светлея на глазах, небо, и первые солнечные лучики, еще дрожащие, робкие, золотили вершины высоких сосен, росших невдалеке, за рвом.

Леонид закусил губу. Они что же, всерьез собираются его казнить? Казнить своего короля, титулованную особу?! Брр... Повторять судьбу Карла Стюарта и Людовика Шестнадцатого как-то не очень хотелось... Нет, в самом деле? Все всерьез?

– Нет, ваше величество, это пока не для вас, – поднявшись на башню, хозяин замка гулко расхохотался и указал пальцем на развевавшийся рядом флаг. Нет, не с единорогом. На темно-голубом фоне сверкали в лучах рассвета три золотые короны – «тре крунер» – герб королевского дома Швеции!

Так вон оно в чем дело... Предательство!!! Теперь ясно, откуда денежки на оружие и экипировку.

– К сожалению, мы вас не казним, мой король, – продолжал издеваться барон, – мы казним ее, – он кивнул на девчонку. – Чтоб потом не стала свидетельницей... да и вообще ей давно пора на тот свет. Кстати, местные крестьяне узнают, что ее казнили по приказу короля... скажем, за кражу! Корону у вас хотела украсть, чертовка такая. А вас мы отвезем... Я послал вашего слугу – моего преданного человека – с письмом от вас же. О том, что вы задержитесь у меня еще на три дня. Этого вполне достаточно, чтобы... Впрочем, узнаете все по пути. Начинайте!

Фон Эльзер махнул рукой палачу. Слуги сноровисто положили на плаху девчонку с окровавленной спиной... Ильзу.

– Подождите! – воскликнул король. – Я могу... могу заплатить за нее. Очень и очень много!

– Боюсь, мы не нуждаемся в ваших деньгах, мой король, – хозяин замка галантно склонил голову. – Уже очень скоро и так вся ваша казна будет нашей. Давайте...

– Подождите! – на этот раз дернулась девушка. – Можно мне... ну, поглядеть на свою родину в последний раз. Помолиться.

– Что ж, помолись, дочь, – под общий смех милостиво кивнул барон. – Только недолго. И не забудь поблагодарить Господа за то, что мы всего лишь отрубим тебе голову. Ты и ощутить ничего не успеешь, Гуго настоящий мастер. А вот если б приказал живьем содрать с тебя кожу...

Подойдя к самому краю площадки, девушка опустилась на колени и принялась молиться. Потом встала, глянула на петлявшую внизу реку... и вдруг, резко оттолкнув стражника, перевалилась через зубцы, прыгнула!

– Куда ты, дура?! Бог не жалуется самоубийц...

– Может, она умеет хорошо плавать, господин барон? Там же река!

– Там болото, дурни! Мы даже тела не найдем. А до реки ей не допрыгнуть – не птица.

Барон Альбрехт фон Эльзер оказался прав. Девчонку так и не нашли – утонула ли она в трясине, или все-таки повезло – сбежала. Да, честно говоря, толком и не искали – не больно-то сильно эта простолюдинка была кому-то нужна. Как понял Леонид из разговоров стражников, барон просто решил воспользоваться правом первой ночи, вот слуги и натащили в замок крепостных крестьянских девок, будущих невест, дабы всемогущий хозяин позабавился с ними по очереди, а потом бы отдал слугам. Так поступали многие, крепостных эстов никто за людей не считал. Так вышло и в замке Серебряного Единорога, со всеми, кроме особо упертой девчонки – Ильзы. Та, зараза, посмела сбежать, чем бросила оскорбительный вызов своему всемогущему в здешних местах господину, за что и поплатилась. Да не только сама беглянка, досталось еще и монастырю... и сам его величество король Ливонии угодил в плен, позорно и глупо! Сам же в ловушку и явился, спаситель, блин...

Ругая себя последними словами, конвоируемый зоркими стражами пленник спустился в большую лодку, которая тут же отчалила. На веслах сидело четверо, один дюжий молодец с заряженным кавалерийским пистолем в руках разместился на носу лодки, и еще двое других – на корме, рядом с королем, руки которого были без всякого почтения связаны за спиной грубо пеньковой веревкой.

– Счастливого пути, ваше величество! – ухмыляясь, издевательски напутствовал фон Эльзер. – Надеюсь, вам понравится небольшая морская прогулка.

Сплюнув, Арцыбашев опустил голову. Морская прогулка... Вот, значит, как. Значит, барон решил передать (а скорее, продать) его шведам. Что, на этой лодочке до самого Стокгольма и поплывут? Да нет, скорее всего, на ней только до моря, а там будет ждать судно. До шведской столицы не так уж и далеко... но еще ближе – до Ревеля, а он ведь нынче тоже шведский. И что теперь делать? Бежать? Хм... если б это было возможно! Леонид вздохнул, исподволь посматривая на стражей.

Ясное апрельское солнышко уже золотило берега, но до самой реки еще не добралось. Да и вообще, не так и давно сошел лед, еще попадались плывущие среди темной воды льдины. Холодно! Не нырнешь, а нырнешь, так не выплывешь... Бедная Ильза!

Никаких крупных судов по пути не попадалось, так, мелькнули пару раз несколько рыбацких челноков, да и те у противоположного берега. Лодка с высокопоставленным пленником пробиралась сноровисто, быстро, как видно, люди барона прекрасно знали фарватер. На обед причалили к пустынному берегу, осторожно пробираясь меж подводных камней. Костра не зажигали, наскоро перекусили и пустились в путь дальше. Стражники, щурясь, поглядывали в голубое, с бегущими серыми облаками небо, гадая, будет или не будет дождь. Пару раз и впрямь покапало, правда, не долго – поднявшийся ветер быстро разогнал тучи. Однако он же поднял и большую волну, плыть стало заметно труднее, и дальше лодка продвигалась куда как медленнее и пристала на ночлег к небольшому, вытянутому в длину островку, густо поросшему ольхой и плакучей, клонящейся к самой воде ивой с пахучими, только что лопнувшими почками.

Спрятав лодку в камышах, расположились в заранее подготовленном кем-то шалаше, а для знатного пленника разбили небольшую палатку, точнее сказать – просто натянули плащ, вкопав в землю колышки.

Здесь, на островке, старший – рыжебородый парень, тот, что все время сидел на носу с пистолем – наконец разрешил разжечь костер, что и сделали, а иначе ночью замерзли бы.

Даже с таким небольшим костерком ночевалось куда веселее, тем более кто-то из стражников успел наловить рыбы, которую тут же и поджарили на углях, не забыв угостить и знатного пленника. Правда, на ночь ему все же снова связали руки, опасаясь, как бы не сбежал. Ага, сбежишь тут – вплавь по студеной водичке!

Никто с королем не разговаривал, видать, было не велено, все попытки старший сурово пресекал. Парни даже не отвечали на прямые вопросы Магнуса, и тот скоро перестал их задавать. Да и что спрашивать-то? И так все было ясно, тем более на обещанную пленником в обмен на его освобождение крупную сумму стражи не соглашались, как видно, опасаясь мести барона. А может, у них имелись и какие-то свои причины ненавидеть ливонского короля... или, скорее, русских, чьим вассалом ливонец был. Как бы то ни было, а бежать или подкупить стражей не представлялось возможным. По крайней мере пока...

Что произошло на рассвете, провалившийся в зыбкий зябкий сон Арцыбашев сказать не смог бы. Просто откуда ни возьмись появились, вынырнули из тумана какие-то люди с рогатинами, топорами, дубинами, с коими, надо сказать, они управлялись весьма ловко – старший страж не успел сделать и выстрела, так и рухнул в воду с проломленной головой. Следом за ним полегли и остальные... впрочем, нет, пара воинов все же сумела ускользнуть, бросившись в холодную реку. Ушли... но выплыли ли – вот вопрос!

Все произошло настолько быстро, что Леонид не успел ничего понять. Едва протер глаза, как его уже выволокли из палатки, приставили к шее широкий крестьянский нож. Два бугая, один с рыжеватой густой бородой, другой бритый. Оба осанистые, широкоплечие, чем-то похожие, видать братья. Бритый – лет двадцати пяти, с бородой – годков на пять – десять постарше. Оглянувшись, бородатый что-то прокричал на неведомом языке, показывая на связанные руки пленника.

Отвлечшись от осмотра убитых, к Магнусу подошел высокий чернобородый мужчина в богатом плаще поверх крестьянской робы и с коротким мечом на поясе. Уверенный взгляд серых решительных глаз, узкое лицо, рваный шрам на левой щеке – все выдавало опытного рубаку, разбойника – ну, кого же еще-то? Ничего удивительного, подобных шаек в Ливонии хватало с начала войны. Куда удивительней было другое – как это так вот опростоволосились люди барона Эльзера? Небось, тоже весь считались опытными... И что?

– Кто ты? – по-немецки спросил чернобородый. – Вижу, они захватили тебя в плен? Зачем? Ради богатого выкупа?

– Я – король Магнус Ливонский! – Арцыбашев тотчас приосанился, стараясь держать себя с истинно королевским величием. – Освободите меня немедленно, помогите добраться в Оберпален – и получите достойную награду!

– Слушаюсь, ваше величество! – неожиданно гаркнул разбойник. – Слушаюсь и повинуюсь! Куда, вы говорите, вас доставить? В Оберпален? А почему не сразу в Москву? Вы только прикажите, мы все сделаем.

Слова атамана потонули в громовом хохоте.

Издевается, догадался Магнус.

– Может, проломить ему голову или утопить? – предложил кто-то. – Боюсь, мы устанем ждать выкупа, Эйно.

– Проломить ему башку мы всегда успеем, – чернобородый задумался и повелительно махнул рукой. – В лодку его. Заберем с собой, а там подумаем, что с ним делать. Судя по связанным рукам, барон фон Эльзер ненавистен этому парню ничуть не меньше, чем нам.

– О, да, да! – воспрянул духом пленник. – Ненавистен!

На этот раз лодка поплыла в противоположную сторону – к замку. Плыли часа три, и после полудня причалили к левому берегу, где еще с полчаса шли пешком по узкой звериной тропе, пробираясь меж болот и среди густого смешанного леса. Кое-где на ветках деревьев виднелись разноцветные лоскутки и заломы – условные знаки, дабы не утонуть в трясине.

По пути никто из разбойников – а было их, включая бородатого атамана, дюжина – не проронил ни слова, даже чернобородый молчал. Руки пленнику развязали, но дали понять – ежели что, пригвоздят рогатиной живо, только попробуй, рванись в побег. Арцыбашев и не рвался – угроза была серьезная, а эти угрюмые, одетые в рубища парни представлялись народом опытным и битым. Зачем-то понадобился им пленник... Зачем?

Петлявшая меж могучих дубов и буков тропа постепенно расширилась, вбирая в себя другие тропки, так что в случае нужды можно было проехать и конному. Да ведь и ездили – присмотревшись, Арцыбашев заметил под ногами следы копыт.

Резко посветлело, и тропинка вывела путников на большую, залитую солнцем поляну, поросшую первой зеленой травкой и мать-и-мачехой. На поляне, посреди больших, крытых лапником шалашей, горел костер, на котором жарилась целая туша вепря. Вокруг костра обреталась толпа самого разнообразного люда, в большинстве своем – молодого, от безусых юнцов до вполне уверенных взрослых мужиков в суконных крестьянских шапках. У каждого на поясе висел нож, а кое у кого – и палаш, и даже татарская сабля.

– Хэй, Эйно! – увидев показавшийся из леса отряд, все радостно завопили.

– Эйно! Эйно пришел!

– Удачно сходили. Все наши живы!

– Эй, Эйно, как дела? А это кто с вами?

Пропуская атамана к костру, толпа почтительно расступилась.

– Ты, ты и ты – живо к реке, следите за лодками барона, – останавливаясь, быстро распорядился чернобородый. – Посматривайте зорко и, ежели что, дайте знать...

Дальше атаман снова перешел на какую-то незнакомую речь. Наверное, говорил по-эстонски. После чего повернулся к Леониду и сделал приглашающий жест:

– Прошу в мой шалаш. Там и поговорим. Заодно и пообедаем.

Шалаш разбойничьего атамана больше напоминал партизанский блиндаж, устроенный в расчете на возможный минометный обстрел и бомбежки с воздуха. Этакая полужемлянка с крышей из увесистых, в три наката, бревен, вероятно – для тепла. Земляные стены были укреплены бревнами потоньше, имелся и обложенный круглыми камнями очаг, и грубо сколоченный стол, и устланные лапником лавки. Дневной свет проникал через отверстие сверху, туда же, судя по саже, выходил и дым.

– Садись, – кивнув на лавку, повелительно бросил атаман. – Так, говоришь, ты король?

– Именно так!

– Тогда я – эзельский епископ! – рассмеявшись, хозяин блиндажа вдруг звезданул кулаком по столу. – Смотрю, ты шутник. И это неплохо. Я сам люблю пошутить.

В серых глазах атамана отражался трепещущий лепесток только что зажженной свечи.

– Я бы мог приказать пытать тебя, – понизил голос разбойник. – Однако не вижу смысла. Мне достаточно того, что кровопийца фон Эльзер – твой враг. Он враг и мой. И на этом мы сойдемся. Молчи! Говорить буду я, ты слушай. Ты – воинский человек, рыцарь или наемник – судя по одежке, не из последних. Именно такой мне и нужен – опытный в воинских делах. Мои люди – простые крестьяне и пока мало что умеют. Ты научишь их всему, что знаешь сам. И научишь быстро – за неделю, больше времени у нас нет. Видишь ли, я собираюсь штурмовать замок барона.

– Замок? – Арцыбашев удивленно вскинул брови. – Штурмовать?!

– Именно, – гулко расхохотался атаман. – Осаждать его мне некогда. Взять штурмом. И сжечь! Ты поможешь мне в этом. Уже сегодня начнешь. И получишь награду: пятая часть добычи – твоя! Слово Черного Эйно!

– Черный Эйно... – Леонид честно пытался вспомнить, где уже слышал это имечко... да и слышал ли?

– Да, Черный Эйно. Так меня называют друзья... и враги.

Со всеми предложениями разбойничьего вожака Арцыбашеву пришлось согласиться – деваться-то было некуда. Не то чтоб он всерьез считал себя великим знатоком средневекового воинского искусства, просто кой-чего нахватался от общения с ландскнехтами и с тем же Труайя, кое-что уже умел, кое-что знал.

Подкрепившись только что поджаренной дичью, Леонид приступил к своим новым обязанностям. Первым делом следовало научить молодых крестьянских парней обращению с огнестрельным оружием, а также – по возможности – хотя бы немного фехтовать, вернее – наносить и парировать удары саблей и палашом. Холодного оружия, насколько успел заметить плененный король, у разбойников имелось в избытке, из огнестрельного же было три фитильных мушкета и парочка аркебуз.

– Ничего толкового вы ими не сделаете, – честно предупредил молодой человек. – В огнестреле главное – залп! Чем больше мушкетов, тем лучше. Одиночный выстрел – пустой, не попадете никогда, даже не думайте.

Тем не менее учить все же пришлось.

– Сначала пороховой заряд... потом – пыж... потом – пулю... Теперь из малой пороховницы – затравочный заряд, вот сюда, на полочку... Фитиль тлеет? Отлично. Вводим курок... Целимся... то есть я хотел сказать – направляем ствол в нужную сторону... ага! Пли!

Разом бабахнули выстрелы. Вспорхнули, гомоня, сидевшие на вершинах елей вороны.
– Ну вот, как-то так... – развел руками Лёня. – Сами не покалечились – и то удача.

Хорошие оказались парни. Понятливые. Особенно один – юный, лет, наверное, шестнадцати, но высокий, с длинными выющимися локонами цвета спелой пшеницы и пронзительными голубыми глазами. Звали парня Яан, Черному Эйно он приходился племянником.

На следующий день, ближе к вечеру, атаман посвятил Магнуса – так «наемника» и называли, правда, в его королевское достоинство не верили – в планы штурма баронского замка.

– Перекинем доски, на телегу – бревно. Разгоним, ударим бревном по воротам... Ворота старые, не выдержат.

– Стоп, стоп, стоп, – Леонид замахал руками. – Я так вот, чисто виртуально, на словах, не могу. Давай хоть план замка-то нарисует. Изобразим, хоть углем на столе.

– Углем так углем...

Черный Эйно махнул рукой. Нарисовал, как смог, впрочем – довольно толково. Сразу стало понятно – где какая башня, где река, где ворота.

– Это вот ров, – чертил атаман дальше. – А это болото. Тут выше – ворота, совсем-совсем хиленькие, да к ним не подобраться – трясина, а за нею река.

Арцыбашев сразу прикинул – это место было ему хорошо знакомо. Именно на эту башню его и привели, именно оттуда прыгнула та несчастная девочка – Ильза.

А башня-то, между прочим – пизанская... Хороший пороховой заряд, и...

– Слышь, Эйно. У вас порох – в достатке?

– Да есть. А надо будет, так еще подгребем. Да что ты задумал?

– Сюда вот смотри.

Разбойники – или все же восставшие крестьяне? – пользуясь густым утренним туманом, подобрался к замку барона-предателя так близко, насколько могли. Леонид хорошо видел маячивших на башнях стражников, даже можно было во всех подробностях разглядеть приколоченный над воротами герб. А вот флага на главной башне не было – один раз похвастав, фон Эльзер все же решил не дразнить раньше времени гусей.

Оси крестьянских телег заранее смазали дегтем, колеса же обмотали тряпками – так что ничто не скрипело, и ни одна лошадь не всхрапнула, не заржала – вместо коней крестьяне-разбойники впряглись в возы сами. И сейчас тянули, поспешая, стараясь успеть до того, как весеннее солнце растопит туман.

Успели. Встали на круче, подобрался почти к самому рву. По цепочке передали атаманский приказ. Покатила, набирая скорость, телега с огромным, из могучего дуба, бревном. Обгоняя ее, побежали дюжие молодцы с досками, швырнули, бросили доски, перекрыв узенький, давно не чищенный ров. Парней, конечно, заметили – в замке тревожно затрубил рог. Однако было уже поздно – разогнанная телега, пролетев по доскам, ударила бревном в ворота, сразу же расколошматив их в щепки.

За телегой бросились воины с дубинами, палашами, мечами...

– Целься! – приказал укрывшийся за кустами Леонид.

Отряд стрелков направил мушкеты и аркебузы на площадку надвратной башни, выступавшей из низко стелющегося тумана подобно вершине айсберга. Что ж, цель крупная, расстояние небольшое, вполне могли и попасть...

Арцыбашев махнул рукой:

– Пли!

Грянул залп. Тяжелые мушкетные пули разнесли в клочья укрепленные на зубцах башни щиты, буквально сметая стражников.

Парни обрадованно переглянулись. Магнус довольно потер руки и громко приказал:

– Заря-жай!

Молодцы действовали проворно, не зря учил! Хватило и недели – было б желание, а желание у беглых крестьян, ненавидевших своих притеснителей до скрежета зубовного, имелось.

Управились сноровисто, словно заправские мушкетеры.

– Первый номер к стрельбе готов!

– Второй готов!

– Третий...

– Расчет готов, господин капитан! – громко доложил Ян.

Капитаном они почему-то прозвали Магнуса. Может, нравилось, чтоб по-военному было? Кто знает.

Ветер развеял пороховой дым, разнес клочья тумана.

– Целься... Пли!!!

Снова залп. На этот раз, правда, не такой удачный – стражники вовремя попрятались, да и вообще вели себя куда осторожнее. Тем более часть восставших (или все же разбойников?) уже ворвалась в замок и завязала бой во дворе. Туда и следовало теперь направляться. Только бы Черный Эйно не забыл про телеги с порохом!

Леонид оглянулся: нет, не забыл – возы уже катились через ров к захваченным нападавшими воротам.

– Заря-жай! На пле-чо! На пра-во... Шагом... арш!

Ух, и молодцы! Настоящие солдаты. Еще только песни строевой не хватает... типа «У солдата выходной, пуговицы в ряд!». Увы, не до песен сейчас, не до песен...

Ветер неумолимо уносил туман, огрызаясь, со стен замка уже ударили пушки. Пальнули на острастку – в белый свет, как в копеечку.

Добравшись во двор замка, Арцыбашев, не обращая особого внимания на завязавшуюся – с хрипами, звоном клинков и кровью – сватку, принялся распоряжаться закладкой пороховой мины. «Падающая башня», говорите? Ну что же, пусть падает! Пусть упадет... грохнется...

– Все готово, господин капитан!

– Эйно! – улучив момент, крикнул крестьянскому вожаку Лёня.

С ходу срубив подбежавшему кнехту голову длинным двуручным мечом, атаман обернулся и кивнул – пора!

– Поджигай! – распорядился Магнус. – Да не стойте вы, прячьтесь! Сейчас рванет так, что...

Он не успел договорить, успел лишь броситься навзничь. Рвануло так, что все на какое-то время оглохли. Наклоненная к болоту башня вздрогнула, пошатнулась... и с грохотом и пылью повалилась в ров. К ней, через реку, уже переправлялись восставшие...

С внутренней защитой замка было покончено. Остался лишь донжон – главная башня, которую тотчас же обложили порохом. Черный Эйно вовсе не собирался брать пленных...

– Поджигай!!!

И снова едва успели попрятаться. Рвануло. Грохнуло.

Дым столбом! Шок!

Тяжело осев, башня с невероятным грохотом развалилась, рухнула под ликующие крики крестьян, похоронив под своим обломками весь род ненавистного барона.

– Победа! – радостно орали парни с улыбками на чумазых лицах. – Да здравствует свобода! Смерть проклятым рыцарям! Смерть!

На редкость легко все вышло, Леонид даже не ожидал. Да что говорить – обмишурился господин барон, слишком уж презрительно относился он к беглым крестьянам, считая их за негодное к войне сиволопое работное быдло. Вполне искренне так и считал, как и многие феодалы. И просчитался!

Добравшись до кельи писцов, расположенной недалеке от ворот, крестьяне азартно жгли долговые расписки и закладные грамоты.

– Эйно, там какие-то люди! – когда пыль улеглась, закричал забравшийся на воротную башню Яан. – Войско! Большое войско, с флагами...

– Что за флаги?

– Ливонские, желто-зеленые.

– В лес, живо...

– Не успеем, – Черный Эйно быстро оценил изменившуюся обстановку. – Все – не успеем. Их нужно задержать... Стрелки!

– Мы готовы!

– Я обещал тебе часть добычи, капитан Магнус, – атаман посмотрел на Леонида и развел руками. – Увы! Уходите... Я лично прикрою отход.

– Если разрешишь, я тоже останусь, – резко возразил Арцыбашев. – Там, в писчей, случайно не остались бумаги, чернила, перья?

Кто-то из крестьян улыбнулся:

– Сколько хочешь, господин капитан. Там этого добра...

– Тогда пошли, Черный Эйно!

– Пошли? Зачем? Мои люди...

– Можешь их отправить, а можешь и нет... – Леонид отмахнулся. – Им ничего не грозит, смею тебя уверить. Так где чернила?

Атаман все же отправил своих людей, остальным же велел срочно занять оборону.

– Только пусть раньше времени не стреляют, – окунув в яшмовую чернильницу перо, предупредил Арцыбашев. – Смею думать, мы договоримся миром.

Черный Эйно сжал кулаки:

– Что ты там такое пишешь, господин капитан?

– Это ты теперь капитан, а я – король! – засмеялся Лёня. – На, возьми. Это капитанский патент, а ты со своими людьми нынче на королевской службе.

– Но...

– Никакие вы не беглые, а солдаты ливонской королевской армии!

– Солдаты? Ну-ну... – крестьянский вожак покрутил пальцем у виска и, резким движением руки перехватив висевший на боку «капитана» палаш, крикнул своим: – Хватайте его! Вяжите. А там поглядим.

– Зря, – спокойно протягивая руки, возразил Магнус. – Все равно ведь придется отпустить.

– Эйно! – Яан снова закричал с башни. – У них пушки, Эйно! Сейчас будут стрелять.

Со стороны рухнувшей в болото башни к вожаку подбежал какой-то парень, что-то сказал...

– Что еще за девчонка? – хмуро переспросил атаман. – Откуда она взялась?

– Говорит, пряталась где-то неподалеку. Хотела идти к нам, но не успела – мы сами пришли. А зовут ее Ильза. Да вон она идет...

Черный Эйно обернулся:

– Ильза! Ну, надо же, жива... А ну, позовите живея Яана. Скажите, невеста его нареченная пожаловала... Нашла время, да.

Ильза... Та самая девчонка, которая... которую... Леонид не верил своим глазам. Выходит, спаслась, не утонула ни в реке, ни в болоте. Выбралась!

Ах, как она обнималась с Яаном! Каким небывалым счастьем светились у обоих глаза!

Даже Черный Эйно расчувствовался, украдкой смахнув скупую слезу:

– Ну, ладно, хватит вам. Не до того сейчас. Уходите. И возьмите с собой капитана да приглядывайте за ним.

– Ваше величество!!! – узнав короля, девушка упала на колени. – Вы живы... вы...

Атаман недоуменно вскинул брови:

– Ваше величество? Я думал, у меня здесь один сумасшедший, а выходит – два. Ильза, ты что такое несешь?

За воротами прозвучал одинокий выстрел.

– Там пришли, – доложил один из парней. – Требуют старшего. Хотят предложить сдаться.

– Сдаться?

– Идем, капитан Эйно, – засмеялся Магнус. – Я сам поговорю с парламентарями. Идем. Ты слышишь, эта девушка меня знает.

– Такая же сумасшедшая, как и ты! Впрочем... разве что потянуть время? Эй! Уходите живо, а мы... Что ж, раз уж ты так напрашиваешься, капитан...

– Ты капитан. Ты!

– Ладно. Идем. Развяжите ему руки... Предупреждаю, только не вздумай бежать!

– Расслабься, бежать мне без надобности.

Они вышли за ворота вдвоем – вождь беглых крестьян Черный Эйно и его величество ливонский король. Позади шагали четверо парней, вооруженных палашами и аркебузами. Так, на всякий случай – атаман вовсе не собирался сдаваться.

Вышли, остановились у переброшенных через ров досок.

– Ваше величество! – закованный в латы Альфонс ван дер Гроот облегченно перевел дух. – Слава богу, вы живы. Разбойники не посмели тронуть вас.

– Это никакие не разбойники, дружище! – громко расхохотался король. – Это вот мой новый капитан – Эйно. А там, за воротами, его батальон... то есть наш батальон. Отменные бойцы, кстати. Надо будет их сегодня же наградить.

Глава 5

Весна – лето 1571 года. Ливония – Балтийское море

Призраки белой ночи

– ...а также иным людям, храбро сражавшимся под славным знаменем Ливонского королевства, не считаться более ни беглыми, ни крепостными, а быть вольными и достойными людьми, наделенными всеми правами подобно свободным бюргерам, живущим по магдебургскому праву.

Продиктовав, Арцыбашев откинулся на спинку кресла, обитую дивной свиной кожей, и, выдохнув, махом опростал целый кубок белого рейнского. Устал. Изнервничался. Еще бы – прыгнул в новый указ, как в прорубь, понимая, что – все, что назад дороги нет. Ох, как Леонид понимал сейчас царя-освободителя Александра Второго! Тот ведь точно так же размышлял, долго колебался и вдруг – оп! И отменил крепостное право. То же самое сделал сейчас Магнус, только отдельным указом велел считать обрабатываемые бывшими крепостными участки их полной и безраздельной собственностью.

Правитель Ливонии хорошо понимал, что этим самым настроит против себя всех баронов королевства. Да и черт-то с ними, с баронами! Они и так – то к шведам, то к полякам тянутся, веры им нет никакой. Крестьян-то куда больше. И вот эти крестьяне теперь за своего доброго короля жилы рвать будут и глотку любому перегрызут – хоть шведскому королю Юхану, хоть польскому Сигизмунду-Августу... а хоть и московскому царю!

Ученый секретарь, доктор богословия и права герр Леонард Франц, недавно нанятый Магнусом для всяких, подобных нынешнему, дел, внешнеостью напоминал всем известного жюльверновского Паганеля – такой же нескладный, сутулый, рассеянный.

– Теперь подпишите, ваше величество. И надо приложить большую государственную печать.

Леонид живенько поставил подпись: «Магнус Ливонский», – причем сделал это без всяких угрызений совести – имел право! Потому как правил своим королевством уже далеко не первый день и сумел заслужить уважение подданных. А теперь вот одним росчерком привлекал на свою сторону все эстонское крестьянство.

– Бароны будут недовольны, мой король, – осторожно напомнил доктор.

Магнус скривился:

– И черт с ними, справимся. Буде кто заартачится – пушки есть, войска пошлем. Хотя – а зачем войска? Крестьяне-то на что, а? Пропиши-ка ниже, в примечаниях, их право на восстание против нарушителей королевского указа!

Уж кого Арцыбашев вовсе не собирался ублажать, так это баронов – сильных и богатых было мало, а мелкие жили за счет королевской службы... либо предательством и разбоем.

Подумав и допив вино, Магнус издал еще один указ – о развитии торговли с Московией. Сие эксклюзивное право, пожалованное царем Иваном Васильевичем пока что только Нарве, не худо было бы распространить и на свое королевство. Чтоб бюргеры богатели, чтоб им было с чего налоги платить – ибо царские денежки уже, увы, кончались... А король еще собирался восстановить, точнее говоря отстроить заново женский монастырь, сожженный людишками фон Эльзера.

Слава богу, пока голова не болела о Ревеле – осада-то была снята. Однако по всей Ливонии шастали шайки различного воинского люда, и даже находились русские войска, осаждавшие крепости, принадлежавшие ныне неизвестно кому – то ли полякам, то ли шведам. Все это создавало нервозность и сильно мешало экономическому развитию королевства, кое Арцыбашев, ничтоже сумняшеся, уже искренне считал своим, несмотря на шаткое положение вассала московского государя.

Государственные дела, к слову сказать, Леониду неожиданно пришлись по душе. Ему нравилось заботиться о процветании подданных, придумывать законы, разбирать тяжбы... все это отвлекало от тяжких дум.

Впрочем, особенно-то скучать не давали – война-то шла... Вот уже и шведы, ободренные снятием ревельской осады, высадили десант на острове Эзель-Сааремаа, юридически принадлежащий не понять кому – то ли Дании, то ли ее принцу Магнусу – Ливонскому королю. Эзельцы, впрочем, в большинстве своем считали себя ливонскими подданными, благо «добрый король Магнус» не семь шкур драл... в отличие от тех же шведов. Еще вчера с Эзеля – из единственного тамошнего городка Аренсбурга (Курессааре) – явился гонец и был принят его королевским величеством со всей подобающей милостью. Гонец – один из почтеннейших местных бюргеров, оптовый торговец рыбой – слезно просил защитить остров от наглых разбойников шведов, что ему и было обещано.

Слава богу, рыботорговец не заметил в короле подмены – в конце-то концов Арцыбашев все же сильно походил на настоящего Магнуса, особенно – издалека. Однако показываться в Аренсбурге было бы слишком опасно – могли и узнать, верней, не узнать, да слухи пошли б, мол, король-то не настоящий! Этого следовало избегать, по мере возможности.

Таким образом, показываться в Аренсбурге король вовсе не собирался, а подумывал о том, чтобы оборонять остров с моря – потопив к чертям собачьим все ошивающиеся там шведские корабли. Тем более тот же эзельский посланник принес весть о том, что адмирал Ивана Грозного Карстен Роде с парочкой кораблей вырвался-таки на волю и, захватив по пути два шведских торговых судна, направился в Нарву. Вот туда-то и выехал король Магнус с частью войска уже на следующий день после обнародования антикрепостнического указа.

* * *

Нарва встретила его величество серо-бирюзовым блеском моря и холодным ветром. В порту, у причалов, покачивались многочисленные рыбацкие суда, торговых было меньше, да и те местные. Корабли Ганзы и уж тем более голландцев и англичан в Нарву давненько не заходили, вполне справедливо опасаясь шведских каперов.

Среди местных судов уверенно разместились недавние пришельцы: изящная каравелла шведской постройки – с башенками и расположенным под бушпритом парусом-блиндром, небольшой двухмачтовый хульк и два пузатых торговых когга – один с тремя, а другой аж с четырьмя мачтами, несущими по одному большому парусу. Передники мачты коггов были по традиции заметно наклонены вперед, к бушприту, задние несли косые паруса, как и на каравелле и хульке, только на каравелле паруса были меньше и уже, что значительно облегчало управление, да и каждая мачта несла не по одному, а по два паруса. Зато грузоподъемность когга была куда больше.

«Серебряный странник» – так назывался флагманский корабль Карстена Роде, та самая трофейная каравелла, красивое, изящное и быстроходное судно, длиной где-то около тридцати метров и шириной около семи. Двадцать пушек и дюжина тяжелых мушкетеров, способных проломить пулей борт вражеского корабля, да восемьдесят два человека экипажа, включая старпома и капитана. Кроме того, «Странник» взял на борт сто человек ландскнехтов и самого короля, в честь последнего на средней фок-мачте был торжественно поднят золотисто-зеленый королевский вымпел.

Захваченные Карстеном когги были быстро поставлены под ружье – туда добавили пушек и воинов, кроме того, местные бюргеры вооружили еще три корабля, так что теперь эскадра включала семь достаточно крупных судов, не считая всякой рыбацкой мелочи, тоже вооруженной. С тем и пошли к Эзелю, дав прощальный холостой залп.

Все жители Нарвы высыпали на набережную, махали платками и шляпами, желая эскадре удачи. В церквах звонили колокола, в прозрачно-голубом небе, крича, парили белокрылые чайки. Карстен Роде, одетый в серый английский камзол, стоял на корме и вежливо кланялся. Его величество тоже был одет сообразно моменту – фиолетовый, с золотым шитьем камзол с буфами и начищенная до блеска кираса.

– Да здравствует король! – кричали с берега. – Слава его величеству доброму королю Магнусу! Слава!

Слышать такое было приятно.

Выйдя в море, суда дружно повернули на юго-запад – к Эзелю, и, подняв паруса, пошли круто к ветру, поднимая бушпритами белые барашки волн. Ощутимо качало, палуба то и дело проваливалась под ногами, но Леонид, как ни странно, совсем не чувствовал приступов морской болезни. Может быть, потому, что испытывал сейчас самый настоящий восторг! Крепкие корабли, воины, пушки – это такое настоящее морское приключение, когда ветер в лицо... и вполне безопасно – что еще надо для счастья?

По пути к Эзелю по правому борту далеко в море белели несколько парусов, быстро, впрочем, исчезнувших. Видать, забоялись!

Ближе к вечеру в кормовой капитанской каюте – салоне – накрыли стол, и сам король освятил своим присутствием трапезу, затянувшуюся далеко за полночь. Здесь, на Балтике, расстояния не были столь велики, как в океане, и моряки не отказывали себе в кулинарных изысках. Естественно, это касалось лишь офицеров, а вовсе не рядовых членов команды.

Ночь прошла спокойно, а утром, едва забрезжил рассвет, впереди показались чужие паруса.

– Один, два... восемь... – глядя в подзорную трубу, негромко считал Карстен Роде. – Десять... пятнадцать...

Пятнадцать! И это были явно не друзья.

Его королевское величество приложил окуляр к правому глазу. На мачтах быстро приближавшихся судов горели красные с золотыми крестами вымпелы, на корме трепетали синие флаги Швеции.

Шведы... Ну, кто же еще-то?

Пять крупных судов с четырьмя мачтами и высокими надстройками на корме и носу – адмирал именовал сии корабли «каракки», – две каравеллы, когти, еще какая-то мелочь...

– К бою! – приказал Карстен Роде.

На грот-мачте взлетел к небу сигнальный вымпел: «Готовься к бою и делай как я». Бросились к бортовым орудиям канониры. Заняли свои места корабельные стрелки-мушкетеры, ландскнехты тоже примостили на бортах мушкеты. Выполняя адмиральский приказ, полезли по вантам матросы.

Приставленный к его величеству старший помощник капитана – русский помор Силантий Сергеев, поясняя, что-то сказал по-немецки или по-датски.

– Говори ты по-русски, – тут же попросил король. – Я все же вассал царя Ивана и все хорошо понимаю.

Старпом вытянулся:

– Слушаюсь, господине король! Сейчас будет жарко. Не соизволите ли пройти в каюту?

– Нет, – отмахнулся Магнус. – На кораблях мои воины, и какой же я буду король, коли не воодушевлю их своим примером? А потому, Силантий, давай, поясняй мне, что здесь происходит, почему именно так действует адмирал, а не как-нибудь иначе. Вот почему мы сейчас повернули? Собираемся бежать? Что-то не верится.

– Правильно не верится, ваша милость, – хмыкнул помор. – Чтоб наш адмирал да от кого-то бежал?! Посейчас свеи ринутся за нами в погоню, мы их обойдем и отберем ветер.

– Как это – отберем ветер?

– А вот, ваша милость, увидите!

– Увижу... хм...

Честно сказать, что там делалось впереди, по ходу судна, с капитанского мостика, расположенного на высокой корме, было не видать вовсе! Мешали паруса. Потому имелась в парусном флоте такая должность – впередсмотрящий. По сути глаза капитана.

Вот и сейчас, пока не повернули, вражеский флот перестал быть виден и показался лишь немного погодя, теперь уже по левому борту. И как-то так очень хитро – и быстро! – вышло, что ливонские суда вдруг зашли противнику в корму, да так ловко, что паруса последних, движущихся в кильватерном строю – друг за другом – шведских судов, обвисли. Часть ветра перекрыли паруса ливонцев! Это и значило – отобрать ветер. Нет ветра – нет и движения, а нет движения – это смерть.

Едва суда Карстена Роде подошли к шведам на расстояние метров сто, адмирал незамедлительно скомандовал поворот оверштаг – круто к ветру. Матросы полезли на ванты, заскрипел штурвал...

– Тут все дело, чтобы все разом действовали, – сжимая в руке богато отделанный пистоль, стоящий как четыре мушкета, охотно пояснял старпом Силантий. – Рулевой да боцман с матросами. Чтоб паруса и руль... чтоб вместе... понимаете, господин король?

– Понимаю. Чего уж тут непонятного!

Между тем, резко повернувшие корабли продолжали двигаться по инерции. Высокая резная корма вражеского судна вдруг выросла прямо перед глазами его величества – как в известных стихах: весомо, грубо, зримо. Настолько зримо, что были видны бегущие по надстройке моряки и шведские офицеры в кирасах.

– Главное, вовремя повернуть, – явно волнуясь, старпом продолжал давать пояснения. – Тут опыт нужен. Чуть немножко – и врежешься во вражью корму, бушприт поломаешь с блин-дом. А без блинда труднехонько потом поворачивать, как лоханка станешь, тут-то тебя и...

Пушки бабахнули разом! Так, что чужая корма с грохотом разлетелась в щепки, а людей словно сдуло ветром. Правда, разглядеть это все стало возможно уже гораздо позже, минут через пять, когда ветер унес пороховой дым, настолько плотный, что какое-то время не просто ничего не было видно, но и даже стало трудно дышать. Да уж... при такой видимости особенно много не постреляешь.

Когда дым рассеялся, стало видно, что и шведы не такие уж дураки. Неповрежденные суда живенько перестраивались по ветру, ибо ветер – это движение, а движение – это маневр, жизнь!

Царский адмирал хорошо понимал это и, снова совершив поворот, велел поднять все паруса и дальше уже пошел полным ходом, по прикидкам Леонида, километров двадцать – двадцать пять в час.

Тем временем канониры уже успели перезарядить пушки, а ландскнехты – мушкеты. И вновь прозвучал приказ адмирала:

– Готовсь!

Что там делалось на других кораблях, Арцыбашев не видел – мешали пороховой дым, качка и брызги. Однако «Серебряный странник», ходко пройдя вперед, вдруг вклинился между двумя шведскими судами. Казалось, что эти огромные – с пятиэтажный дом! – каракки сейчас просто раздавят утлую каравеллу... или мощным залпом разнесут ее в клочья.

– Боятся стрелять, суки, – тихо молвил Сергеев. – Не хотят друг в друга попасть. Мы-то – низкие, а они...

В этот момент «Странник» содрогнулся всем корпусом. Судно дало залп всеми своими орудиями, с обоих бортов. И снова все заволочло плотным дымом, и снова не понять было – что там со шведами, да и где свои...

Слышно было, как на одном из шведских кораблей что-то треснуло, повалилось – наверное, мачта... Кто-то истошно вопил.

Шведы так и не выстрелили, побоялись, вернее просто запоздали, слишком уж большую скорость набрала каравелла Карстена Роде.

Пока суд да дело, адмирал приказал готовиться к абордажу. Рассеялся дым... К этому времени «Странник», сделав маневр, показал противникам корму. Туда и пришелся запоздалый залп... и шальное ядро, проломив фалышборт, ухнуло рядом с Магнусом.

– На аборда-а-аж! – это было последнее, что король слышал...

* * *

Он очнулся в койке. В обычной койке, с белой простыней, под белым пододеяльником, на подушке с белой хрустящей наволочкой. Небольшая, метра три на четыре, комната с выкрашенными белой краской стенами, покрытый светло-зеленым линолеумом пол, за светлыми занавесками круглое окно... иллюминатор! Корабельный иллюминатор!

Вскочив на ноги, Леонид бросился к окну. Так и есть – снаружи синело море! Рядом с иллюминатором стоял небольшой, привинченный к полу столик и такой же стул, а у самой койки – тумбочка. Тоже белая, как и все здесь. Выкрашенная белой краской овальная входная дверь оказалась запертой. Хотя нет! Просто несколько ошарашенный Арцыбашев не догадался потянуть вниз металлическую, как в автомобиле или старинном холодильнике, ручку. А вот потянул – дверь и отворилась... вернее, скорее всего, ее все же отворили снаружи, ибо на пороге вдруг возникла девушка. Симпатичная такая блондинка в белом колпаке и белом же

– дался им этот цвет – коротком халатике, почти не скрывавшем восхитительных аппетитных бедер.

– Здравствуйте, – незнакомка обаятельно улыбнулась. – Вы позволите войти...

– Ой!

Тут только Арцыбашев заметил, что стоит перед столь очаровательным существом практически голый. Кроме длинной – белой! – ночной рубашки, на нем ничего не было. Одна-а-ако...

– П-проходите... – заикаясь от волнения, молодой человек проворно юркнул под одеяло. – А в-вы кто?

– Я медсестра, Наташа. Русская, как и вы... Сейчас сделаю вам укол. Поворачивайтесь... Ну, ну, больно не будет – вся медтехника у нас шведская, как и паром.

– Паром?

– Ну да. Мы подобрали вас на пустынном островке недалеко от Сааремаа. Вы, наверное, яхтсмен?

– Яхтсмен? Хм... пожалуй...

– Ну, повернитесь же... Вот так...

В левую ягодицу Арцыбашева воткнулась игла... Впрочем, больно не было. Запахло спиртом.

– Вот и все, – убирая шприц в никелированную коробочку, медсестра улыбнулась. – Отдыхайте. Вас, кстати, как зовут?

– Леонид. Лёня.

– Очень приятно.

Девушка уже собралась уйти, но Арцыбашев крепко схватил ее за руку:

– Вы говорите...

– Да, да, вас подобрали практически посреди моря. Потом сами все вспомните и расскажете. Подобрали, хотели вызвать вертолет, но с вами ничего страшного, я просто сделала укол. Вы уснули, во сне говорили по-русски. Ну, отдыхайте же!

Отдыхайте... Легко сказать!

Впрочем, молодой человек все же уснул и проспал почти до самого вечера – наверное, действовало лекарство.

Вечером принесли еду – рыбу, морепродукты, рис и еще что-то очень вкусное, что Леонид уничтожил прямо-таки с редкостным аппетитом. Потом снова заглянула Наташа, и вот тут-то Арцыбашев кое о чем ее расспросил. Оказалось, она соотечественница, а здесь, на шведском пароме, уже второй год работает по контракту. Вообще же сама она из Ленинграда... Почему-то девушка упорно именовала Санкт-Петербург именно так, и Леонид уже догадывался – почему. А не закинуло ли его обратно в восемьдесят первый год? По крайней мере на то было похоже.

Открыто интересоваться, какой сейчас год, молодой человек не рискнул – не хватало еще прослыть сумасшедшим, – а, продемонстрировав бодренький вид, решительно попросился немного прогуляться по кораблю. Разрешение на то было получено от самого капитана – высокого, несколько флегматичного шведа, прекрасно говорившего по-немецки. Капитан, сразу же попросивший звать его по-простому – Аксель, принадлежал к той не столь уж и малочисленной породе людей, прямо-таки обожавших поговорить о работе и перетереть косточки своим многочисленным знакомым. В общем-то, собеседники таким людям были не нужны, нужны – слушатели. Вот и капитан Аксель беседовал с Леонидом не то чтобы странно, а в полном соответствии с собственным психотипом – задавая вопросы, сам же на них и отвечал, а иногда даже и сам себе смеялся.

– Вы, верно, русский яхтсмен? Недавно же была регата... Надеюсь, ваша яхта застрахована. Балтика, знаете ли, это не Черное море. Ла-адно, шучу, шучу, не обижайтесь! Вы,

верно, лицо свободной профессии, раз имеете яхту? Знаю, что у вас, в Советском Союзе, с этим весьма не просто. И кто же вы? Частный детектив, врач? Предприниматель... или, как это по-русски, «ларёчник», да? Бывали раньше в Стокгольме? Рад слышать. Что-что? «Абба»? А, это консервный завод, хорошие консервы делает, вкусные. Так вам они нравятся? Нет, насчет музыки я что-то не слышал.

Арцыбашев от такого потока слов быстро устал и был очень рад, когда капитан, простившись, препоручил его симпатичной медсестре Наташе. Та уже была готова сопровождать «выздоровливающего», сменив белый халат на джинсы и полосатый, с короткими рукавчиками, джемпер.

– Капитан Аксель доставит вас в Ригу или даже в Ленинград, мы скоро там будем. Вам куда лучше? – дожидаясь, пока Лёня оденется, спросила из коридора Наташа.

Молодой человек буркнул что-то неопределенное. Куда ему «лучше», он не решил, еще не во всей сложившейся ситуации разобрался, хотя со сноровкой опытного путешественника во времени уже и прикидывал – что к чему. В Советский Союз, честно-то говоря, ему не очень хотелось – сразу же набегут кагэбэшники, начнут проверять. Да и вообще – что он им скажет? Остаться бы как-нибудь в Швеции... Девчонка сказала – сначала Стокгольм, потом Рига, потом Таллин, и уже потом Ленинград. Время есть, правда, мало. Впрочем, двадцатый век все же лучше шестнадцатого, тут и гадать нечего. Главное, в СССР не попасть – в лапы «органов». Еще за шпиона примут, с них станется. Кое-что смысливший в недавней советской истории Арцыбашев прекрасно понимал, что выглядеть в глазах КГБ он будет очень даже подозрительно.

– Вот наш салон, там музыкальные автоматы, телевизор... – медсестра потянула за руку. – Зайдем?

Из распахнутых дверей расположенного на одной из палуб парома бара сверкали огни и доносилась музыка. Кажется, «Битлз». Да, «Битлз». «Йестедэй»... Услышав знакомую с детства мелодию, Лёня расчувствовался, даже подпел...

– «Битлы» нравятся? – не преминула заметить его обворожительная спутница. – Я так их обожаю. Особенно Пола. Помните их прошлогодний концерт в Ленинграде? Были?

Арцыбашев недоуменно хлопнул глазами:

– «Битлз» – в Ленинграде? Нет.

– А я была! Ой, там, на Крестовском, такое творилось, такое... Конная милиция, дружинники... и все хором поют «Мишель»!

– Ай лав ю, ай лав ю, ай лав ю... – тотчас же напел Леонид.

«Битлз»... В прошлом году приезжали. Значит, не восемьдесят первый сейчас год, а... вторая половина шестидесятых, как-то так... Ну, да – шестьдесят восьмой!

В баре, куда заглянула парочка, на стене за стойкой как раз висел календарь с портретом какой-то полуголой дивы... Бриджит Бардо, Господи!

– Кофе и... вы любите коньяк, Леонид? Или виски?

– Виски... Ой! Неудобно, право.

– Я понимаю, что у вас сейчас ни денег, ни чековой книжки... Я угощаю! Ну, хорошо, хорошо, потом отдадите, согласны?

– Согласен, – Леонид махнул рукой и улыбнулся.

Здорово было сидеть вот так, в обществе красивой девушки, лениво потягивать виски со льдом, поддерживать светскую беседу, улыбаться...

В кафешке работал телевизор – старообразного вида, «кругленький», черно-белый. Что-то вещали про «президента Брежнева». Куда-то он там отправился с официальным визитом. Потом заговорили про экономические и демократические реформы. Про премьер-министра Косыгина. Тот тоже что-то посетил.

Леонид смотрел лишь краем глаза, все больше расспрашивал свою прекрасную собеседницу, курившую тонкую женскую сигарету.

– А вы не курите, Леонид?

– Бросил.

– Какой вы молодец! А ваша яхта...

– А вы где в Ленинграде жили?

– У Некрасовского рынка. Ну, там, где первые частники появились. Кооператоры.

Арцыбашев хмыкнул. Кооператоры! Вот уж заливают девочка. В шестьдесят восьмом году до первых кооперативов в СССР, до перестройки, было еще лет двадцать!

Леонид незаметно, под столом, переставил ноги – принесенные по приказу капитана светлые брюки и джемпер оказались ему впору, а вот парусиновые туфли все же немного жали.

В шведской столице Леонид несколько раз бывал и раньше, вот так же, на пароме, только куда больше – «Силия Лайн», но этот Стокгольм тысяча девятьсот шестьдесят восьмого года понравился ему куда больше. Может быть, потому что погода стояла солнечная, теплая, а скорее, просто компания была очень-очень! Прогуляться по Дроттингтан в обществе юной красавицы-блондинки, ловя завистливые взгляды встречных мужчин... Это было нечто!

Вдоволь нагулявшись по старому городу, молодые люди поели мороженого в летнем кафе на старинной площади Стортorget, после чего, не спеша, направились пешком на Дьюргарден – «Остров музеев», где намеревались сесть на паромчик и покататься по заливу. Ярко светило солнце, но было не жарко – с озера Меларен дул освежающий ветерок, принося приятную прохладу. В Королевском саду играл духовой оркестр, чинно кружились в танце пожилые пары, видно, помнившие еще олимпиаду одна тысяча девятьсот двенадцатого года. Крича, носились по аллеям дети, молодежь же оккупировала скамейки и ресторанчики.

Странно, но Арцыбашев вовсе не чувствовал себя чужаком, ему все здесь нравилось (особенно Наташа!), тем более по внешнему виду он ничем не отличался от местных «волосатиков», такая уж начиналась в конце шестидесятых длинноволосая мода, эпоха хиппи.

– Ой! – перебегая улицу, молодые люди помешали такси – выдавшему виды темно-голубому «Вольво-Дуэт», машине, конечно, красивой, но тяжеловатый, с большим, похожим на автобусный, кузовом, напомнившим Леониду старую советскую «Победу».

Водитель погрозил кулаком и добродушно улыбнулся. В такси, на заднем сиденье, сидели какие-то парни, Арцыбашев их бы потом и не вспомнил, но... Больно уж приметным оказалось такси. Оно потом мелькало и у драмтеатра, и на набережной Стрэндваген... преследовало, что ли? Или просто в Стокгольме было много таких вот машинок?

– Ну что, в музей? – кивнув на помпезное здание «Нордиска мусеет», предложил Леонид.

– Может, лучше в цирк? Он здесь недалеко, – девушка поморщилась, в музей ей, как видно, не очень хотелось. – А вообще, давайте лучше погуляем. Вон, погода-то!

Погода и впрямь стояла прекрасная. На берегу островка, близ деревянной, с белыми паромодиками, пристани, напротив официально вычурной набережной, прямо на зеленой травке расположились многочисленные компании. Расстелили скатерти, принесли бутерброды и вино. Отдыхали люди...

– Ой, и я съела бы что-нибудь!

И на Дьюрсгардене нашлась кафешка, и не одна – здесь же, на бережке, под деревьями с развешенными в честь какого-то праздника гирляндами разноцветных воздушных шаров. Там и сели. Заказали поесть да бутылку сухого вина – не на сухую ж обедать?

И вот там-то Арцыбашев снова заметил парней. Точнее говоря, сначала машину, то самое темно-голубое такси «Вольво-Дуэт», а затем и вышедших из таксомотора парней. Двоих коренастых, крепеньких, в одинаковых дорожных пиджаках и шляпах. Морды у парней были из тех, что «кирпича просят» – круглые, со щетиной и глазками-щелочками, внимательными такими глазками, неприятными...

Выбрались парни, у деревьев встали – будто заливом, паромодиками любуются. А сами глазами так и зыркают, так и зыркают, пару раз даже чуть с Леонидом взглядами не встрети-

лись, хорошо, его величество вовремя глаза опустил. Опустил и задумался, пропуская мимо ушей веселую болтовню Наташи про «моду хиппи». О парнях думал, присматривался. Вроде бы и совпадение, но... И у драмтеатра они, и на Стрендвагене, и здесь... Стоят шагах в двадцати от кафе... Следят, явно следят, присматривают. Точно – КГБ! Тот, что слева, лет тридцати, в белых пижонских брюках, видать, старший. Старший лейтенант или даже капитан. Справа, помоложе, в джинсах – лейтенант... младший, или вообще сержант. Хотя нет, сержантов – даже госбезопасности – за границу бы не послали... Оп! Вон опять зыркнули! Очки темные надели оба – пижоны! Следят, явно следят... И это очень плохо! В Стокгольме теперь не останешься. Не убежишь никуда и не спрячешься, если профессионалы – так срисуют враз.

Погрустнел Арцыбашев. Кусок в горло не полез. Даже глаза Наташины синие прежней радости не вызывали. Значит, не выйдет в Стокгольме... да и Наташу не очень-то хочется представлять. Ладно! Еще Рига будет, Таллин. Ленинград... Советский Союз большой – затеряться можно. Тем более двадцатый век – не шестнадцатый! Проживем, чего уж...

Медсестричка между тем рассказывала про свою семью – про отца, про сестру с мужем, про брата. Как понял-таки рассеянно слушающий Лёня, все родственники девушки либо имели какую-то частную практику, либо занимались предпринимательством, типа так называемых «кооператоров» в конце восьмидесятых.

Да! Вот именно! В конце восьмидесятых! Но уж никак не в шестьдесят восьмом, при Брежнев-то. Ведь самый застой. Какие тут, к лешему, кооператоры? Однако и никакие «Битлз» тогда в СССР не приезжали, на Крестовском острове в Ленинграде не выступали! А ведь Наташа про тот концерт рассказывала. В подробностях! Вплоть до того, какая майка была на Ленноне.

Леонид покачал головой. Что же тут происходит-то? Куда он вообще попал? Где оказался? А ну-ка, еще спросить...

– Лё-ня! Мне кажется, вы меня совсем не слушаете. Как-то погрустнели, погрузились в какие-то свои мысли...

– Нет-нет, что вы, Наташенька! Я как раз спросить хотел... Вы на каких еще концертах бывали?

– Ну... – вопрос девушке явно понравился, она даже принялась загибать пальцы. – У нас, в Ленинграде, на «Дружбе» с Эдитой Пьехой, еще на «Лунных псах», на «Бабе-Яге», «Рубиновом вторнике» – это все наши, рок-клубовские...

«Рок-клубовские!» – ахнул про себя Арцыбашев. В шестьдесят-то восьмом году!

– А еще в Москву на «Роллингов» с девчонками ездили и, вот совсем недавно, на «Дорз»!

– «Роллинг Стоунз» – в Москве? – Леонид все же не выдержал. – «Дорз»?

– Ну, да, – довольно покивала Наташа. – Я даже у Моррисона автограф взяла. Ой, он такой душка, такой...

Нет, не похоже, чтобы врал. Не похоже... Значит... Значит, не тот это шестьдесят восьмой год, не его, Леонида Федоровича Арцыбашева, время! Какое-то другое, параллельное... Похоже, именно на шестидесятые в них перестройка пришлась... А вот, кстати...

– Президент США? Не, я его не видела, по телевизору только. Ну, когда приезжал... Симпатичный такой дядька.

– Кеннеди – симпатичный?

– Ну, Джон Кеннеди, президент американский. У нас в универе с ним встреча была. Ясно!

Нельзя сказать, чтоб Леонид уж слишком разволновался – чай, и не в такие переделки попадал, и по разным эпохам путешествовал – однако нельзя сказать, чтоб сделанные со слов медсестры выводы на него не повлияли совсем. Задумался, да, даже про подозрительных парней-кагэбэшников позабыл. И, выходя из кафе, столкнулся взглядом со старшим. Круглое лицо, темные очки, шляпа. На правой щеке – чуть заметный белесый шрам. Кагэбэшник,

правда, поспешно отвернулся, но Леонид все же успел заметить шрам. И золотую цепь под расстегнутым воротником светло-голубой джинсовой рубашки. В палец толщиной! Не, судя по сей, больше похожей на кандалы, цепочке, это никакой не старший лейтенант, и не капитан даже – целый майор, или бери выше – подполковник! Да кто бы ни был – следили-то за Арцыбашевым плотно, почти не таясь. Что ж, такая уж у них служба... Да ну их!

Паром отправлялся в пять часов вечера, на борту «господам пассажирам» следовало быть в четыре, и до этого времени молодые люди еще успели покататься на прогулочном пароходике, сфотографироваться на фоне ратуши и посетить рынок на Сергельторг. Еще можно было прогуляться до Вазастана, поглядеть на крыши Карлсона – но уже поджимало время...

Молодые люди дождались подходящий трамвай, сели... Леонид оглянулся – позади, не обгоняя и не отставая, ехало темно-голубое такси «Вольво-Дуэт». Кстати, и на пароходике парни тоже были – правда, господин ливонский король не обращал на них внимания – какое ему дело до простолюдинов? И все же, возникшую проблему нужно было как-то решать. Утешало, правда, одно – значит, симпатюлька Наташа со спецслужбами все же не связана, иначе б зачем было приставлять еще этих двоих? Просто так, для страховки?

Уже на пароме у Арцыбашева все ж появилась мысль спросить про подозрительную парочку у Наташи... Однако идею эту молодой человек тут же отверг – зачем девчонку в эту историю втягивать? Вряд ли ей будут приятны расспросы о сотрудниках КГБ. Нет, отношения портить не стоило, ибо на Наташу уже появились у его величества кое-какие планы. И не только сексуальные, вернее не столько сексуальные, сколько вполне житейские. Раз все ее родичи связаны с бизнесом, следовательно, могут помочь с работой – хотя бы на первое время, а потом, бог даст, и с документами... Да, документы – это была проблема! Если вдруг схватят, отведут «куда надо», станут с вопросами приставать? Сумасшедший дом – самое меньшее, что светит, а если по-честному – лагеря. Лёня все это прекрасно понимал и лихорадочно соображал – что же делать? От парней нужно было как-то отрываться – факт! Конечно, не на корабле... вот, может, в очередном порту стоит попробовать? Только не тащить за собой Наташу.

Молодые люди уже перешли на «ты», правда, до секса дело еще не дошло – но к тому склонялось. Леонид не торопил события, не хотел обидеть девушку даже невзначай, намеком. Насколько он знал историю, отношения между полами в СССР шестидесятых годов были, мягко говоря, пуританскими. Хотя, наверное, лучше сказать – ханжескими. Да, это слово было бы куда более уместно. Официально считалось, что «секса у нас нет», парней и девушек связывает только «чистая и непорочная дружба», а дети рождаются исключительно по призыву партийных съездов.

Как-то вечером, вернее уже ночью, провожая Наташу после дансинга, Леонид поцеловал девушку в губы... И та не отпрянула... хотя и отстранилась, но далеко не сразу.

– Ах, Лёня... – тяжело дыша, прошептала медсестра. – Ты такой... такой...

– Какой? – Арцыбашев понизил голос до вкрадчивого шепота.

– Ну... простоватый, что ли...

– Простоватый?! – вот уж тут его величество удивился, и сильно. Это он-то простоватый? Ну-ну.

– Ну, не обижайся, пожалуйста... – хлопнув пушистыми ресницами, Наташа ласково погладила Магнуса по щеке. – Я бы... Я, знаешь, не из трусливых, но... Тут с нами на борту...

Арцыбашев хотел было сказать про парней... однако, оказывается, юная медсестричка имела в виду отнюдь не кагэбэшников.

– Понимаешь, нас здесь, на пароме, семеро русских, все молодые, комсомолы. Есть и комсорг, и он...

– Следит, – догадался Лёня.

– Не то чтобы следит, но... – девушка замялась. – Не хотелось бы, чтоб меня разбирали на бюро. Сейчас-то, конечно, все равно... Но потом у нас, в СССР, ни в одну хорошую клинику не устроишься.

– Поня-атно...

Леонид вновь собрался спросить про человека со шрамом – не он ли и есть этот таинственный моральный цензор – комсорг? Хотел, но сразу же передумал – те двое коренастых парней не очень-то напоминали комсомольцев. И не нужно было девчонку пугать.

– Не сейчас... – накрыв губы Лёни горячим поцелуем, прошептала Наташа. – Не сейчас... позже... Хорошо? После Риги будет большой остров – Сааремаа. Туристы отправятся туда на экскурсию. Там небольшой городок. Замки. И еще много ферм, луга... Там уж никто не проследит!

– А твой бдительный комсорг?

– Он же механик! И с корабля не сойдет никак.

– Сааремаа... – Арцыбашев мягко улыбнулся. – Почти родное местечко. Эзель.

Рига встретила паром радостным утренним солнцем и сияющими золотистыми петушками на шпилях церквей и собора. На Даугаве золотом сверкала волна, и сходявшие на берег туристы радостно шелкали затворами своих антикварных фотоаппаратов, всяких там «Кодаков», «Леек», «ФЭДов».

– Вон он, – спускаясь по трапу, медсестра исподволь указала на высокого худющего парня в корабельной робе. Тонкие руки, узкое, с длинным носом и небольшими усиками, лицо в надринутой на глаза кепке.

– На тебя смотрит, – усмехнулся молодой человек. – И я бы сказал – очень даже внимательно.

– А пусть смотрит! – Наташа неожиданно рассмеялась. – У него сегодня претензий ко мне не будет. Сегодня мы с нашими на местный судоремонтный завод идем. Общее собрание. Давно дружим. Кстати, там довольно весело – чаепитие, рижский бальзам... Нравится?

Арцыбашев улыбнулся, галантно придерживая девчонку за локоть:

– Честно говоря, предпочитаю виски.

– Как мой дядя-банкир! – пригладила волосы медсестра. – Как увидит какой-нибудь «Гленморанж», так сам не свой становится. Только ты не подумай, будто он какой-нибудь пьяница. Вовсе нет!

– Так вы целый день на заводе будете?

– Почти. Часов до трех – точно. Да в Риге мы сто раз уже были... Ой! – Наташа вдруг осеклась, обдав собеседника синеоким жаром. – А ты, конечно же, посмотри. Старый город красивый очень. Вон, видишь, Рижский замок? К нему и иди, а там разберешься. А потом к трем выходи на набережную, там и встретимся... и где-нибудь посидим, ладно?

– Приду, конечно.

Все немногочисленные комсомольцы парома забрались в присланный за ними микроавтобус, красно-белый, с круглыми углами. «РАФик». Оглянувшись в окно, Наташа помахала рукой. Молодой человек улыбнулся.

Несмотря на все возраставшую привязанность к симпатичной сестричке, Арцыбашев вовсе не собирался проводить с нею целый день на судоремонтном заводе, да к тому же его туда и не звали. А Ригу, наверное, посмотреть стоило... Тем более уж явно не в одиночестве ходить предстояло – а с почетным эскортом, с сопровождением!

Помахав на прощание рукой, молодой человек перешел улицу и, обойдя замок, присел на скамеечке в небольшом сквере, внимательно вглядываясь в прохожих. Никого даже похожего на двоих мордоворотов среди них не было, что, конечно, не означало, что сотрудников спецслужб не было вообще. Где-то затаились, собаки! Или «шланговали» – пивка решили попить. Ну, правильно. Рига же советский город, никуда тут Лёня не денется. Он и сам бы рижского

вкусного пивка попил с большим удовольствием, да только вот беда, карманы его величества были абсолютно пусты. Никакой валюты! В Стокгольме и на пароме его угощала Наташа, но сейчас ее рядом не было, а попросить хоть немного денег на мелкие расходы Арцыбашев все-таки постеснялся. Что ж – с голоду не помрет. Завтрак на пароме был, а в три явится медсестричка... Пива вот только не попить... Жалко. В тему бы было сейчас, по жаре-то.

Посидев минут пять, Леонид, не спеша, по неширокой Пилс-йела, прошел мимо старинных зданий – знаменитых «Трех братьев» и, выйдя на Домскую площадь, снова присел на лавочку в тени величественного собора.

Никто за ним не следил. Мордоворотов не было видно вообще! То ли и впрямь пиво пили, то ли на этот раз замаскировались так, что не выследишь. Мало ли каким трюкам их там, в КГБ, учили.

Еще немного побродив, молодой человек вышел на ратушную площадь и в растерянности остановился, не обнаружив знаменитого Дома Черноголовых – самого красивого здания Риги. На его месте зияли развалины... Впрочем, нет, кое-какие реставрационные работы все же велись – рабочие в замызганных спецовках разбивали какие-то кирпичи, что-то копали...

Вся узкая площадь по периметру была заставлена кооперативными ларьками, торговыми самопальными джинсами, аляповатыми сувенирами и ситцевыми дурно сшитыми футболочками за непомерную цену. Все как в конце восьмидесятых. Только раньше на двадцать лет. Открытые лотки с такого же рода товаром тянулись от церкви Святого Петра до улицы Конвента Сета.

Пройдясь мимо ларьков, Арцыбашев вышел на широкую Калку-йела и, перейдя канал, прогулялся по бульвару Бривибас, после чего повернул обратно и оказался на набережной примерно минут за сорок до назначенного Наташей времени, которые провел, наблюдая за рыбаками. Что-то такое они из Даугавы тягали... Какие-то серебристые рыбки, временами довольно крупные...

Оп-паньки!

Минут через двадцать на набережной нарисовались мордовороты. Все в тех же пиджаках, в темных очках, в шляпах. Прошли мимо зазевавшегося Леонида, едва не наступив тому на ногу, ничуть не таясь... и не проявляя к объекту слежки никакого явно выраженного интереса. Просто прошли. Мимо. Потом перешли улицу да уселись в павильоне автобусной остановки.

Его величество насторожился. Эти двое явно кого-то ждали. А Леонида – за кем вроде бы должны были следить – игнорировали напрочь. Словно его тут и не было!

Арцыбашев нарочно прошелся мимо остановки (ноль внимания, фунт презрения!), постоял на углу и вдруг резко свернул на первую попавшуюся улицу... пробежал до сквера, сел на скамеечку, дожидаясь, когда покажутся запыхавшиеся ребяташки... Не показались! Более того, они все так же, лениво развалясь, сидели на автобусной остановке. В том же месте, где их Леонид и оставил. Никто за ним не погнался... Да что там «погнался» – не пошел! Что ж такое получалось-то?

На углу показался знакомый красно-белый «РАФик». Парни тут же вскочили и отошли в сторону, делая вид, что просто идут куда-то по тротуару. Вернувшиеся с завода комсомольцы со смехом покинули автобус. Кто-то отправился вдоль по набережной, кто-то – к рижскому замку. Наташа же остановилась, оглядываясь вокруг и явно ожидая Лёню... который в данный момент скромненько прятался за углом – очень уж его интересовало, что предпримут мордовороты. А те ничего не предпринимали! Просто ходили кругами, не выпуская из виду... Наташу! Более того, оба явно старались не попадаться ей на глаза.

– Эгей! – выйдя из-за угла, Арцыбашев радостно замахал рукою. – Извини, опоздал немного.

– Да нет, это мы раньше приехали.

Наташа улыбалась. Стройненькая, в коротком голубом, в белый горошек платье, с развевающимися на ветру золотистыми локонами, она казалась совершенно нереальной красавицей, синеглазой нимфой, сошедшей с какого-нибудь рекламного плаката. Леонид невольно залюбовался девушкой, такой нежной, красивой, юной...

– Знаю тут один кабачок, – поправив висящую на плече сумочку белой кожи, девушка взяла Арцыбашева под руку и заговорщически подмигнула. – Здесь недалеко. Идем.

Мордовороты – Леонид подсмотрел в витрину – добросовестно потопали сзади. Значит, и впрямь следили. Только не за Лёней. Интере-есное кино.

Впрочем, особенно-то они не надоедали, на глазах не маячили, так что вскоре молодой человек и думать о них забыл. Тем более в такой-то компании!

– Представляешь, у них там, на заводе, свой дансинг! – смеясь, болтала Наташа. – А в обед в столовой подают пиво. Правда, только по одной кружке.

– Нежели пиво?

– Вот-вот! И я о том говорю.

Они сидели на террасе уютного ресторанчика на улице Яуни-йела, где когда-то снималась советская «кинозаграница» – Бейкер-стрит в серии фильмов о Шерлоке Холмсе и докторе Ватсоне, Цветочная улица в Берне – из «Семнадцати мгновений весны».

Когда-то снималась... Лучше сказать – еще будет сниматься. Если будет... Времена-то – не те! Совсем не те. Кооперативы, рок-клубы, банкиры... «Битлы» в Ленинграде. Кеннеди – жив!

– Когда-то в детстве мы с девчонками любили играть в фанты. Ты, Лёня, играл? Весело, правда? Особенно когда желания смешные. Мне один раз выпало выйти на улицу и первого попавшего прохожего попросить закурить. И это оказался двоюродный брат нашего завуча! Представляешь? А я тогда и не знала, что он брат...

Никто не досаждал. Никакие мордовороты. А на пароме их ждал просто шикарный ужин с креветками и восхитительным белым вином.

– Завтра будем на Сааремаа, – прощаясь, многозначительно улыбнулась Наташа. – Надеюсь, ты составишь мне компанию. Я знаю там такие красивые места!

Арцыбашев едва дождался утра. Спал плохо, то и дело просыпался, ворочался. Завтра! Кое-что свершится уже завтра – не зря же обворожительная медсестричка зазывала его на прогулку.

Паром (назывался он, кстати, «Белые ночи») оставался на рейде – столь крупные суда не могли заходить в небольшие порты острова. С борта корабля спустили трап, по нему все желающие переправлялись на местные катера и буксиры, увозившие туристов на берег.

Древний Аренсбург ныне именовался Курессааре, но епископский замок оставался прежним, казалось, над этими серыми башнями и мрачноватыми отблесками стен время вовсе не властно. Замок помнил еще крестоносцев, помнил епископов, датчан, шведов...

Помнил и датского принца Магнуса. Настоящего принца. Того самого, с кем Леонид невольно поменялся жизнью. Интересно, где теперь этот бедолага? Наверное, в Москве. В Москве двадцать первого века... Или – в тысяча девятьсот восемьдесят первом году – такое тоже вполне могло статься. Для принца и там, и там в лучшем случае – психушка. В худшем же... Да мало ли что может случиться со средневековым человеком. Под машину попадет, или под поезд. Или гопники... Да и с ума вполне может сойти от всего увиденного. Ах, Магнус...

– О чем задумался, Лёня? – взяв своего спутника под руку, весело спросила Наташа.

Она нынче была в потертых джинсах, кедах и клетчатой «ковбойской» рубашке, костюме, весьма подходящем для прогулок и пикников на лоне дикой природы, коей так славился остров. Впрочем, не совсем дикой – многое уже сейчас было облагорожено: и сам замок, и ратушная площадь имели вполне преуспевающий туристский вид. Опять же – с ларьками вездесущих кооператоров.

Насколько понял Арцыбашев со слов медсестры, на острове активно развивалось фермерство, а лет пять назад появились частные рыболовецкие артели. Брались кредиты, на финских верфях в Вяртсиля активно покупались суда, по всему острову открывались небольшие коптильные и даже консервные заводишки, естественно, тоже частные. Политбюро ЦК КПСС, похоже, этому ничуть не препятствовало, а даже, если судить по плакатам – поощряло.

«Кооператор! Двадцать четвертому съезду партии – достойную встречу!», «Советскому фермеру – доступный кредит!» – такие вот лозунги уже ничему не удивлявшийся Арцыбашев встречал повсеместно.

– А? – обернувшись на девушку, Лёня смущенно хлопнул глазами. – Ты что-то спросила? На замок засмотрелся, извини.

– Я говорю, тут прокат велосипедов есть, – пояснила Наташа. – Сейчас возьмем да покажем. Километрах в пяти на побережье такие места есть – у-у-у-у!

Молодой человек засмеялся:

– Километрах в пяти? Да ты доедешь ли?

– Ха! Мы еще посмотрим, кто кого обгонит!

Пункт проката велосипедов располагался в старинном бревенчатом доме. Округлая, крытая тростником крыша, каменная изгородь. За изгородью – велосипеды на любой вкус. Детские, дамские, спортивные – всякие. Все – выкрашены в ярко-голубой цвет и пронумерованы. Ну, а как же!

Кроме велосипедов Наташа еще взяла коврик для пикников и бумажные стаканчики, вино же собирались купить по пути. Что и сделали в небольшом придорожном мотеле, отъезжая от которого Арцыбашев заметил пыливший по дороге «кругленький» зеленобелый «Москвич» четырехста третьей модели. Ну, ехал кто-то – и ехал по каким-то своим делам. Кто-нибудь. Артельщики или фермеры.

Все так, но сердце Леонида почему-то неприятно кольнуло – ведь в этом «Москвиче» вполне могли быть и те двое. Мордовороты, о которых он так вчера и не рассказал девушке. Ну, позабыл просто.

Позабыл и сейчас...

– Эй, догоняй! – оглянувшись, Наташа махнула рукой... и рванула с места с такой скоростью, что его величеству уж больше ничего не оставалось, как только с силой жать на педали. А догнать медсестричку оказалось довольно сложно! Ну да, она же в детстве велоспортом занималась... вроде. Нет, не «вроде»! Не далее как вчера рассказывала. В дансинге. Правда, Леонид плохо слушал...

Свернув с асфальтированной дорожки в лес, девушка резко сбавила скорость, а вскоре и вовсе остановилась, кивая на высоченные сосны:

– Красиво?!

Арцыбашев кивнул и, прислонив велосипед к дереву, осмотрелся:

– Там что, море?

– Озеро. Очень красивое, сейчас увидишь. Идем!

– А...

– А велосипеды прямо здесь и оставим, – рассмеялась Наташа. – На Сааремаа воров нет.

К озеру вела неширокая тропка, выводила прямо на песчаный пляж, где уже купались какие-то мальчишки, весело крича и поднимая белые, сверкающие на солнце брызги. Медсестричка туда не пошла, свернула в папоротники, затем – в заросли чернотала и вербы.

– Какие-то совсем уж дикие места, – Леонид оглянулся: купающиеся мальчишки оказались уже далеко позади, метрах в двухстах, а то и больше.

– Тут есть один мыс, – оглянувшись, торопливо пояснила девушка, – его Коровым пляжем называют. Раньше колхоз был – коров туда гоняли. А теперь нельзя. Природа!

– Ну-ну...

Нырнув в заросли ивы, путники выбрались на берег к самой кромке озера.

– Обувь снимай, – опершись на плечо Магнуса, Наташа быстро сбросила кеды и, наклонившись, принялась закатывать джинсы. Клетчатую рубашку свою девчонка еще раньше завязала узлом на животике, и сейчас, при наклоне, обнажилась поясница, а из-под джинсов торчали сиреневые трусики, точнее сказать – часть купальника.

– Ну? – шагнув в воду, весело спросила сестричка. – Ты что копаешься-то? На паром опоздаем.

– Но... – поставив в траву корзинку с вином и скатертью, молодой человек сбросил парусиновые туфли и недоверчиво покосился на заросли. – И как же мы тут пройдем?

– Так по воде же! Не бойся, тут только вот этот кустик, а дальше уже и песок.

И в самом деле за густой ивой оказалась узенькая – всего с полшага – полоска песка, белого и приятно теплого. По ней и пошли.

Поросший травой и цветами мыс глубоко врезался в озеро, не доходя до противоположного берега каких-то полсотни метров. На самой оконечности Коровьего пляжа росла одинокая сосна, толстая и корявая. Под сенью ее было устроено аккуратно обложенное камнями кострище, уходил к воде золотой песочек.

– С погодой повезло! – быстро скинув рубашку и джинсы, Наташа побежала в воду.

Арцыбашев, освободившись от лишней одежды, торопливо ринулся за ней. Оба нырнули... вынырнули, шумно отфыркиваясь. Потом принялись плавать наперегонки, брызгаться, пока наконец не утомились и не вылезли обратно на берег, немного усталые, но довольные. Расстелили скатерть, достали вино...

– За наше случайное знакомство! – подняв бумажный стаканчик, церемонно провозгласил Леонид.

Девушка фыркнула:

– Вот уж действительно – случайное. Не принесло бы тебя волной... Кстати, ты так и не рассказал толком про себя...

– Расскажу еще. Успеется.

Выпив, молодой человек тут же налил еще, как он выразился – «на вторую ногу». Третий же тост...

– Наташ, а давай – на брудершафт?

Девчонка ничего не сказала, лишь прикрыла веки. Леонид облизал губы. Открытый сиреневый купальник подчеркивал великолепные формы девушки – стройные бедра, плоский животик с темной ямочкой пупка, тугую грудь с торчащими сквозь материю сосочками... Наверное, купальник был на размер маловат.

Арцыбашев поставил стакан... И вот уже губы слились в поцелуе – затяжном, горячем, терпком. Стройное бедро... манящая теплота шелковистой кожи... ямочки на пояснице, тонкая линия позвоночника... Леонид пробежался по ней пальцами, нащупал застёжку... расстегнул, обнажив налитую грудь... и тут же накрыл губами сосок, розовый и твердый, поласкал языком, чувствуя, как девушка вздрогнула, встрепенулась, тяжело дыша...

Он уложил Наташу в траву, трепетно и нежно, снова принялся целовать грудь, пупок, шею... Осторожно стянул трусики, лаская лоно... Девушка изогнулась, прикрыв синие, как небо, глаза пушистыми загнутыми ресницами... Упругие молодые тела слились, какое-то время были лишь слышны стоны, и само небо, казалось, завидовало влюбленным...

А потом оба вольготно раскинулись в мягкой траве под ласковым солнцем.

– Ой, смотри – земляника! – Наташа протянула руку, сорвала красную спелую ягоду, положила в рот. – Умм! Вкусно. Ты что не ешь? Леня подниматься, да? Ну, что ты так смотришь? Прямо даже не знаю, как.

– Ты красивая, – погладив девушку по спине, улыбнулся Магнус. – Очень.

– Отвернись, – сестричка дурашливо надула губки. – Я стесняюсь.

– Меня?!

– Ну, когда ты вот так смотришь. Как наш комсорг на собрании.

– Так ты сама виновата! Говорю ж, слишком красивая. Даже взгляду оторваться трудно... не говоря уже о чем другом.

– Это не я красивая. Это здесь – красиво. От этой красоты все.

Весь Коровий пляж, весь заливной луг был усеян цветами. Розовым сладким клевером, бело-желтыми ромашками, золотистыми купавницами, фиалками, мохнатыми солнышками одуванчиков. Чего здесь только ни росло! Щекотали кожу пастушьи сумки и красно-белые «кошачьи лапки», качающимися на ветру башенками рвались к небу розовато-фиолетовые соцветия кипрея, одуряюще пахли медом высокие стебли таволги. Ближе к воде, за ольховыми зарослями, расплзлись, разлетелись, словно круги от брошенного в воду камня, желто-синие иван-да-марья, невдалеке от них виднелась смородина – крупная, черная, налитая...

– Ой, хочу!

Наташа бросилась к смородиновым кустам, как была – нагая. Бежала по колено в траве, среди ромашек и анютиных глазок, и лиловые колокольчики словно б звонили, расталкиваемые ногами бегущей девы – динь-дон, динь-дон...

Какое все-таки хорошее место! И, главное, нет кругом никого. Будто бы и на всей земле – нет. Ароматы пряные кругом, тишина... лишь только слышно, как поют птицы. Жаворонки, малиновки... а вот где-то на том берегу закуковала кукушка.

Вот, деловито жужжа, пролетел полосатый и важный шмель. За ним порхнули стрекозы, прозрачносиние, быстрые, чем-то похожие на боевые вертолеты. Откуда-то взялись слепни – толстые, с зеленовато-радужными глазами... Впрочем, налетевший порыв ветра унес неприятных насекомых прочь.

– Ягоды вкусные вообще! Особенно внизу...

Наташа нагнулась, приняв столь волнующую позу, что молодой человек невольно ускорил шаги. Подошел сзади, провел ладонью по девичьей спинке, погладил загорелые плечики, крепко сжал ягодницы...

– Я просто ягод хотела поесть... Но если ты...

– Тсс! Стой, как стоишь, ага...

И снова томное дыхание... И слившиеся тела. И стоны – все громче, громче, громче... и выше – к самому небу!

На том берегу – почти рядом! – что-то блеснуло. Леонид бросил в рот горсть смородины, всмотрелся, приложив ладонь козырьком ко лбу, защищаясь от бьющего прямо в глаза солнышка. И увидел за соснами... Бело-зеленый четырехеста третий «Москвич». Красивый такой, кругленький... Тот, что ехал по дороге от Курессааре. А может, и не тот. Просто похожий. Мало ли «Москвичей»?

– Наташ, там, на том берегу, что – дорога?

– Да, была какая-то, – отрываясь от ягод, девушка вскинула голову, посмотрела... – Ой! И впрямь...

Стыдливо поежившись, Наташа бегом бросилась к сосне и торопливо натянула купальник.

– Вообще-то тут никогда никого не бывает. И дорога там плохая. На машине – едва-едва... Если только кому-то очень надо.

– Рыбаки, наверное...

– Да, наверное, рыбаки. Вон, лодку надувают... – вздохнув, сестричка вдруг улыбнулась. – Ну, нам вообще-то пора уже. Пока доберемся, велосипеды сдадим...

– А я б здесь остался, – честно отозвался Леонид. – Еще часа два у нас точно есть. А рыбаки... Да пусть они ловят свою рыбу! Нам они мешают, что ли?

– Не мешают, но...

– Ну и вот! – Арцыбашев решительно поцеловал девушку в губы. – Тем более. У нас еще бутылка вина осталась... Кстати, я ее что-то никак не найду...

Быстро обшарив корзинку, молодой человек растерянно осмотрелся вокруг и развел руками.

– Хм... Неужто у велосипедов оставили?

– Там и оставили, – хохотнув, Наташа наморщила носик. – В пакетике. Он у меня на руле висел, и вот... Там и висит, верно.

– Так я сбегаю, – Леонид оглянулся на рыбаков. – У-у-у! Они, похоже, совсем на другой край поплыли.

– Ну и хорошо, – улыбнулась девушка. – Только ты недолго там. А я пока позагораю.

Как хорошо было с ней! Здорово. Наташа вовсе не была такой закомплексованной, как Арцыбашеву показалось поначалу. Вот ведь, расслабилась! Вдалеке от своего комсорга, зорко стоящего на страже морали и нравственности. Славная девушка. Нет, в самом деле – очень славная. И дело тут вовсе не в сексе.

Обогнув разросшийся почти до самой воды куст, Леонид прошел мимо ребячьей компании. Пацанов явно стало больше, прибавились даже две девочки – забавные такие, веснушчатые, в красных купальниках. Вежливые. С Арцыбашевым поздоровались первыми:

– Здравствуйте!

– Здравствуйте, – улыбнулся Лёня. – Купаетесь?

– Угу... – одна из девчонок прищурилась. – А вы – на мысу?

– На мысу.

– А мы туда не ходим – там мелко.

– Зато смородина вкусная, – молодой человек рассмеялся и поспешно прикусил язык – нечего рассказывать детям о ягодах. Вот сейчас возьмут да припрутся! Мало было рыбаков? Хотя о смородине эти дети и так знают – они ж местные.

– А вас ваши друзья нашли? – неожиданно спросила девчонка.

– Какие друзья? – Арцыбашев насторожился – никаких друзей у него лично здесь не было, да и быть не могло. Разве что у Наташи. Так она о них не рассказывала.

Девчушки переглянулись:

– Ну, двое дяденек молодых про вас по дороге спрашивали.

– Про меня?!

– Про туристов с парома. Про девушку и парня на великах. Это ж про вас получается?

– Про нас, – задумчиво кивнул Леонид. – А что за дяденьки? Они пешком или тоже на великах были?

– На машине, – девчонки прыснули – вот ведь какой непонятливый им достался собеседник. – Легковая. Зеленая такая, с белым – из проката. «Москвич», кажется. Если б на великах, они б по тропинке проехали, как вы. А так – по тому берегу надо, где дорога.

– Постойте-ка, – взглянув на своих юных собеседниц, Арцыбашев почесал затылок. – Ты вы ж нас не видели. Как же вы сказали, где нас искать?

– Не видели, – дружно кивнули девчушки. – Вас Яан видел. Он нам по пути встретился...

– Ах, Яан... Тогда поня-атно... Так что за дяденьки-то?

– Ну... В шляпах. Сами из себя плотные такие. Крепкие. Как наши рыбаки. У одного еще на щеке шрам. На левой.

– Нет, Лайма, на правой!

– Нет, на левой!

– Да нет же, на правой – точно тебе говорю.

Спорящих девчонок Леонид дальше слушать не стал. Достаточно было и того, что услышал. «Москвич». Тот самый!!! Двое парней. Один – со шрамом. Все ясно, вот они – мордо-

вороты – объявились! Господи... там же, на Коровьем пляже, Наташа – одна! Именно за ней они и следили.

Забыв про вино, молодой человек со всех ног поспешил обратно. Бежал, расталкивая руками кусты, отводя колючие ветки. Лишь бы успеть, лишь бы... Самые нехорошие предчувствия охватили Леню, и он уже корил себя за то, что еще раньше не рассказал Наташе об этой подозрительной парочке. Забыл. Не придавал значения. А оно вот как сейчас обернулось!

Скорее! Скорей!

На мысу никого не было. Ни каких бы то ни было парней, ни Наташи. Лишь скатерть да пустая бутылка из-под крепленого вина «Золотая осень». Ветер катал по пляжу бумажные стаканчики, развеивал повешенную на ветки ольхи клетчатую рубашку. Рядом лежали джинсы, кеды...

Что же, ее вот так – в одном купальнике увели? Или... Или девушка просто пошла искупаться?

Леонид подбежал к воде:

– Наташа!

Нет. Никого...

И на том, близком, берегу – никого. Ни единого человека. Бело-зеленого «Москвича» тоже нет.

Оп-па!

Взглянув под ноги, Арцыбашев увидел на прибрежном песке следы. Волокли, что ли, кого... какую-то тушу... Да Господи! Резиновая лодка! Тех, с «Москвича», мордovorотов. Выследили, улучили удобный момент. Надули лодку, приплыли. Схватили девчонку и...

И что дальше? Куда-то ведь они ее повезли? А куда могли повезти? Так на паром, куда же еще-то? Хотя на пароме-то они ее и так могли достать. Тогда куда? Куда-то на остров? Зачем?

Та-ак... Леонид соображал быстро – государственные дела приучили. Если верить словам девочек, дорога на том берегу одна, да и та плохая. Была б хорошая, было бы и там многолюдно. Рыбаки, охотники, туристы. Просто отдыхающие. Но ведь нет никого! Дорога плохая, «Москвич» не «ГАЗик», ползти будет едваеда. А выехали они буквально только что. Значит, можно догнать. Попытаться. Тем более мелко здесь, можно вброд перейти...

Его величество так и сделал. Перебрался на тот берег, быстро оделся и побежал. Прямо по глинистой дороге с многочисленными колдобинами и лужами. Следы автомобильного протектора просматривались довольно четко, да и никаких других дорог, кроме вот этой, не имелось.

Рвались к небесам высоченные корабельные сосны, дыбились хмурые ели, а густые заросли ольхи и облепихи окутывали все вокруг непроницаемым желто-зеленым покрывалом. Пару раз молодой человек останавливался перевести дух. Прислушивался. Где-то впереди явственно слышался натужный звук автомобильного мотора.

А ведь эта дорожка рано или поздно выходила на вполне проезжую грунтовку. А там этот чертов «Москвич» ищи-свищи. Успеть бы! Успеть... А дальше что? Ну, нагонит он похитителей, и что дальше? За бампер хватать? Или именем его величества короля Ливонии приказать «стоять-бояться»?

Ладно! Там разберемся. А на грунтовке, верно, можно будет и попутку поймать. Какой-нибудь колхозный грузовик. Или на худой конец – рейсовый автобус. Интересно, есть здесь, на Сааремаа, рейсовые автобусы? Должны быть. Вроде. Советские ведь еще времена.

Прожив год в шестнадцатом веке, Арцыбашев и сам не заметил, как стал вести себя так, как было принято там. Действовать, а не рассуждать! Догонять, а не строить планы. Догнать, а там видно будет. Там сообразим. Если догонит. А если не догонит – тогда в местную полицию. В милицию, да. Ага... станут они связываться с КГБ, как же! Тогда...

Шел Леонид как мог быстро. А вот на ходу все же рассуждал, все же старые привычки крепко сидели, никакой шестнадцатый век их до конца так и не выбил. И хорошо, что не выбил.

Подумать иногда тоже полезно бывает. А иногда надобно действовать, вот как сейчас – без раздумий. Когда обстоятельства того требуют. И...

Арцыбашев поначалу не поверил своим глазам. Шагах в двадцати впереди от глинистой дороги отходила еще более непроезжая – только пешком в болотных сапогах пройти – повертка. Прямо на развилке росла раскидистая липа, к которой был прислонен... обыкновенный мопед. Старый (впрочем, здесь все было старое), выкрашенный светло-голубой, местами облупившейся краской, с педалями. Кажется, такой именовался «Рига» и принадлежал, судя по всему, какому-нибудь местному охотнику или рыбаку. Да кому бы ни принадлежал... Как там в уголовном кодексе сказано? Неправомерное завладение транспортным средством без цели хищения? Как-то так...

Видел бы кто-нибудь в этот момент его величество ливонского короля! Законного – ну, почти законного – монарха!

Воровато оглянувшись по сторонам, молодой человек бросился к мопеду и, схватив его за руль, быстро покатил по краю дороги. Катил, оборачиваясь, метров семьдесят, а то и сто... И только тогда, убедившись, что никто его не преследует, Арцыбашев завел похищенное транспортное средство самым простым и общедоступным способом – с толкача! Движок у «Риги», видать, оказался очень хорошим, либо хозяин совсем недавно его перебирал. Мотор не взорвался жутким треском, а заурчал довольно и тихо, что похитителю было только на руку.

Да-а, ездить – это не пешком ходить. Просто никакого сравнения! Прибавив газу, Леонид разогнался километров до сорока в час – насколько позволяла дорога – и уже минут через семь увидел мелькнувшую впереди, за поворотом, светло-зеленую корму «Москвича»!

Автомобиль похитителей как раз повернул на грунтовку, куда уже очень скоро, почти что следом, выехал и молодой человек. И уж тут-то пришлось ему вдоволь подышать пылью. Одно было хорошо – желто-серый шлейф за машиной был хорошо заметен, а других авто на дороге не было.

Не слишком-то оживленное шоссе... Арцыбашев хмыкнул и, выкрутив ручку газа до предела, ехал уже километров пятьдесят в час. Увы, «Москвич» шел немного быстрее. Леонид вскорости потерял его из виду... и пропустил поворот! Только потом заметил вдруг исчезнувший столб пыли.

Немедленно развернув «Ригу», молодой человек покатил обратно, на этот раз внимательно глядя по сторонам. Послеполуденное солнце сияло жаром, в голубовато-белесом небе проплывали реденькие облака, похожие на комки манной каши.

Поверток оказалось две. Одна налево, другая направо. Обе заросшие, обе – без всяких указательных знаков. Внимательно осмотрев и ту, и другую на предмет следов протектора, Леонид решительно повернул направо. И оказался прав! Буквально через пару километров дорога вывела его к берегу моря, к старому заброшенному пирсу, возле которого убого доживали свой век ржавые, давным-давно позабытые людьми суда – небольшой рыбацкий траулер и завалившаяся набок самоходная баржа.

Серовато-синее море с белыми барашками волн, низкий, поросший густым камышом берег. Невдалеке от пирса – знакомый зеленовато-белый «Москвич». Пустой!

Благоразумно оставив мопед на лесной опушке, Арцыбашев осторожно подобрался к машине и спрятался за кустами малины. Интересно, куда это все делись? Присмотревшись, молодой человек углядел шаткие мосточки, переброшенные с пирса на старый траулер. Даже и не мосточки, а просто две досочки. Рядом с ними покачивалась на волнах невидимая со стороны леса рыбацья лодка с аккуратными уложенными вдоль бортов веслами. На досочках что-то валялось...

Сиреневый бюстгальтер! От купальника!

Проскользнув на палубу, Леонид осторожно подобрался к рубке и заглянул в иллюминатор. Пусто! Значит, не в рубке, значит...

В этот момент из трюма донесся крик. Женский, точнее девичий, крик, в котором слышались отчаяние, ужас и боль!

Нет, осторожный Арцыбашев вовсе не бросился в трюм, сломя голову. Сначала приискал себе то, что можно было использовать вместо оружия – в этом качестве вполне подошел ржавый железный прут, валявшийся у фальшборта. Штука оказалось увесистой, килограмма на полтора.

Сразу почувствовав себя намного уверенней, молодой человек принял ухом к приоткрытому люку... Внизу, в трюме, слышались чьи-то голоса, потом звук пощечины... плач...

Леонид ужом скользнул вниз.

– Ты че, дура, рамсы попугала? – донеслось из-за какого-то ящика, коими изобилует трюм.

– Ты помни, Наташа, мы ж по-хорошему хотели, как люди...

– По-хорошему?! – Наташа выкрикнула сквозь слезы. – Это по-хорошему вы у отца весь бизнес забрали? По-хорошему заставляли платить? Я уже не говорю о дядюшке, его вы вообще...

– А вот его-то мы сейчас и прижмем. Тобой прижмем, сучка! Колян, хочешь ее еще разок? Потом, боюсь, фэйс попортим...

Выглянувший из-за ящика Арцыбашев с трудом разглядел в полутьме трюма троих. Двух знакомых мордovorотов в шляпах и еще одного, судя по рыжей бороде и зюйдвестке – местного. Говорил тот, что со шрамом. Голая Наташа была привязана к какому-то длинному станку, по сути – распята. Подойдя ближе, второй мордovorот с гыканьем помял пленнице грудь и принялся расстегивать брюки.

– Я ж говорил – не надо было одеват-ся, – с заметным акцентом сказал местный. – Я так понимаю, сейчас ее опять на троих... а потом? Что скажешь, Сипатый?

Сипатый – тот, со шрамом – хэкнул в кулак:

– А то и скажу – будем ее тут жарить во все щели, пока дым не пойдет. Потом отрежем мизинец и пришлем дядьке.

«Братки!» – ошеломленно догадался Лёня. Самые первые, отмороженные... будущие «малиновые пиджаки». Бандиты, рэкетиры, преступники, а вовсе не сотрудники КГБ! И Наташа, похоже, их знала...

– Ах ты, лапуся... А на, давай вот так... ласково... Я сказал – ласково, тварь!

Колян хлестко ударил девчонку в подбородок.

– Эй, эй! Не очень-то увлекайся, – озабоченно предупредил Сипатый. – Сдохнет еще раньше времени... Хотя... Сдохнет, так мы дядьку по-другому достанем. По-любому достанем, верно я говорю?

– Верно, брат, – обернулся Колян. – Да я ее и не очень-то... вон, очухалась... А ну-ка, милая, давай...

Голый зад бандита задергался. Девушка застонала...

– Стоять! Именем закона! – выскочив из-за ящика, выкрикнул Арцыбашев.

Выскочил и тут же обернулся, якобы подзывая на помощь своих:

– Парни, заходи слева! Аккуратнее там... А вы – не дергайтесь. Причал окружен.

– Менты-ы-ы!!! – вздернув брюки, запоздало крикнул Колян. – Атас! Сматываемся!

Надо сказать, проделано все было умело и быстро, без всякой паники и лишних движений. Швырнув прямо в лицо Леонида какой-то пыльный, пропавший рыбой, мешок, Сипатый рванулся в глубину трюма. За ним, след в след, бросились остальные. Видать, где-то там располагался запасной выход...

– Утешать не буду – сама видишь, некогда, – Арцыбашев сноровисто развязал девушку. – Идти сможешь?

– Даже бежать, если надо, – через силу улыбнулась Наташа.

Все тело ее было избито, на скуле, слева, проступал свежий синяк.

– Надо, – молодой человек отрывисто кивнул, разрывая мешок по швам. – На вот, вместо платья. Времени у нас нет – сейчас братки очухаются и поймут, что никакой милиции здесь нет. Ага... – замолчав, Леонид подошел трапу. – Уже завели машину... Ты им сильно нужна?

– Сильно, – надев мешок через голову, кивнула пленница. – Они дядю моего, банкира, через меня хотят достать.

– Раз банкира, значит, вернутся. Быстрее!

Они выбрались на палубу, осмотрелись. Бело-зеленый «Москвич» уже виднелся у самого леса... Вот резко тормознул. Остановился. Начал разворачиваться.

– Сообразили, клоуны, – Арцыбашев досадливо выругался и кивнул на причал. – Бегом... там шлюпка.

– Бесплезно, у Марка здесь рядом катер, – предупредила медсестра.

– Марк – этот тот рыбачок?

– Никакой он не рыбачок. Бандюган местный. Утюгом людей пытается, упырь!

– Та-ак... Все равно – давай в лодку, больше тут никак.

Девушку не пришлось уговаривать. Миг – и оба уже навалились на весла.

– Левым – табань! – распорядился Лёня, разворачивая лодку к берегу.

– Мы... мы зачем туда?

– Сама же сказала – у них катер. От катера не уйдем.

– Но...

– Ты на мопеде ездить умеешь?

– Что? На мопеде?

– Ну, завести сможешь?

– Смогу, – Наташа неожиданно улыбнулась. – У меня дома мотороллер, «Вятка». Скоростной!

Мощным гребком молодой человек погнал лодку в прибрежные камыши.

– Выбирайся! Там, на опушке, у старой рябины – мопед. Голубой такой, увидишь. Бери его и вали, поняла?

– Угу! – девушка обрадованно кивнула и тут же спросила: – А ты?

– Вдвоем не уйдем. А так я их отвлеку, чтоб на «Москвиче» за тобой не погнались. Давай, иди уже! Живо.

– Ага, – снова кивнула Наташа. – Я тогда... я тогда сразу – в милицию. Здесь недалеко. У них там тоже катер. Ты только продержишься немножко, ага?

– Продержусь. Удачи!

– И тебе!

Чмокнув Арцыбашева в губы, девчонка скрылась в камышах. Поудобней перехватив весла, Леонид погнал лодку вдоль берега. Камыш здесь рос хороший – высокий, крепкий, прямо папирус какой-то, а не камыш! Лодку, конечно, на ходу было заметно, а вот кто в ней находится – попробуй еще разбери. На это и рассчитывал ливонский король! Пока догонят, пока поймут, что к чему... Молодец, Наташка, быстро про милицию сообразила.

Сделав пару гребков, молодой человек поднялся на ноги – посмотреть, как там братки? И в тот же миг окрестную тишину разорвал звук мощного двигателя. Из-за причала появился катер. Беглец поспешно загнал лодочку в камыши. Затаился.

Двигатель резко заглох, и катер пошел вдоль берега по инерции. Приблизился быстро – стали хорошо слышны голоса.

– Здесь они где-то, в тростнике прячутся! Думаем, не найдем, – злорадно промолвил Колян. – Сипатыч, с фраером тем что? На дно?

– На дно, куда же? И девку туда же... Только не сразу, а...

– Курад! – сняв зюйдвестку, Марк громко выругался по-эстонски. – Слышите? Двигатель.

– Моторка?

– Нет-т, не мот-торка. Мопед! Он там, в кустах, валялся, я заметил.

– Так ты думаешь...

– Дефка там мошет быть. На мопеде – в милицию. Семь километров.

– Перехватим! Марк, давай обратно к причалу. Колян, возьми машину и...

Взревел двигатель...

«Ах, как нехорошо все складывается! – уныло подумал Леонид. – Ишь, глазастый какой – мопед заметил. И сразу же выводы сделал. Мало того – угадал! А ведь словят девчонку, уроды. Запросто могут словить. И что теперь делать-то? Господи-и-и-и... Ничего не попишешь, придется вызвать огонь на себя... Хотя что толку-то? Качок Колян с Наташей справится...»

Арцыбашев с тоской посмотрел в небо, на глазах наливавшееся плотной предгрозовой синью. Грозы еще для полного счастья не хватало, бури... Вон, туча-то... И еще какие-то облака... Нет, не облака. Что-то белое... Паруса!!! Черт побери, паруса! Мачты! И... золотистые стяги с изображением Владимирской Божьей матери!

Молодой человек не верил своим глазам: величаво ловя парусами ветер, в бухту входила трофейная шведская каравелла русского адмирала датчанина Карстена Роде, капера Ивана Грозного.

Весла в руки. Грести! Быстрее, быстрее...

На катере тоже заметили и парусник, и рвущуюся к нему лодку. Повернули, не дойдя до причала... Помчались наперерез...

А Магнусу уже и не очень-то нужно было поспешать. Достаточно было просто крикнуть, приказать. По-немецки...

– Эй, вахтенный, я – ваш добрый король Магнус! Зови капитана...

Карстен узнал Леонида сразу, не надо было и в трубу зрительную смотреть. Вытянулся, улыбнулся:

– Слава богу, ваше величество! Мы вас ищем уже целый день... Прошу на борт.

– А это что за... – адмирал изумленно указал на быстро приближающийся к кораблю катер.

– Это враги, – мстительно ухмыльнулся Магнус. – Развернитесь да дайте-ка по ним залп с целого борта!

– Слушаюсь, ваше величество! Вот это дело по мне.

Засвистела боцманская дудка. Рванулись на ванты матросы. Ловя ветер, хлопнул на бушприте блинд. Шкипер закрутил штурвал... Каравелла повернулась величаво и быстро, подставив катеру борт...

Прячась за узорчатой кормой, Арцыбашев с удовольствием вслушивался в команды:

– Орудия к залпу готовы!

– Хорошо. Подпустим на пистолетный выстрел... Внимание, батарея... Огонь!!!

Жахнули разом пушки. Все двадцать. Выплюнули чугунные шестифунтовые ядра. Из которых в цель пали не двадцать, а только семь. Хватило и этих!

Словно наткнувшись на какую-то преграду, катер резко потерял ход, вздыбился и тут же пошел ко дну. К тому моменту, когда наконец развеялся пороховой дым, море вновь было спокойным и гладким. И пустынным. Не считая судна адмирала Роде и брошенной, гонимой волнами, лодки.

Глава 6

Сентябрь 1571 года. Москва

Разгулялась душа...

С Кремлевских башен – Боровицкой, Троицкой, Никольской, Фроловской и прочих – видно было многое. От Соборной площади к башням вели широкие, чисто подметенные улицы, да затем, сужаясь, пронзали, словно метательные копья-сулицы, всю Москву, выбирались в леса, на луга заливные, становились дорогами – в Переяславль, к Ростову, в Коломну и Рязань, в Тверь и Великий Новгород, в Звенигород и дальше – на Смоленск, на Запад. По этому-то, Смоленскому, тракту и приехал Магнус в столицу. С личного разрешения царя стоял сейчас ливонский король на Боровицкой башне, любовался красотами, думал...

В который раз уже вспоминал Эзель-Сааремаа, паром, Наташу, братков... и так вовремя появившуюся каравеллу адмирала Карстена Роде. Там, в Балтийском море, у Сааремаа, тоже была «дыра». Провал во времени, портал! Только вел он куда-то в параллельный мир и с какой периодичностью открывался – непонятно. Опять же – море. Стихия непредсказуемая. Ни сам Роде, ни его моряки не могли толком сказать, как они очутились тогда у заброшенного причала. Ну, плыли себе и плыли. Разве что зеленоватый туман по берегам стелился, да туча грозовая нашла, грозой, кстати, так и не разродившаяся. Ничего необычного каперы не заметили. Как пронзили время, пришли в будущее – так и ушли, буднично и просто.

Арцыбашев потом еще дня три кружил в ялике вокруг Сааремаа – Эзеля, все надеялся... Ан, нет! Ничего с ним не происходило. Этак можно было до морковкина заговенья кружить. Иное дело здесь, в Москве – тут хоть место было точно известно.

Прищуриив от солнца глаза, молодой человек оглянулся, окинул взглядом Кремль – соборы, палаты, мощные красные стены. С юга от стен сверкала на сентябрьском, еще ярком и теплом, солнышке серебристая ленточка Москвы-реки, к северу широко разлилась Неглинка. Столь же неудержимым морем казалась и торговая (Красная) площадь, широкой проплешиной шумевшая восточнее Кремля. За ней виднелись усадьбы «Великого посада», льготные, с многочисленными строениями и обширными усадьбами... Все хоромы, избы, терема – новенькие, только что сложенные. Потому и новые, что еще по весне, в мае, собака крымский хан Девлет-Гирей все посады московские выжег начисто.

Однако быстро отстроилась Москва, быстро. И пяти месяцев не прошло. Ну, так леса-то много. В верховьях Москвы-реки рубили плотничьи артели срубы, сплавляли в город – плати, лови да стройся.

Где-то там, за стенами посада, прозываемого еще «Китай-город», у самого горизонта расположилось в будущем Бульварное кольцо. Пока же никаких бульваров не было, а были – рвы. Мощные, широкие, наполненные водою, близ Москвы-реке, в Занеглименье...

Большой город Москва, по сравнению с Оберпаленом, так и вообще – огромный. И все же – пройди, проскачи на коне, в возке протрясись две-три версты от Кремля – и вот уже шумит вокруг могучий лес, ельники, дубравы, боры вековые! А в лесах тех кого только нет – и зверья всякого, и разбойников, воров да татей, хватает. Да и на Москве таких в избытке! Особенно вот здесь, к западу от Кремля, вдоль Звенигородской улицы. Пустоватое местечко. Курные избенки, кабаки, сырые, прорезанные многочисленными оврагами луга, где сам черт ногу сломит. Так вот райончик и прозвали – Чертолье, а протекавший в самом глубоком овраге ручей – Черторыем. Там, вдалеке, на фоне желтевших деревьев, виднелись стоги, заботливо укрытые рогожками, за стогами чернели заборы и избы. Вообще заборы в Москве были везде. Да и во всех городах – тоже. Не любили чужих, опасались, отгораживались – заборами, частоколами, оградами. Воротами дубовыми – не из всякой пушки прошибешь! Дворней-сторожей зоркою. Псами цепными. А пройди-ко, тать, проберись! Мигом дубиной по башке получишь. Или псинище загрызет насмерть. Иные бояре на подворьях своих и медведей держали. Неуютно в Москве, неласково, от торговой (Красной) площади лучше далеко не ходить. Впрочем, Магнус по Москве шляться и не собирался, все, что ему нужно – в Кремле находилось, в подвале близ Тайницкой башни. Затем он в столицу и явился, испросив приглашение у царя. А

как же! С вновь нареченной невестой нужно ж повидаться! Смотрины устроить, или как там... помолвку, да!

Иван Васильевич встретил заморского визитера милостиво. Не сразу, конечно – помуржил дня три в гостевых хоромах – но принял. В палаты царские, к самому трону, допустил да первым делом укорил Ревелем. Мол, почему не взяли до сих пор? Сам спросил – сам и ответил: воевод не тех прислал, все дело, собаки, испортили. Да еще немцы эти, Таубе и Крузе, много чего плохого наворотили... потому и сбежали, сволочи, к польскому королю. Ничего! Достанем их еще, и тогда...

Выглядел государь, надо сказать, плохо. Весь какой-то сгорбленный, сутулый. Лицо исхудавшее, смуглое. Высокий, с большими залысинами, лоб морщинами изборожден, руки дрожат. Старик. Как есть старик. А ведь всего-то – сорокалетний мужчина! Возраст – самый расцвет. Доконали, доконали Ивана Васильевича интриги боярские, бесконечные войны, тот же крымский хан... Не знает, что и делать. То ли со шведами мириться да пойти на Крым... то ли – наоборот. Опричники еще эти... Не уберегли от хана столицу, не уберегли. Разогнать их ко всем чертям, коли мышей не ловят!

Правда, кое-что все ж государеву душу грело. И душевное письмо от Елизаветы, королевы английской, купцами заморскими переданное, и визит тайный посланников из Речи Посполитой. Многие литвины тамошние, несмотря на все поношения собаки-предателя Курбского, желали бы видеть на королевском троне не кого-нибудь, а лично Ивана Васильевича. Нынешний король, Сигизмунд-Август, дряхл уже был, а королей в Речи выбирали. Кто-то даже французского принца Генриха Анжуйского предложил... кто-то австрийского кесаря... кто – венгерского короля, властителя Семиградья, Стефана... Кто кого. А православные литовские магнаты – Ивана Грозного. Чем государь нехорош? Живо шляхту укоротит, а то сладу с ней нет никакого. Да и не все католикам править, хоть и одно государство, а все же Литва не Польша – православных много.

Хвастал Иван Васильевич, в подробностях все королю рассказывал и ликом все больше светлел. Не так все и плохо, оказывается! Бояр лихих перебил, не всех, правда, ну да ничего, и до всех прочих воров скоро руки дойдут... война ливонская как-то идет вяло – ну, так к тому лету дела поправим, войско пошлем!

– Григорья Лукьяныча к тебе пришлю, – обещал царь. – Скуратова-Бельского. Воин знатный и предан мне, аки пес. Таких теперь мало.

При этих словах Арцыбашева передернуло – вот только ему Малюты Скуратова, известного палача, для полного счастья и не хватало!

– Не надо Скуратова, государь. И без него обойдемся – чай под мою руку волюсть за волюстью переходят. Порядка хотят, довольства.

– Порядка все хотят, – усмехнулся царь. – Что про Польшу скажешь? Могут там за меня на трон выкрикнуть?

Магнус подумал чуть:

– Литвины – да.

– А окромя литвинов?

– Окромя литвинов, еще лифляндские да курляндские города, – твердо отозвался король. – Бывшие орденские. Ныне Польша, Речь, ими владеет. Они, государь, в лютеранство давно подались, полякам то как кость в горле.

– Так и мне лютерова ересь не по нраву! – разволновался государь, аж посохом по полу пристукнул.

Магнус светски повел плечом:

– Ах, Иван Васильевич, оставьте! По нраву, не по нраву... а в городах тех денег больше, чем во всем королевстве польском. А ну как они за тебя всей силой своей денежной встанут? Капитал, бюргеров, недооценивать никак нельзя – союзник мощный.

– Торговые мужики?! – царь нахмурился. – Ах, Арцымагнус, друже – ты мне посейчас те же песни, что и королева аглицкая, поешь.

– Так верно же, государь! Деньги, они...

– Нет! И без торговых мужиков обойдемся, – твердо сжав губы, отрезал царь. – С ними якшаться – чести урон. Ты – да, ты можешь... Только кто ты, а кто я? Ла-адно, не обижайся. Сегодня давай-ко на пир. Невестушку свою, Машу Старицкую, посмотришь. Поди, не помнишь ее? Расцвела, расцвела девка, заневестилась, хоть и мала еще. Дам за ней землицы у Волхова-реки и еще – в Карелии. Владей, не жалко!

* * *

На устроенном по велению царя пиру все шло как обычно. Иван Васильевич, как водится, запоздал, без него не начинали – боялись. Посмели бы! Сидели за столом по чину, и кое-где уже начали было драться из-за места (ближе-то к царю – почетней). Дралась какая-то мелочь из приглашенных на пир думных дворян. Осанистые родовитые бояре, ради пущей важности парившиеся летом в собольих, крытых парчой да бархатом, шубах, места свои знали твердо. Раз не в опале – так на своем месте и сиди. А коли приблизит государь, дело какое важное поручит – тогда и передвинуться можно, кой-кого с соизволения царского потеснить.

Вполголоса обсуждая свои дела, на Магнуса бояре поглядывали вполглаза – многие помнили его еще по прошлому визиту. Что им ливонец? В кремлевские дела не лезет, чужак, одно словно – немец. Как немец и одет – тьфу ты, прости Гоподи! Кафтанчик куций, облегающие портки – срамota! – да поверх них другие портки – короткие, широкие, с ватой, с разрезами. Вот ведь как нехристи-то в полных странах ходят! И не стыдно совсем. Нет чтоб как люди – зипунишко, кафтан, ферязь. И шубу, коли есть, можно... нужно даже. И что с того, что сентябрь-листопад нынче жаркий? Добрая соболья шубейка, чай, семьдесят рублей стоит. Семьдесят! Рублей! Серебряных новгородок-копеек – семь тыщ! А московских саблениц – четырнадцать! Думного дворянина жалованье – пять рублей в год. Корова на торгу – восемьдесят копеек. За хорошего мерина – рубль просят. А шуба – семьдесят! Ну, как такую не надеть, богатство свое не выказать?

Стукнули, распахнулись, двери – резные, золотыми вставками изукрашены. На вставках тех узорочье, птицы да звери чудные огнем горят. Больших денег те двери стоят, не хуже боярской шубы. Да и в палатах, в трапезной, тоже небедно. Стены заморским атласом, парчой да шелком обиты, под ногами от самых дверей ковер персидский стелется, вдоль стен сундуки да шкафы резные заморские, в окнах, в свинцовых переплетах не слюда – стекло вставлено. Видно все – как будто и окон нет.

Выскочили, встали по бокам от дверей дюжие молодцы-рынды. Дети боярские, в белых парчовых кафтанах, с застежками золочеными, с топориками-бердышами на плечах. Только им – рындам – в покоях царских оружие дозволено носить. Шпагу свою Магнус еще на входе сдал. Да и вообще не принято было в государстве московском по мирному городу при оружии ходить. При сабле иль при палаше. Кинжал широкий или узкий стилет на поясе, да, носили. Или в сапоге – засапожный нож. Острый – порезаться запросто можно. Да еще кистень, да пращу, да... У кого что имелось. На виду не держали – под одеждой прятали.

Встали рынды. Гуслеры в углу песнь величальную грянули. Вошел в трапезную Иван Васильевич, царь и великий князь Всея Руси! Задержался в дверях, бороду узкую пригладив, на бояр глянул грозно. Сжались сердца у всех, захолонули. А ну как прикажет грозный царь кого-то тут же, при всех, удавить? Или велит поднести чашу с ядом. Бывали случаи... тот же Владимир Старицкий, упокой Господь...

Но нет, кажется, на этот раз пронесло. Кажется, не хмур государь – милостив. За стол садясь, ухмыльнулся даже, благосклонно боярину Шуйскому кивнул. Шуйский от милости

такой аж зарделся весь, словно красна девица, впервые поцелуй на губах ощутившая. Приосанился, соседей локтями растолкал – а можно! Этакое дело – царь самолично ему – ему, Шуйскому! – кивнул, и кивком тем отметил.

Остальные бояре, завистливо на Шуйского косясь, заглядывали государю в глаза. А вдруг да царь-батюшка еще кому милость окажет?

На больших серебряных подносах слуги разносили яства. Жареного – целиком! – осетра, еще какие-то рыбины, запеченных в яблоках поросят (день-то был обычный, скоромный и не пятница), дичь, жареных лебедей, гусей, дроздов с красной перцовой подливой, целый тазик паштета из мелко порубленных птичек, уху налимыю, осетровую, из белорыбицы (каждый вид рыбки в те времена варился отдельно), пироги с мясом, с луком, с вязигой... и сладкие – ягодники, с ревенем, с лопухом. Еще – каши. Еще – калачи да разные печеные хлебцы. И капуста. И грибочки. И огурчики. И много-много всего – обожраться и лопнуть! И кушали собравшиеся гости – уж от души! С такой жадностью поедали, чавкали, отрезали ножами, руками рвали крупные мясные куски. У каждого была своя – личная, обычно висевшая на поясе – ложка, а вот отдельную тарелку ставили только царю, остальным – одну на двух-трех. И Магнусу – тоже отдельную. Не столько как иностранцу и ливонскому королю, сколько как лютеранину, по московским понятиям – представителю поганой немецкой веры. С таким из одной тарелки хлебать – на всю жизнь унижение и грех великий, одними поклонами да молитвами не отмоешься.

Жрали как поросята бояре. Все улетало вмиг. Вот только что лежал на блюде осетр – оп! И уже один остов. Был поросенок – и одни косточки. От лебедя – только перья. Время такое было – голодное. Бывало, досыта не ел никто, даже бояре. Вот и старались, наверстывали некогда упущенное. А уж хмельное-то лилось рекой. И свое – ягодные квасы, стоялый медок, бражица. И привозное: вино фряжское (бургундское), вино токайское – угорское, вино рейнское (мозельское). И еще куренное вино. Хлебное, двойной перегонки, не какая-нибудь там «корчма»-перевар, – настоящая водочка! Только что с ледника, «со слезою»! После холодца с хреном. Да под огурчик. Под грибочек соленный. Во здравие батюшки царя!

Сам того не заметив, укушался Арцыбашев на пару с Шуйским (другие, впрочем, тоже ничуть не лучше стали). Языки развязались, по углам скабрзные шутки да анекдоты пошли. Гуслиеры музыку погромче грянули... да тут же и перестали. Оборвались резко – сам государь рукою махнул. Кое-кто из гостей едва костью не подавился. У многих – кусок в горле застрял. А ну-тко – что грозный царь удумал? Вдруг да кого велит сейчас – в пыточную? Жечь, бить кнутом, кожу драть, сажать на кол...

Ухмыльнулся Иван Васильевич, скривил тонкие губы. К бороде капустина пристала – того царь не замечал, на Магнуса глянул.

– Ах, друже, невестушку-то свою вновь нареченную не раздумал ли посмотреть? Позвать ли? Ждет ведь Маша, пока мы тут пируем.

Ждет. Вообще на московских пирах женщин не было – не принято было. Мужики с мужиками гулеванили, бабы с бабами, если мужья позволяли. Даже бояре. Даже сам царь. Все. Женщины только к столу выходили – приветствовать дорогих гостей да пригубить чарочку, а кого и поцеловать в губы – то гостью от хозяина честь великая. Царь Иван Васильевич ныне не женат был. Боярышню Марфу Васильевну Собакину («Марфа Васильевна я!») не так давно отравили, на Анне Колтовской еще не женился. Так что холостой был. Точнее вдовец. Многократный.

Потому и не появлялись на пиру женщины, одна только вот – Маша. Вплыла, как истинная царевна – в длинных парчовых одеждах, в красных сапожках на небольших каблукках. Вся из себя дородная – или просто одежек много – рукава до полу стелются, волосы убраны под убрус. А тот весь самоцветами усыпан! Разными там смарагдами-изумрудами, жемчугом.

Честно сказать, Магнус юную свою невестушку не узнал. Хотя видел ведь, видел! Но Маша тогда на мальчика походила, а сейчас... Просто по моде женской московской оделась, нарядилась... А макияж в те времена был – будьте-нате, умереть не встать! Наштукатурена

невеста белилами – лица не видно. Поверх штукатурки – румяна. Щеки ярко-красные нарисованы, сурьмой подведены брови. Как в старом детском фильме «Морозко» – «королевна»! Этак любую можно нарисовать – пока мордочку не отмоешь, не узнаешь ни за что! Черты лица просто не разглядишь. Да-а-а...

Опешил Магнус. А тут еще сосед, князь-боярин Шуйский под руку толкает, подмигивает – мол, невестушка-то дюже как хороша!

Царь Иван Васильевич снова на гостя морского глянул. Рукой милостиво махнул, капустный листок с бороды сбросил:

– Ну, иди, поцелуй невестушку. По обычаю нашему – в губы прямо целуй! В том Маше урону нет. Верно, бояре?

– Так, так! – хором поддакнули гости. – Верно говоришь, пресветлый царь-батюшка.

Делать нечего, поднялся Арцыбашев на ноги. Вышел из-за стола, пошатываясь, подошел к Маше. Та поклонилась, губы с охотой подставила... Губы тоже чем-то накрашены были... на собачьем сале помада, что ли? Невкусные губы, жирные... Но вот глаза! Глаза были те же, что Леонид еще с прошлой встречи запомнил: ярко-синие, огромные, как у девочки Алисы из кинофильма «Гостья из будущего», и... Как у медсестрички Наташи!

После поцелуя юная княжна еще раз поклонилась. Слуги ей на подносе чарочку поднесли – выпила Маша единым махом, не поморщилась. Улыбнулась. Поклонилась. Ушла.

Опростав бокал мозельского, Арцыбашев зашарил пьяными взглядом по зале. Искал знакомых – князя Ивана или Бориса Годунова, конюшего боярина, у которого в прошлый раз был в гостях, где встречался с ныне покойной Евфимией. Да, там и встречался – не на официальном пиру. У Годунова Евфимия даже за стол присела. А тут...

Не было что-то нынче на пиру ни Годунова, ни князя Ивана, ни даже вездесущего дьяка – министра иностранных дел – Андрея Щелкалова. То ли не по чину им тут было, то ли опалился на них царь... то ли куда-то с важными делами отправил. Скорее последнее. Князю Ивану да Годунову тут как раз по чину было бы.

– А выпьем-ко, Арцымагнус!

Снова князь Шуйский пристал с выпивкой. Надоел! Так ведь и не откажешься – невежливо, да и царю потом, злодей, донесет: мол, отказывался чертов немец пить во здравие государево. Так и доложит, к бабке не ходи. Ишь, сидит, лыбится – рожа боярская!

– Ну, давай, выпьем. За батюшку-царя.

– За батюшку-царя! – с готовностью подхватил боярин.

Все гостюшки тост тут же поддержали, исключая разве что тех, кто, упившись, валялся уже под лавками – были здесь и такие, чего ж. И царь на них не обращал никакого внимания. Значит, можно. Значит, принято так.

– Эй, эй, слуга, рында! Мозельского мне принеси... ну, того, немецкого... Впрочем, водку тоже давай... Ась? Вино, говорю, твореное!

Потом песни пели. Сам государь дирижировал – руками махал. Все одно выходило не особенно стройно... Зато громко, во все две дюжины рыл!

– Ой, ты гой еси, православный царь!!! Православный царь, государь еси...

Простая песня. Однако – скучноватая. И мотив такой... знакомый... ммм... на «Евровидении», кажется, что-то такое было. То ли Рыбак, то ли «Лорди». Но не Кончита Вурст, однозначно.

После пира гостей разводили под руки. Кого в возок, под присмотр собственных дворовых людишек – чтоб доставили хозяина домой в целостности и сохранности, кого в гостевые хоромы, а кого и здесь, под лавкой спать оставили.

Ночь уже была, темно, по всему Кремлю горели факелы стражи. В сопровождении слуг Магнус взгромоздился в седло. Хоть идти-то было недалеко, да королю не по чести. Так уж в Московском царстве принято – знатные люди пешком не хаживали, словно какие-нибудь там

шпыни! Ездили. На конях, в возках... Ездили. Даже если недалеко. Даже если близко. Очень. Вот как здесь.

Все же красив Кремль – не отнимешь. Даже сейчас, ночью, подсвеченный круглой луной – красив. Загадочные шатровые башни, патриарший и царский дворцы. И еще – церкви. Благовещенский собор, Успенский, Архангельский. Отражается в куполах луна. Сияет золотисто-медным блеском. Душевно так, умиротворяюще спокойно. И – тишина кругом. Лишь только слышно, как лают где-то на посаде псы да перекиваются на башнях стража:

- Коломна-а-а... Хэй-гэй!
- Владимир!
- Звенигород!
- Серпухов!
- Казань!
- Астрахань!

Последние два города российскими совсем недавно стали. Лет пятнадцать назад завоевал их Иван Васильевич, взял под свою руку. Сначала Казань, потом – Астрахань. Завоевал, многих жителей перебил-перерезал. И правильно, наверное – остатки Золотой орды, ханства – источник татарских набегов. Теперь один Крым остался – вот бы кого к ногтю прижать, работяг проклятых, турецких дружков. Придавить бы, да. Однако опасное дело, не быстрое. Султан турецкий за татар немедленно вступится, войну начнет. А тут еще и в Ливонии воевать не закончили. Затянулась война. Поляки, литовцы, шведы. Немцы всякие. Нет, не выдюжить России две войны. Никак не выйдет. Так что татары запросто снова на Москву набегом пойти могут. Как этой весной, в мае. Опять спалят, пожгут все, пленников уведут в жестокое рабство. В мае сам Иван Васильевич едва спасся, сбежал! Предатели-воеводы хану крымскому указали тайные тропы. Опричники ничего сделать не могли. Вот только обычное войско – земское – билось. Да маловато оказалось сил. Татары пол-Москвы сожгли. Почти все посады. Вот и думай, Иван Васильевич, где нужней воевать – в Ливонии («из чести», а не «торговых мужиков ради»), или походом на Крым пойти, как кесарь австрийский звал? Но для того сначала с поляками замириться нужно, им ведь тоже Крымское ханство как на глазу бельмо. И набегов на Речь Посполитую татары совершают уж никак не меньше, чем на Московию-Россию-Русь! И там, в Речи, свои предатели есть. Кто-то богатеет от татар, кто-то тайком людьми торгует.

Ну, хорошо хоть, Астрахань нынче – русская! И Казань! И Волга-Итиль с недавних пор – русская река! Хоть с той стороны – с востока – набегов нет. И не будет. За то весь народ Ивану Васильевичу благодарен, величальные песни поет. Не нужна им никакая Ливония. А вот крымского хана, собаку... вот кого бы к ногтю прижать!

У гостевых хором Магнус спешился. Сам, лишь немного на плечи слуг опирался, совсем чуть-чуть. Сам же и на крыльцо поднялся – а тут и собственные слуги выскочили, Петер впереди всех:

– О, майн герр, ваше величество! Все ли с вашим драгоценным здоровьем хорошо? Может, лекаря позвать? Пиявочек? Говорят, от головной боли помогают очень хорошо.

– Я тебя сейчас сам... пиявочек! – опершись на резные перила, рассмеялся король. – А вот ванну приготовь... Ну, вели кадку водой наполнить.

– Слушаюсь, мой король! А изволите ли...

– Квасу еще только изволю. В опочивальню мою принеси. А я пока здесь... пока бочку готовите, подышу воздухом.

Стоял Арцыбашев, смотрел на звезды, на ночной Кремль, любовался. Строений в Кремле много, и церковных, и светских – всяких. Всяк стремится поближе к царю жить. С точки зрения человека двадцать первого века, конечно, темновато в Кремле, чего уж. Но вот если глазами немца приезжего посмотреть – так очень даже просторно! С Ригой даже и не сравнить. И с Ревелем. А уж о Нарве и говорить нечего.

Приняв горячую ванну (окунувшись в кадку), его королевское величество облачился в толстый халат и пошлепал в спальню... Впрочем, спать ему не дали. В дверь постучался верный слуга Петер:

– К вам посетитель, мой король. Верней, посетительница. Какая-то знатная дама.

– Дама? Ну, такпусти... ой... сейчас. Я только оденусь...

Сбросив халат, молодой человек проворно натянул узкие панталоны с буфами, белую сорочку, камзол и, накинув на плечи парадный – зеленый с золотым шитьем – плащ, счел свой внешний вид вполне соответствующим внутреннему достоинству. Посмотрелся в висевшее на стене овальное серебряное зеркало и, оставшись вполне довольным, уселся в кресло:

– Петер! Зови... О, боже мой... Вы!

В дверях появилась Маша. Не тот наштукатуренный манекен, что был на пиру, нет – настоящая Маша Старицкая, юная красавица-княжна с синими, как чистое весеннее небо, глазами. Стройная, с сияющим взором. Темные локоны, распущенные по плечам, стягивала серебряная диадема, тоненькая, изящная – как и сама девушка – без всякой вычурности.

На Маше было надето строгое испанское платье, черное, с серебристой вышивкой – с корсетом, буфами и белым гофрированным воротником-жабо. Из украшений – диадема, браслетики да маленькие серебряные серьги в ушах, а на шее – изящное серебряное кольцо, украшенное рубинами. Истинная инфанта! Принцесса крови!

– О, ваше высочество... – вскочив с кресла, Магнус протянул посетительнице руку. – Прошу, садитесь. Может быть, хотите вина? У вас нынче такое прекрасное платье, оно вам очень идет!

– Данке, – присаживаясь, по-немецки поблагодарила княжна. – Ничего, что я вот так, без приглашения, вечером?

– Я всегда рад видеть вас, Машенька. Хочу заметить, ваш немецкий выше всяких похвал.

– Кто только меня ни учил, – пухлые губки девушки тронула улыбка. – Вы что-то сказали про вино? Право, я не отказалась бы.

– Да-да, конечно, – спохватился король. – Эй, Петер...

– Недурное рейнское, – сделав пару глотков из тонкого синего бокала венецианского стекла, похвалила гостя. – Нет, я в самом деле не помешала?

– Господи, Машенька! Но... – Магнус вдруг замялся, глянув в черноту окна. – Вам... вас... ведь скажут... доложат государю...

– Пусть докладывают, плевать, – милое личико искривила злая гримаса. – Я уже взрослая... и дела до меня никому нет. Тем более царю. Да, мы же с вами – жених и невеста... Так что пусть болтают, что хотят.

– Принимать вас большая честь для меня...

Маша покачала головой:

– Бросьте, ваше величество. Вам просто сюзерен приказал... и вы не смеее его слушаться. Ведь так?

– Не совсем, – взяв девушку за руку, тихо отозвался король. – Просто я еще очень плохо вас знаю. Да и вижу-то – второй раз. Или третий.

– Я вам нравлюсь?

Такой вот вопрос. Не в бровь, а в глаз. Довольно неожиданно для забитых московитских женщин. А впрочем, не только для них – до феминизма еще ох как далековато!

– Вы обворожительны, милая княжна! Всем, чем угодно, клянусь, – окунувшись в синь девицких глаз, честно признал молодой человек.

– Спасибо. Значит, вы все же согласитесь взять меня с собой в Ливонию? Не откажетесь, даже если... – здесь княжна вновь запнулась, но сразу продолжила: – Даже если против нас возникнут обстоятельства непреодолимой силы?

– Понимаю, – вспомнив незавидную судьбу Машиного батюшки, недавно казненного князя Владимира Старицкого, Магнус непритворно вздохнул. Оно, конечно, покойный князь – заговорщик, и имел все права на трон. Таких, как он, обычно устраняют. Даже не за участие в заговорах. Просто – за «голубую кровь». Которая, кстати, течет и в жилах Маши. – Вам до смерти надоело в Кремле.

– Ваше величество, надоело – не то слово! – сверкнула очами гостя. – Я готова на все, лишь бы уехать отсюда как можно скорей. Мой отец... матушка... Да, меня пока не трогают... не трогали, но все может измениться в любой час. Завтра будет наша помолвка... а потом свадьба. Не знаю уж, и когда. Сколько еще мне ждать? Год, два? Или намного больше? Вы почему-то кажетесь мне неплохим человеком, ваше величество. Клянусь, я буду вам верна!

– Завтра же попрошу царя устроить свадьбу тотчас же!

Девушка засмеялась:

– О, нет, так не выйдет, мы ж с вами в Москве! Здесь, как в древней Византии, любят и умеют ждать. И я подожду. Лишь бы вы... лишь бы с вами...

– Все будет хорошо, милая Машенька, – мягко промолвил Магнус. – Не сомневайтесь.

– Дай-то Бог, – Маша перекрестилась на висевшую в углу икону Николая Угодника.

Глядя на нее, Арцыбашев перекрестился тоже, на православный манер – справа налево:

– Ах, милая Маша, пока вы будете ждать меня здесь, в Москве, я хотел бы вас кое о чем попросить. И кое о чем расспросить – уже сейчас, коли уж вы здесь.

– Спрашивайте. И просите, – с улыбкой разрешила княжна.

Леонид начал разговор издали. О красотах московского кремля заговорил, о церквах, о хоромах боярских. И о башнях. О том подвале, у Тайницкой...

Машу всю передернуло. Было видно, что тема эта ей неприятна, еще бы – ведь именно там, в подвале у Тайницкой башни, девчонка делала наговоры на смерть самого царя! Арцыбашев тогда спас ее от расследования, и княжна это запомнила... однако вот сейчас активно не хотела вспоминать.

К слову, все ее шашни с черным колдовством его величество интересовали мало. Больше привлекало другое – Магнус прямо так и спросил, без обиняков: не видала ли, мол, милая Машенька, близ Тайницкой башни (или вообще, в Кремле) каких-либо непонятных людишек, вовсе не похожих на обычных ни одежкой, ни поведением...

– Странные немцы? – девушка вдруг кивнула с неожиданной понятливостью. – Да, были такие. Парочка или даже больше. Двух два лета назад стражники пристрелили, остальных – ране еще – верно, тоже... Что за немцы? Да я сама-то их не видала, а так, слыхала только. Непонятные! Черт те как одеты и откуда взялись – неизвестно. Их сразу в Тайный приказ да пытать... Вот и померли.

– Два лета назад, говоришь, – задумчиво протянул Арцыбашев. – Жаль. А вещи? Вещей от них никаких не осталось?

– Остались, – с полной уверенностью в глазах, Маша тихонько пристукнула ладонью по столу. – Тимофей, Земского двора младшой дьяк, хвастал как-то. Даже браслетик дивный мне показывал – не особенно и красивый, но с маленькими часами – совсем как большие, на башнях. Однако не ходили часы те.

– Тимофей... дьяк Земского двора... Ты встречу с ним организовать можешь?

– Попробуем.

Княжна повела плечом, и Леонид, пряча радость, прошептал тихонько:

– Только это... желательно вдали от чужих глаз.

– Ну, это само собой. А как же!

Земским двором именовалось некое государственное учреждение, занимающееся управлением Москвой, а также судом по уголовным и гражданским делам. В судейской избе, что

располагалась на Пречистенке, как раз и хранились все те странные вещи, о которых рассказывала юная княжна Старицкая. И ведал их хранением младший дьяк Тимофей.

Судейскую избу – изрядных размеров хоромину со стоявшими у крыльца стрельцами – стражей – Арцыбашев навестил дня через три после разговора с Машей. Навестил тайно – переоделся в русскую одежду, и слугу Петра переодел. Все как полагается, но без излишеств: холщовые порты, сапоги зеленого сафьяна, рубаха, небесного цвета зипун с мелкими медными пуговицами, а уж поверх зипуна – тепло-коричневая аксамитовая чуга: узкий кафтан с рукавами по локоть, какие обычно носили во время верховой езды или путешествий. Все добротное, недешевое... но, конечно, не такое дорогое, как у московских бояр.

– Мне к Тимофею Зотову, дьяку, – подойдя к крыльцу, молодой человек рассеянно кивнул стрельцам. – По старому делу.

Так его Маша сказать научила, она же с утра еще к дьяку слугу послала – договориться, так что долго ждать не пришлось. Дьяк Тимофей – хитроглазый парень лет двадцати, с вытянутым, как у лошади, лицом и кучей бородкой – принял посетителя сразу, как только тот вошел в избу. Поклонился, одернув скромный темный кафтан, и, поправив на голове сиротскую круглую шапочку – скуфейку, покосился на своих коллег, на просителей да жалобщиков, уже с раннего утра кишмя кишевших в присутствии.

– Одна наша общая знакомая... – начал было Леонид.

– Все ведаю, – дьяк тут же оборвал его, незамедлительно отведя в какой-то темный закуток с большим сундуком, полками и столом.

Отвел, уселся за стол, указав посетителю на стоящую рядом лавку, и, понизив голос до шепота, предупредил:

– Договариваться не здесь будем. Ты посейчас, как на улицу выйдешь, так на углу, у забора, пожди недолгонько.

Арцыбашев пожал плечами: подождать так подождать, эка дело. Вышел, свистнул окочивавшегося у длинного забора слугу да зашагал по мощенной тонкими бревнами улице. Гать под ногами предательски покачивалась, словно Леонид шагал по болоту. Так, верно, здесь и было когда-то болото, а теперь вот стала – улица. Обычная улица, не торговая – проезжая, прохожая, узкая.

Прошелся Магнус, встал, как и договаривались, на углу, у чьих-то ворот... Из-за которых вдруг раздался такой лай, что молодой человек вздрогнул и непроизвольно дернулся в сторону, едва не упав. Хорошо, слуга Петер оказался проворен – поддержал под локоть:

– Осторожней, ваше величество!

– Тсс!!! – яростно заморгал Леонид. – Не хватало еще по-немецки здесь говорить.

– Так... а кто услышит-то?

И впрямь, рядом никого не было. Зато по улице ходило-ехало немало народу, а один мужик в сером сермяжном полукафтани и плетеной из кожаных ремешком обуви – постолал – склонившись, искал что-то в грязи на обочине. Видать, обронил какую-то вещь, а то – и денежку. Ну да, что упало – пропало, в этакой-то грязюге ни за что не найдешь. Мужик это, конечно же, понимал, но все же искал упрямо... правда, не очень-то истово, словно бы делал какую-то необходимую, но не очень-то важную работу, то и дело выпрямляясь да исподволь бросая взгляды по сторонам – видать, не очень-то хотел, чтоб прохожие приняли его за полного идиота... или просто опасался насмешек знакомых. Нехорошо так зыркал... не то чтобы недобро, а так – пристально, словно бы цеплялся ко всем взглядом... как те ребята из КГБ! То есть, тьфу – не из КГБ, а из ОПГ. Просто бандиты.

Леонид хмыкнул, вспомнив, как принял гопников за сотрудников спецслужб, и вздохнул – дорого ему эта ошибка стоила! Хорошо, хоть Наташе удалось убежать. Да не появившись вовремя каравелла Карстена Роде...

Дьяк Тимофей долго ждать не заставил. Подошел, оглянулся, задержав взгляд на том самом растеряхе... да тот уже выпрямился, отвернулся да зашагал по своим делам: то ли нашел то, что искал, то ли – плюнул. Скрылся за поворотом – Леонид его и не видел... да и не смотрел, занятый разговором.

– Есть у меня этикие забавные вещицы, да, – осмотревшись, перешел к делу дьяк. – Однако и стоят немало.

– Я куплю! – Арцыбашев холодно улыбнулся. – За разумную цену. Но сначала бы посмотреть.

– Посмотришь, господине, посмотришь, – уверил Зотов. – Токмо не здесь. В приказной избе я ничего такого не держу. Кой-что – у старшего дьяка, кой-что – у меня... Давай-ко встретимся с полудня в пятом часу. На Иванову улицу, у Чертолья, приходи. Знаешь?

– Найду.

– Там кабак «Иван Елкин». Свидимся.

– Гм... Чертолье...

– Коли боишься, серебришко с собой не бери, – ухмыльнулся дьяк. – Сначала глянешь, потом купишь. Идет?

– Идет! – кивнув, Леонид простился с приказчиком до вечера – ибо «с полудня в пятом часу» как раз и означало где-то часов шесть. А темнело около девяти где-то, и тогда уже другие часы начинались – «ночные».

Честно сказать, Леонида немного смущал район – Чертолье. Самая неудобь у Черторыйского ручья. Узкие кривые улочки, тут же рядом – пожни со скирдами, овраги, перелески. Сам черт ногу сломит – отсюда и название. Да и разбойничали там по ночам – «шалили»... Впрочем, не только там.

Ласковое сентябрьское солнышко пряталось за густыми кронами берез. Густо-зеленая, почти летняя листва уже была тронута желтыми прядями, облетали потихоньку листочки с тополей, начинали смущенно краснеть росшие рядом клены. А вот трава была летней – густой, рвущейся к сверкающему нежно-голубому небу, чуть тронутому полупрозрачными перьями облаков. Нынче выдался чудесный денек, тихий и теплый, и к вечеру разжарило еще больше, так что сидевшие на кабацкой завалинке пьяницы-ярыжки поснимали сермяги, оставшись в одних посконных рубахах.

Иванова улица тоже была мощеной, как и многие на Москве. На уложенные по краям лаги клались поперечные плахи, кои быстро разбивали всадники и возы. Да еще сделал свое дело весенний пожар, так что теперь не только проехать, но пройти здесь казалось довольно трудным, почти невозможным, делом – разбитые плахи торчали вокруг, словно зубы сказочного дракона. По обеим сторонам разбитого настила, вдоль бесконечных заборов из врытых в землю бревен, тянулись канавы с отбросами. С усадеб туда сливали помой и нечистоты, туда же сгребали с настила конский навоз. Пахло это все – хоть нос затыкай, к тому ж в нечистотах возились, пищали крысы. Видать, тоже хорошему деньку радовались.

– Ну вот, кажется, и пришли, – кинув на распахнутые настежь ворота, хмыкнул Магнус-Леонид. – Вон и алкоголики местные...

– Кто, майн герр? – недоуменно переспросил Петер.

– Ярыжки. Пианицы.

– А-а-а.

Пройдя обширным двором со стоявшими там несколькими телегами и привязанными к коновязи лошадьми, как видно, принадлежавшими каким-то торговцам, господин и его юный слуга, пригнувшись, вошли в низкую дверь с прибитой к притолочине еловой веткой. Арцыбашев был готов ко всему, однако внутри кабака вовсе не оказалось как-то по-особому противно или опасно. Ну да, сидели мужики – пили, закусывали как-то мелочью, а чаще и вовсе обходились без закуски – выпив, лишь усердно крякали да с размаху били чарками по столу.

А в общем-то, вели себя прилично, да и вокруг было довольно чистенько, даже проворный служка – кабацкая теребень – усердно мел пол sprыснутым в воде веником. Обычная рюмочная, ничего такого.

– Вот тот стол, кажись, свободен... ага...

Едва посетители уселись, как оторвавшийся от веника служка, молча, без всяких вопросов, поставил на стол две чарки с водкой. Серебряные! Статус гостей кабацкий определил по одежке.

– Эй, эй, любезный! – бросив на стол мелочь, Арцыбашев поманил слугу. – На зуб чего принеси.

– Чего-чего?

– Ну, закуски какой-нибудь. Пирогов там, еще чего...

Теребень – кривобокий парень с грязными рыжими патлами и круглым, густо усыпанным веснушками лицом – неприятно осклабился:

– У нас ведь царев кабак, господине! Не какая-нибудь харчевня. Не есть – пить приходят. Хотя что ж. Капусткой могу угодить?

– Давай капусту свою. Тащи.

Через пару минут слуга тяпнул на стол глиняное блюдо с кислой квашеной капустой... довольно вкусной, несмотря на неприглядный внешний вид. Правда, есть ее пришлось руками – никаких столовых приборов, кроме чарок, в сем питейном заведении не подавали. Ну, так и правильно – не есть, пить пришли! А покушать да поночевать милости просим в харчевни да на постоялый двор! Только водки вам там не подадут, даже и гнусного медового перевару – водка только в царевых кабаках! А в харчевне... ну, из-под полы разве что... Там другое питье, не столь убойное: квас, медовуха, бражица.

– Ну, и где же этот чертов дьяк?! – покосившись на подозрительно оглянувшегося служку, Леонид поднял чарку.

– Подождем, майн герр, – весело улыбнулся Петер. – А покуда ж – выпьем...

– Я вот тебе выпью!

– Нехорошо не пить, господин. Здесь же кабак все-таки.

С точки зрения конспирации слуга был абсолютно прав. Как это – прийти в кабак и не пить? Все равно что в парилку ввалиться в одежде. Подозрительно! Очень. Вон и так уже кабацкая теребень оглядывается.

– Ладно.

Намахнули. Захрустели капусточкой. Служка тотчас же наполнил опустевшие чарки. Вмиг!

Арцыбашев покачал головой: этак и спиться можно. Покуда дьяка ждешь... Чарки-то тут немаленькие – с нормальный такой стакан. Ну, не двести граммов... но сто пятьдесят – точно! Тем более – почти без закуски-то.

– Смотри, не очень-то налегай, парниша!

– Так я ж, майн герр... О! А вот и дьяк!

Опустив стакан, Петер помахал рукой только что вошедшему в кабак Тимофею. Тот, завидев сидевших, улыбнулся, подошел да, сняв заплечный мешок, уселся рядом на лавку. Расторопный кабацкий служка проворно притащил третью чарку. Выпили. Так, для конспирации, но в голове загудело.

– Принес? – пожевав капустки, негромко поинтересовался Леонид.

– Принес, ну.

Кивнув, дьяк развязал мешок.

– Смотри – вона.

Часы с браслетом. Обычные такие часы, серебристые, с темно-синим циферблатом, марки «Ракета». Петродворцовый часовой завод, кажется.

– За сорок копеейных денежек уступлю, господине.
– Сорок денежек? – Арцыбашев с возмущением вскинул брови. – Это ж с полкоровы!
– Так и вещица-то! – Зотов прищелкнул языком. – Вона, блестит вся... играет!
– То-то что играет. Не золото, не серебро – так, погремушка, – Лёня отодвинул часы к дьяку. – Еще что имеется?

Честно сказать, не густо оказалось у дьяка, совсем не густо. Кроме «Ракеты» еще голландская зажигалка, авторучка, какое-то несуразное пресс-папье, пустая пол-литровая бутылка из-под водки «Пшеничная»... и несколько советских монет, мелочь. Пятнадцать копеек, двадцать, пятаки... Самая старая монетка – восемьдесят первого года.

Леонид задумчиво покусал губу. А ведь здесь все вещи – из начала восьмидесятых! Выходило, что кто-то еще не так давно проникал сюда – именно из того времени. Из восьмидесятых годов двадцатого века, а вовсе не из начала двадцать первого! Что ж, получалось, что Арцыбашев один – из того? И как обратно... если есть выход, так он ведет в восьмидесятые?

Пусть так! Все лучше там, чем здесь. Уж куда безопаснее, да и быт налажен... В конце концов, и там можно будет новый путь поискать, по подвалам пошариться...

– Важную – на «новгородку» обменяю, – заметив интерес собеседника, подмигнул дьяк.
– Давай на «московку», – Леонид хитро прищурился: все ж таки надо было хоть что-нибудь купить. – И не все – а вот эти две.

Зотов скорбно покачал головой:

– Всего две, господине? И браслетку даже не возьмешь?
– Две, – твердо заверил король. – И ты сейчас мне подробно расскажешь, где все это нашли и при каких обстоятельствах. Ну-ну, не парься! Рассказ оплачиваю отдельно. Вот...

Арцыбашев выложил на стол еще дюжину монет – серебряных московских денег размером всего-то с ноготок. Однако эти «ноготки» довольно много стоили!

– Эх, ладно, мил человек, – уступил дьяк. – По рукам!

– Ну, так давай, рассказывай.

Как и предполагал Леонид, все вещи из будущего были изъяты у «поганных немцев», появившихся в Кремле.

– Немца того у Тайницкой башни схватили, – вспоминал Тимофей. – А другого – у Воротной. Третьего же... гм...

Дьяк задумался, и Арцыбашев нетерпеливо его подогнал:

– Тоже где-то в Кремле, верно?
– А вот и не в Кремле! – неожиданно возразил Зотов. – И не на Москве даже.
– Не в Москве? А где же?
– В Новгороде! Ну да, в Новгороде. Как раз тогда заваруха там началась. Вот немца и словили... Да сразу – в прорубь, особо не спрашивая, потому как ясно же – лазутчик, согладатель!

Король недоверчиво поджал губы:

– Что, даже не допрашивали?
– Еще пяток «новгородок» прибавишь, господин?
– Н-на!

Посыпались, зазвенели монетки. Дьяк проворно накрыл их рукой и, кинув одну подбегавшему слуге, продолжил:

– Так о нем, немчине том, Ивашко Хмуров, опричник, докладал. Дескать, мчался прочь от войска... Тогда там все прочь мчались. Вот и взяли на стрелу.

– Ты ж сказал – в прорубь! – насторожился Леонид.

Дьяк лениво поковырял ногтем в зубах:

– Не, в прорубь – это не его. Немчина – стрелою. Так Ивашко Хмуров и докладал. И не в самом Новгороде, а где-то рядом – в деревне.

– Ты-то сам говорил с этим Ивашкой?

– Говорил, господине. Когда вещицы велено было в казну прибрать, язм его и расспрашивал. Опись делал.

– Опись...

Арцыбашев на миг представил себе, что это была за опись, куда вошло, верно, что-то более-менее ценное, остальное же... на остальное же, не особенно кому нужное, наложил лапу приказной дьяк. Так просто наложил, на всякий случай – авось что-нибудь когда-нибудь и сгодится. Сгодилось вот.

– И что там еще было изъято?

– Кафтанец кургузый, опорки, – охотно перечислил Зотов. – На порты никто не польстился – облезлые какие-то, срамota! Так в них и зарыли.

– Облезлые... – Леонид покусал губу. – Джинсы, значит. А больше ничего?

Неожиданно откинувшись, Тимофей сложил на груди руки и лукаво прищурился, словно ушлый прощелыга-торговец, припасший самое важное напоследок.

– Ну-ну-ну! – с готовностью загремел монетами собеседник. – Говори же!

– Не поверишь!

– На, вот.

Арцыбашев быстро отсчитал пять монеток, потом тут же высыпал на стол еще столько же: слава царю Ивану Васильевичу, деньги были!

– Там, в деревне, повозку, колесницу бесовскую, в грязи неподалеку нашли, – понизив голос, поведал дьяк. – Из железа вся, аки конь! С рогами, о двух колесах блестящих! Впереди – глаз стеклянный! Видоки говорили, будто на повозке той тот немчин верхом, аки на лошади, ехал! Ну, это врут, ясно.

– Само собой врут, – согласно кивнув, Леонид намахнул от волнения стакан и поинтересовался, что с той повозкой стало.

– А ничо не стало, – Тимофей тоже поднял чарку. – В Новгород ее на телеге свезли. Там где-то в амбарах приказных и валяется. Не до нее было.

– А тот опричник, как его... Ивашко Хмуров? Он сейчас где?

– На том свете Ивашко, – единым махом опростав водку, дьяк поставил чарку на стол. – По весне еще под саблю татарскую угодил.

– Так-так... – тихо повторил Арцыбашев. – Значит, Новгород, говоришь... Москва, Эзель и вот – Новгород... И еще деревня какая-то.

Молодой бюрократ конца шестнадцатого столетия и провалившийся во времени путешественник расстались вполне довольные друг другом. Дьяк выручил вполне приличную сумму, а Леонид хоть кое-что узнал. О новом портале времени, новых воротах. Кто знает, может быть, именно там, в Новгороде, и можно было бы попытаться отыскать выход? Все лучше, чем рыскать по холодным волнам где-то в море у Сааремаа! По крайней мере, на суше. Да и вообще, мотоцикл – а что еще-то? – вещь достаточно шумная: кто-то что-то обязательно видел, запомнил. И сможет рассказать. Главное, этих людей найти, а ведь они должны быть, обязательно должны, не всех же новгородцев погубил Иван Грозный, непонятно, за какие грехи! Кто-то ведь и в живых остался. Эх! Добраться бы теперь до Новгорода, да только вот как? Тайком – не выйдет, ливонский король слишком уж заметная фигура. Это не как сейчас – на полдня исчезнуть. Тут куда больше времени понадобится. И что остается? Разве что попросить Ивана Васильевича отдать Новгород в качестве приданого Маши? Отдаст? Может и отдать, запросто. А может и нет – одно слово, сатрап! Типичный такой деспот. Тогда что остается? Раз самому покуда никак, так надобно отправить в Новгород верных людей. Пусть тайком порасспрашивают, пошарят. Вот хоть того же месье Труайя и отправить, он мужик ушлый. Только вот незадача – в Ливонии остался. Тогда кого же? Петера? Смешно и думать. Тогда... А Машу и попросить! Невестушку нареченную. Неужто у нее верных людишек нет? А нет, так пускай за деньги кого-нибудь сыщет. Разберемся...

– Господин, – отвлек от важных мыслей Петер. – Быть может, нам лучше выбираться отсюда по каким-нибудь более людным улицам?

А вот этот вопрос пришелся сейчас более чем кстати! Поглощенный беседой с дьяком, Арцыбашев провел в кабаке куда больше времени, нежели планировал изначально, надеясь вернуться в Кремль до наступления темноты, когда передвигаться по московским улицам стало бы слишком опасно, несмотря на все принимаемые Земским двором и Разбойным приказом меры предосторожности типа стрелецких ночных постов и перегораживающих улицы рога-ток... не очень-то мешавших многочисленным разбойничьим шайкам творить свои черные дела. Вот казалось бы – Иван Грозный, авторитетный, кровавый царь. И тот с разбойниками справиться не может, несмотря ни на какую опричнину! Да хоть Иосифа Сталина взять: конец сороковых – начало пятидесятых – это ж разгул бытового криминала! Все пацаны хотели бандитами быть. На бытовом уровне блатных боялись и уважали почище государственной власти.

Так что не в кровавости и тиранистости дело. Просто простой народ запугать куда легче, нежели бандитов-разбойников. Вот и не справлялась власть – что при Сталине, что при Иване Грозном. Да и цели себе такой особо не ставила.

Небо над головой еще казалось светлым, однако в воздухе сгущались сумерки. Уже не так далеко было видно, не так хорошо. В хоромах, за частоколами, зажигались огни свечей, с грохотом запирались ворота, выпускались во дворы цепные псы. Редкие прохожие быстро исчезали с улиц, в небе вспыхивали первые звезды, а над деревьями повисла белесая луна.

– Вышел месяц из тумана, вынул ножик из кармана, – поежившись от внезапно наступившей прохлады, мрачно пошутил Леонид.

Петер вытащил из-за пазухи кистень – увесистый железный шарик на китовом усе. Не удержался, похвастался:

– Хороший, английский. Сам господин Карстен Роде подарил!

Хмыкнув, Арцыбашев наклонился, достав из-за голенища узкий закаленный нож, длиной не намного короче шпаги. Предосторожность не лишняя... вполне...

Простившись с дьяком, путники не успели отойти от кабака и сотни шагов, как впереди, из-за частокола, гогоча, вывернула кодлочка – человек пять. Судя по голосам, молодые парни, отроки-подростки немногим старше Петера.

– Сейчас, по всему, закурить спросят, – Леонид сжал крепче нож. – Как только подойдут – нападём первыми. Беру на себя вон того высокого, ты – того, что слева, с дубинкою.

– Вы сказали – спросят закурить, господин?! – неподдельно удивился слуга. – Обычно ничего не спрашивают – нападают сразу.

– Ну, это как когда... Ты понял, кого первым бить?

– Да, майн герр! Того, что слева, – мальчишка неожиданно приосанился, светло-серые, как волны Балтики, глаза его грозно сверкнули. – Мы прорвемся, мой король! Все москвиты – трусы.

– Да что ты! – обиделся за москвитов Лёня.

– Иначе б они не позволили сжечь свою столицу какому-то татарскому хану! – убежденно отозвался слуга. – И не терпели бы над собою тирана.

– Эй, эй, поосторожней! «Тиран» – наш добрый союзник, покровитель и друг, – Арцыбашев все же не преминул наставить парня на путь истинный. – Откуда мысли такие?

– Так все время Анри говорит.

– Ох уж этот месье Труайя... Вот откуда ветер дует... Внимание!

Кодлочка уже подошла совсем близко, и Леонид решил, что больше ждать нечего. Взмахнув ножом, он ринулся к самому высокому, по всей видимости – вожаку, и тотчас же Петер раскрутил над головою кистень, сопроводив сие действие самым диким воплем. Напали, как и договорились – первыми, главное сейчас было – ошеломить!

Ошеломили...

Завидев у своей шеи нож, высокий парень неожиданно бухнулся на колени и принялся скидывать кафтан:

– Не убивайте! Все заберите, все...

Тот, что слева, уже протягивал Петеру шапку – хорошую, отороченную мехом... Остальные трое поспешно убежали, черт знает, куда – их уже и видно не было.

– Кто такие? – убрав нож, грозно поинтересовался король.

– Из детишек боярских мы... – высокий, а скорее, длинный парень чуть ли не плакал. Вблизи он выглядел куда младше, нежели казалось издали. Лет на тринадцать-четырнадцать. Второй бедолага – еще моложе.

– Мы просто по домам шли, с Черторыя. Там качели... Блины продают. А денег у нас нет, господине. Только вот, мелочь...

– Прочь пошли, – Арцыбашев устало махнул рукой. – Идите, куда шли.

– Что-что, господине?

– С глаз, говорю, долой, живо.

Оба парня не заставили себя долго упрашивать, унеслись с такой скоростью, что позавидовал бы и чемпион мира по бегу.

– Я же говорил, все московиты – трусы! – помахивая кистенем, хвастливо заметил Петер.

Поглядев на него, Леонид сурово сжал брови:

– Поверь мне, не все. Эти просто еще молодые. И уже пуганые.

– А вон еще идут! – слуга указал рукой назад. – Действуем так же?

– Ага!

Можно было, конечно, попробовать убежать, да только вот успели бы? По Чертолью-то не побегаешь много – вмиг запнешься за какую-нибудь корягу или вставшую дыбом дорожную плаху. Да носом в грязь! Запросто. Тем более тех, кто вынырнул из-за угла со стороны кабака, оказалось не очень-то много. Всего трое. А ведь только что пятерых прогнали, так неужто не справиться с тремя?!

Переглянувшись с Петером, Арцыбашев снова вытащил нож...

Те трое шли спокойно. Прямо на вставших спинами к забору ливонского короля и его слугу. Магнус сжимал в руке нож, Петер помахивал кистенем. У двух гопников имелись массивные дубины, третий же... Третий же вдруг остановился, снял с плеча мешок, быстро развязал... что-то лязгнуло.

– Ложись!!! – толкнув слугу, Арцыбашев и сам повалился в грязь со всей поспешностью, на которую был способен.

И вовремя! Арбалетная стрела со всей своей тупой злобой и характерным звуком насквозь прошла забор.

– А вот теперь – вперед! – Магнус прытко рванулся из грязи.

– Сзади-и-и! – отчаянно закричал слуга.

Сзади, из-за частокола, выбежало пятеро... а может, и шестеро, и семеро – Леонид не считал, но видел, что много. Значит, специально пасли... Или просто поджидали всей шайкою припозднившихся прохожих.

Не-ет! Все-таки – пасли. Средь мерзких гопнических рыл Арцыбашев вдруг заметил знакомую физиономию служки. Рыжий, с веснушками – не так уж еще и темно, чтоб не разглядеть. Ну, теребень кабацкая! Значит, татьбой промышляешь?

– Прорываемся в разные стороны, – приняв решение, Магнус быстро предупредил слугу. – Бьем и разбегаемся. Я налево, ты направо. Повезет, так свидимся.

– Понял, майн герр!

Что и говорить, Леонид не рассчитывал засиживаться в дальнем кабаке так долго. Однако засиделся. И за это головотяпство теперь приходилось платить. Возможно, кровью... или даже жизнью. Здесь, на Москве, бывало по-всякому. И не только здесь.

– Рвем, Петер!!!

Сверкнули сабли. Чей-то клинок хлестко ударил по пальцам, выбивая нож...

– Бей их, робяты! – глухо распорядился кто-то. – Насмерть глуши.

Насмерть! Ах, вот та-ак...

Упав под ноги одному из нападавших, Леонид толкнул ногами соседнего, явно не ожидавшего такого подвоха. Незадачливый гопник (шильник, шпынь, тать) повалился на спину, на миг ослабив хватку. Этого хватило, чтобы выхватить из его руки саблю... Выхватить и тут же – без замаха – по горлу!

Бедолага захрипел, захлебываясь собственной кровью, а король уже скрестил клинок с очередным шпынем:

– Н-на!!!

Шильники не ожидали такого отпора и на миг замешкались, и Арцыбашеву даже удалось ранить еще одного такого прыткого... А вот дальше он достать никого не успел. Вновь прозвучал все тот же глуховатый голос, видать, старший что-то приказал... Разбойники поспешно расступились. Трое арбалетчиков встали в ряд! Еще трое парней выставили рогатины... Не убежишь. Не прорвешься. Уклонишься от стрелы – возьмут на рогатину, как медведя. Обложили, сволочи, обложили!

И что же делать-то?

Где-то рядом вдруг гроыхнул выстрел.

Леонид скривился – ого, у них еще и пищали! Или то был пистолет? Да, пожалуй, нет. Пистолет – оружие дорогое, редкое, откуда ему взяться у шильников, промышлявших обычным гоп-стопом? Значит, не пистолет, а...

И снова грохот! И...

И все арбалетчики полетели к забору, откинутые, вмятые тяжелыми мушкетными пулями. Стрелки, видно, били из-за поворота... Не очень-то и видно... хотя нет – вот они. Четверо с пищальями. И один – в сером полукафтани. Видать, старшой.

– Заряжай... Целься!!!

– Бежим, братья!!! Стрельцы!

Оставшиеся в живых гопники растворились в зыбком мареве сумерек, не столь уж еще и темных. С той поры как Магнус и Петер вышли из кабака, прошло, верно, минут пятнадцать – двадцать, никак не более. А показалось – будто целая жизнь.

– Спасибо, парни! – бросив саблю, Арцыбашев бросился благодарить стрельцов... Да тех уже и след простыл! Тоже, как и разбойники, растворились. Верно, еще были дела.

– Ваше величество...

– Петер?! Слава богу, жив!

Магнус стукнул парня по плечу:

– Похоже, везет нам с тобой, как утопленникам! Ну, что – в путь. Думаю, никто больше сюда не сунется. По крайней мере, сегодня.

Сунув кистень за пазуху, парнишка солидно кивнул:

– Да, выстрелы далеко слышать было. Вон как собаки разлаялись!

– Побоятся шильники стрельцов!

– Стрельцов? – Петер задумчиво качнул головой. – Не очень-то эти стрелки походили на стрельцов, мой король. Особенно тот, в сером кафтани.

– Ты разглядел его?

– Так... издали. Они просто пришли, сделали свое дело и так же ушли. Словно бы специально нас охраняли.

* * *

На следующее утро в опочивальню короля Ливонии пожаловал канцлер Андрей Щелкалов. Красивое, обрамленное темной, с заметной проседью бородой, лицо его, обычно спокойное и благостное, на этот раз выглядело каким-то одутловатым и усталым. Да и сам дьяк казался не выспавшимся, левая бровь его то и дело дергалась, глубоко посаженные глаза глядели на Магнуса с недобрым прищуром.

Пройдя в королевский кабинет, Щелкалов без особенных предисловий попенял его королевскому величеству на «нехорошие полнощные хождения», сиречь на вчерашнюю прогулку по Чертолью, откуда-то ставшую хорошо известной дьяку.

Ну... откуда-то? Следили, конечно. Присматривали.

Спрятав ухмылку, Арцыбашев тактично пояснил визитеру, что давно уже собирает разные забавные вещицы, вот, мол, и польстился – решил кое-что купить.

Глава Разрядного приказа покачал головой и пробурчал, что про «вещицы» можно было б спросить и у него – авось что-нибудь и предложил бы – а не бегать «аки шпынь ненадобный» по всей Москве, да еще переодевшись в простонародное платье. Сию выволочку высокому гостю Андрей Яковлевич, конечно, сделал не от своего скромного имени, а по непосредственному поручению государя, которому, как выяснилось, незамедлительно докладывали обо всех делах Магнуса. Наверняка доложили уже и о неофициальной встрече с юной княжной Старицкой – соглядатаев в Кремле хватало.

А посему Леонид скрывать ничего не стал – подумаешь, с нареченной невестушкой встретился, и что с того? А по поводу «забавных вещиц» – так ежели у «уважаемого господина канцлера» и впрямь что-нибудь этакое имеется, то почему б и не глянуть.

– Может быть, герр Счелкалов, я что-то и куплю.

– Ну... – канцлер несколько замялся, но тут же выкрутился, сказав, что «вещицы» еще нужно поискать по приказам, сказать, чтоб доставили – в общем, время, время...

А времени у его величества уже не оставалось совсем – царь Иван Васильевич спешил отправить его обратно в Ливонию, на этот раз не столько воевать, сколько сбивать коалицию из тех, кто настроен был против шведов. А таковых хватало, хватало – наглых шведов не любили многие, только вот, в большинстве своем все эти «многие» склонялись к Речи Посполитой или в лучшем случае к королю Дании Кристиану, возможный союз с которым был как-то бездарно порушен Иваном.

Арцыбашев заявил об этом честно, когда прощался с государем. Иван Васильевич ничего не сказал, лишь поиграл желваками да со всей строгостью посоветовал – фактически приказал – не пускать шведов на побережье.

– То сделаем, – приложив руку к груди, тут же заверил король.

Заверил вполне искренне, ибо у него самого имелся неподдельный интерес к побережью, в первую очередь – эзельскому. Вдруг да повезет? Вдруг да найдется «провал»?

Правда, и информацию о Новгороде не стоило сбрасывать со счетов, тем более что в Москве оставался верный человек – юная княжна Старицкая, нареченная невеста, которой, похоже, вполне можно было довериться – другого-то все равно никого не имелось.

Арцыбашев простился с Машей официально, испросив на то разрешение царя. Обнялись, поцеловались, как и положено жениху с невестой... и Магнус, уловив момент, украдкой сунул девушке написанное по-немецки письмо, в коем просил не отказать в просьбе, а именно – по возможности разобраться в «новгородском деле», суть которого молодой человек в подробностях изложил в этом же письме. И еще приписал, что с нетерпением ждет известий... послания на имя нарвского купца Генриха Ротенберга.

Конечно, княжна не смогла прочесть письмо тут же и тут же ответить, однако Леонид все же надеялся, что Маша все поймет правильно, ведь она была девушкой весьма образованной и очень даже умной.

На следующий день, еще засветло, ранним утречком его величество отправился в обратный путь. Двинулись, покатали со скрипом возки, заржали лошади, а выехав на Смоленский тракт, сопровождавшие Магнуса стрельцы грянули молодецкую песню. По оврагам еще стелился туман, а в небе уже проглядывало солнышко. Легкий ветер сдувал с деревьев листву, уносил серебристые паутинки. Грустно крича, сбивались в шумные стаи перелетные птицы.

Глава 7

Весна 1572 года. Ливония

Проблемы

Промозглый, дующий с Балтики ветер с грохотом швырял на берег свинцовые волны, словно намеревавшиеся поглотить, смыть в море выстроенный на пологом мысу замок, царявавший башнями низкое серое небо. На воротной башне, сразу над поднятым подвесным мостом, висел большой щит с гербом мятежного барона фон Ротта – бегущим серебряный быком на алом поле. Над гербом красовалась выкрашенная в белый цвет металлическая полоса-лента с девизом: «Гордость! Гордость! Гордость!»

Да уж, чего-чего, а гордости у барона фон Ротта хватало. Но еще больше имелось злобы, ненависти и чванства. И еще – совершенно омерзительной жестокости. Говорят, барон творил со своими крестьянами такое... от чего волосы шевелились на головах даже в столь жестокий век. За малейшую провинность выкалывал глаз, распинал, сдирал с живых кожу – и считал себя в своем праве, явно наплевав на недавний указ короля об отмене крепостного рабства.

Так и говорил: «Плевал я на королишку!» Просто так, безнаказанно, оставлять в конец обнаглевшего хама было нельзя. Вот и Магнус решил не ждать до лета, торопился, пока фон Ротт не успел получить помощь от шведов. А ее можно было ожидать буквально со дня на день – наступала весна, лед на заливе почти весь растаял, лишь кое-где плавали по волнам темно-синие ноздреватые льдины, прощальный привет зимы.

– Говоришь, этот гнусный хомяк называл меня земляным червяком? – опустил зрительную трубу, Магнус успокаивающе погладил по холке лошадь.

– Земляным... э-э-э... – верный оруженосец, славный парень Альфонс ван дер Гроот растерянно заморгал. – Червяком? Вообще-то он много чего говорил, сир.

– Ла-адно, не парься, – король снова приложил оптику к правому глазу. – Это просто такая присказка... Тьфу ты! А виселиц-то на башне прибавилось! Одна, две... пять! Пять, Альфонс. И на каждой – по два трупа. Этак он всех своих крестьян перевешает... то есть не его крестьян, а моих добрых подданных! Пушки доставили?

– Не могу знать, мой король! – вытянулся в седле оруженосец. – С утра еще не было. Но... Сейчас поскачу в лагерь, спрошу...

– Не надо куда-то скакать, мой верный Альфонс, – поведив подозрительной трубой по всему побережью, Магнус посмотрел через нее на ближний лес и хмыкнул. – Вон, уже кто-то скачет. Ага – месье Труайя! Эгей! Что скажете, месье?

– Приветствую вас, ваше величество, – подъехав ближе, фехтовальщик, он же и комендант лагеря, спешился и отвесил монарху вежливый и галантный поклон. – Хорошие вести, сир. Из Оберпалена наконец доставили пушки. Добрые московские пушки, сир! Теперь эта гнусная обезьяна... я имею в виду барона, не сможет...

– Пушки – это хорошо! – спрятав трубу в футляр, Магнус радостно потер озябшие руки. – Сегодня же и начнем. Постреляем! Еще какие вести есть?

– Письмо из Нарвы, мой король. От тамошнего негоцианта Генриха Ротенберга.

– Из Нарвы? От Генриха? – его величество нетерпеливо протянул руку. – Давай сюда.

Сорвав восковые печати, развернул свиток.

«Добрый друг мой, большой вам поклон от приказчика вашего Генриха Томма...»

– Генрих Томм? Хм... – король рассеянно поднял глаза, но тут же расхохотался. – Ах, Маша, Маша. Великая конспираторша растет, куда там Крупской!

«Относительно ваших новгородских дел осмелюсь доложить, что все идет как надо: верные человек мой туда послан и кое-что разузнал, о чем подробнее расскажу при нашей личной встрече...»

Ого! Арцыбашев покачал головой. Как бы вот только теперь – в Новгород? Ну, да пока никак. Пока здесь разбираться надо. А потом и впрямь – попросить у царя город в качестве приданого. А что? Новгород самим же Иваном разорен, в полном упадке – что его, жалко, что ли?

– И еще одна новость, сир, – чуть выждав, продолжал комендант. – Боюсь, что плохая. С юга, по Вильяндской дороге, движется большой отряд. Идут в нашу сторону, мой король!

– Шведы?

– Думаю, скорее литовцы. Я распорядился выстроить войско и развернуть им навстречу пушки, сир.

– Правильно! – ободрительно кивнув, король приосанился в седле. – Что ж, поедем, посмотрим, что там за литовцы такие и откуда взялись. Да, с замка осаду не снимать ни в коем разе!

– Слушаюсь, ваше величество!

Выстроившееся вдоль лесной опушки войско – отряды ливонских дворян, нарвские ополченцы, русские охочие люди, стрельцы – выглядело очень даже внушительно! Вообще Ливонское королевство набирало силу не по дням, а по часам. Король объявил свободу торговли, ввел смертную казнь за нападение на купцов – на любых купцов! – кроме того, очень многие уже сколотили себе капитал на беспопытной торговле с Россией, гарантом которой являлся сам грозный московский царь! Его величество Магнус Первый оказывал всяческое покровительство городам, что же касаясь сельского хозяйства, то на конфискованные у мятежных баронов земли активно привлекались колонисты из числа местных крестьян, до того замордованных, а ныне – благодаря королевской поддержке – вдруг обретших истинное достоинство. Да, многие бароны Магнуса ненавидели – но баронов было мало, а горожан, крестьян и всех прочих – много. Так зачем делать ставку на меньшинство? Тем более столь чванливое и упрямое. К ногтю их – и все тут. Правда вот, шведы... Ну, да ничего, настанет срок, доберемся и до Стокгольма, слишком уж быстро забыли там про датское владычество! Ну-ну – вспомнят еще стокгольмскую «кровавую баню»!

А еще ливонский государь лелеял мечту возродить бывший орденский флот, как военный, так и торговый, еще не так давно – лучший на Балтике. Вообще, если разобраться, в экономике орден творил чудеса... и это все нужно было возродить и поставить себе на пользу.

Пушки, добрые русские пушки чугунного литья, грозно смотрели жерлами стволов на змеившуюся меж пологих холмов и небольших перелесков дорогу, на которой уже показалось чужое войско, в основном пешее, но имелись и конные. Несколько всадников вырвалось вперед, понеслись наметом... Странные всадники. В полных рыцарских латах, на добрых конях... Но гербы – закрашены. И вместо перьев на шлемах – зеленые еловые ветки. И кое-кто, как показалось многим, не шибко-то уверенно держался в седле. Неказисто как-то.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.